

Дитрих Бонхёффер

СЛЕДУЯ ХРИСТУ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТРАЗИВШИЙ СВЕТ ХРИСТА	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ДОРОГАЯ БЛАГОДАТЬ	10
ПРИЗЫВ СЛЕДОВАТЬ	20
ПРОСТОЕ ПОСЛУШАНИЕ.	36
СЛЕДОВАНИЕ ХРИСТУ И КРЕСТ	41
СЛЕДОВАНИЕ И ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК.....	47
НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ	53
<i>ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, ГЛАВА 5: О «ПОДВИГАХ» ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ.....</i>	<i>53</i>
<i>НАРЕЧЕНЫ БЛАЖЕННЫМИ.....</i>	<i>53</i>
<i>ЗРИМАЯ ОБЩИНА.....</i>	<i>60</i>
<i>ПРАВЕДНОСТЬ ХРИСТА</i>	<i>64</i>
<i>БРАТ</i>	<i>69</i>
<i>ЖЕНЩИНА.....</i>	<i>72</i>
<i>ПРАВДИВОСТЬ</i>	<i>75</i>
<i>ВОЗМЕЗДИЕ.....</i>	<i>78</i>
<i>ВРАГ – «ПОДВИГ».....</i>	<i>82</i>
<i>ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, ГЛАВА 6: О СОКРЫТОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ.....</i>	<i>88</i>
<i>ТАЙНАЯ ПРАВЕДНОСТЬ</i>	<i>88</i>
<i>СОКРЫТОСТЬ МОЛИТВЫ</i>	<i>93</i>
<i>СОКРЫТОСТЬ БЛАГОЧЕСТИВОГО УПРАЖНЕНИЯ</i>	<i>98</i>
<i>ПРОСТОТА БЕЗМЯТЕЖНОЙ ЖИЗНИ.....</i>	<i>101</i>
<i>ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, ГЛАВА 7: ВЫДЕЛЕНИЕ ОБЩИНЫ УЧЕНИКОВ</i>	<i>107</i>
<i>УЧЕНИК И ЯЗЫЧНИКИ</i>	<i>107</i>
<i>ВЕЛИКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ</i>	<i>112</i>
<i>Вывод.....</i>	<i>117</i>
ПОСЛАННИКИ (ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, ГЛ. 9:35 – 10:42).....	119
<i>ЖАТВА</i>	<i>119</i>
<i>АПОСТОЛЫ</i>	<i>121</i>
<i>ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....</i>	<i>123</i>
<i>СТРАДАНИЯ ПОСЛАННИКОВ.....</i>	<i>128</i>
<i>РЕШЕНИЕ</i>	<i>131</i>
<i>Плод.....</i>	<i>133</i>
ЦЕРКОВЬ ИИСУСА ХРИСТА И СЛЕДОВАНИЕ ЕМУ	134
<i>ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ</i>	<i>134</i>
КРЕЩЕНИЕ	137
ТЕЛО ХРИСТОВО	142
ЗРИМАЯ ОБЩИНА	150
СВЯТЫЕ.....	167
ОБРАЗ ХРИСТА	184
ПОСЛЕСЛОВИЕ	189

Предисловие к русскому изданию

Отразивший свет Христа

Цель христианства на земле – отражать своей жизнью Христа. Так как «Бог есть любовь», отражение жизни Христа есть пребывание в любви к людям. Так как Христос – это любовь, мудрость, справедливость и терпение, отражение Его в нашей жизни – это отражение Его любви, мудрости, справедливости и терпения.

Недолгая, но прекрасная земная жизнь Дитриха Бонхёффера была таким дивным отражением жизни Христа. Даже насильственная смерть знаменитого богослова символически явилась отражением Христова распятия. Книга, лежащая перед вами, переведена на разные языки. Интересно, что на английском языке ее название звучит буквально так: «Цена следования за Христом». Бонхёффер утверждает, что цена следования за Христом бесконечно высока – это посвящение и отдача Ему всей своей жизни. Он говорит, что эту цену необходимо платить не по большим праздникам, а ежедневно, ежечасно, ежеминутно – всю жизнь.

Что ж, Бонхёффер сполна оплатил свой путь следования за Учителем. Подобно большинству первых учеников Христа, в конце пути он принял мученическую смерть.

Книги Бонхёффера – о долге, совести, о прощении, о терпении, о дисциплине перед лицом Христа. Жизнь Бонхёффера – замечательный пример практической демонстрации этих качеств, когда, преодолевая боль и страдания, нужно открывать людям свет Спасителя. И когда любовь к врагам должна быть не теоретическими выкладками, а настоящей реальной любовью.

Читатель впервые сможет на русском языке познакомиться с богословским трудом Дитриха Бонхёффера «Следуя Христу». Его прекрасные письма из тюрьмы, помещенные в журнале «Вопросы философии» (1991), не могут в полной мере передать всей глубины и своеобразия сложных теологических концепций Бонхёффера¹. Но, и это важно отметить, контрапункт его размышлениям, его богословское кредо заключено в ясном понимании того, что христианство – это твой собственный, личный путь вослед Христу. Это твое личное, только от

¹ *Теологические позиции Д.Б. воспринимаются богословами по-разному. Его духовные концепции о спасении, даровой и дорогой благодати, о кризисе Церкви вызывают противоположные оценки. Тем более, что и в своих книгах, написанных в разное время, некоторые важные вопросы он трактует по-разному. Со всем этим, чрезвычайно ценным и интересным, читатель познакомится в предлагаемой книге. А дополнительную информацию можно почерпнуть в блестящем послесловии Эберхарда Бегге.*

тебя зависящее служение и самопожертвование Христу. Это неподобострастное угождение Богу, это духовный акт, поднимающий человека с земли, приближающий его к Небесному Отцу, дающий ему свободу во Христе. Ты одни, и никто другой, в ответе перед Богом.

Если ты нашел Бога, а Бог нашел тебя, если ты принял решение следовать за Христом, то ты принимаешь обязательство быть в ответе не перед людьми, но перед божественным и мученическим ликом Христа. Жизнь автора этой книги была наполнена пониманием этих обязательств.

Вот несколько штрихов из биографии ученика Христа Дитриха Бонхёффера.

Он родился в благополучной немецкой семье 4 февраля 1906 года: отец — врач, пять старших братьев и сестер, музыка, театр, с детства прививаемая любовь к природе. В семнадцать лет Бонхёффер говорит учителю и всему классу: «Хочу заниматься богословием!» Позднее он вспоминал: «Момент этот был поистине наполнен радостью. Стены класса отодвигались в бесконечность. Случилось что-то необыкновенное: я торжественно предстоял перед своим классом, а главное — перед своим Богом».

Годы христианской учебы: поездки в Рим, в Америку, Англию. Путь возрастания во Христе. Минуты сомнений, противоречий, непонимания, печали, одиночества. И потом — освещающий разум, и душу небесный свет Христа. Вот слова, написанные впоследствии: «Я понял и продолжаю понимать всё глубже, что, только испытав всю полноту земной жизни, по-настоящему приходишь к вере. Когда полностью откажешься от претензии стать кем-то — святым или грешником, проповедником или начетчиком, больным или здоровым: когда пройдешь через множество успехов и поражений, только тогда отдаешь себя в руки Богу, принимаешь всерьез страдания Бога в этом мире, а не свои собственные страдания, только тогда пребываешь со Христом в Гефсимании. В этом, на мой взгляд, и состоит вера. Только так и становишься человеком и христианином».

Молодой, богатырского здоровья пастор, высокообразованный и деликатный, пользуется уважением и любовью своих многочисленных друзей, верующих и неверующих.

Но в истории Германии наступает коричневый период — нацизм. В это безумное время человеческой деградации очень немногие в стране находят в себе силы и мужество стать в оппозицию к беспощадному режиму. Дитрих Бонхёффер — находит. Позже он так вспоминал об этом: «Я оказался в положении радикальной и непостижимой оппозиции не только к власти, но и ко всем моим друзьям; мои нелицеприятные оценки происходящего приводили меня ко все большей изоляции».

Немногим известно, что в Германии во времена нацизма существовала подпольная Церковь. Одним из ее руководителей был Бонхёффер. Это была Церковь, спасавшая людей, Церковь, не согласившаяся с античеловеческими идеями нацизма. Мало кто знает, что сотни ее членов были арестованы и погибли в концентрационных лагерях.

Через несколько лет Бонхёффер, до конца осознав, что Гитлер ведет народ к гибели, вступает в группу сопротивления режиму, планирующую устранение фюрера. Этой группой руководил адмирал Канарис.

Бонхёффер идет навстречу своей судьбе. В 1942 году он пишет: «Мы были свидетелями множества злых дел, мы насмотрелись всего на свете, мы обучились искусству притворства. Хватит ли у нас внутренней силы сопротивляться тому, что нам предписывается!?»

В эту кровавую пору бесчисленных моральных человеческих падений Бонхёффер влюбляется в восемнадцатилетнюю девушку – Марию. Любовь становится взаимной. Они обвенчались, но быть вместе смогли лишь три месяца, после чего судьба разлучила их навсегда на этой земле. В 1943 году гестапо раскрывает заговор и арестует всех его участников. Для Дитриха начинается последний подъем на Голгофу. Его поведение в тюрьме стало подвигом, длившимся два года. Вот что рассказывал о нем сидевший с ним в лагере Флоссебург английский офицер: «Душа его поистине светила в темном отчаянии нашего заключения. Всегда он являл собой само смирение и кротость, всегда излучал атмосферу счастья, радости, благодарности уже за одно то, что живет. Он был одним из тех немногих людей, для которых Бог был реален и близок». За две недели до конца войны Гитлер отдает приказ повесить всех заговорщиков. Путь следования Христу завершается, только вместо римских легионеров перед Бонхёффером стоят солдаты гестапо. Вот что вспоминал в своих записках лагерный врач: «Через приоткрытую дверь камеры одного из барачников я увидел пастора Бонхёффера, на коленях горячо молившегося Богу. Вера и непоколебимое упование на Спасителя, чувствовавшиеся в молитве этого столь привлекательного человека, тронули меня до глубины сердца. Впервые я увидел узника, который на пороге смерти с такой полнотой отдавал себя в руки Божьи».

Есть своя символика в сходстве судеб истинных христиан, погибших в советских застенках, и судьбой немецкого пастора Дитриха Бонхёффера, ушедшего к Богу в нацистском концлагере. Для этих людей не существовало компромиссов, где нужно платить Христом. Они отвергали сребреники и искушения благами мира и платили жизнью за возможность идти за Иисусом до конца земной черты.

9 сентября в Москве, присутствуя на скорбной годовщине убийства отца Александра Меня, я вспоминал Дитриха Бонхёффера и

думал о том, как трагически похожи пути всех мучеников, идущих за Христом. Когда следуешь по пути Христа, то обязательно подходишь к Голгофе. Это лобное место можно обойти, и большинство из нас, его благополучно минуют. И только праведники, исполненные силы и смирения Христа, до конца испивают чашу и поднимаются за Распятым на Голгофу.

Ученик Христа – Дитрих Бонхёффер – прильнул устами к той же чаше, из которой пил Учитель. Я уверен, что читатели, читающие по-русски, христиане и нехристиане полюбят Дитриха Бонхёффера, будут все больше и больше узнавать о нем, черпать в его грудях духовную силу. Его драматическая жизнь мелькнула прекрасной кометой на загадочном небосклоне Бытия. Его жизнь и смерть стали исполнением христианской мечты – они отразили свет Христа. За несколько месяцев до смерти, Дитрих Бонхёффер написал поэму «Путь к свободе». Там есть такие слова:

***Бог приходит ко всем людям в их бедствиях.
Бог укрепляет их душу и тело Своим хлебом.
За христиан и за язычников Бог принимает крестную смерть...
Но христиане остаются с Богом в Его страдании.***

Да, путь к свободе, который предлагает нам знаменитый немецкий проповедник, тернист и нелегок. Для многих, в том числе для самого Бонхёффера он завершился на Голгофе. И все же мы идем по этому пути, ибо проводник наш – Отец Надежды Иисус Христос.

Михаил Моргулис.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во времена обновления Церкви обнаруживается, что Св. Писание становится для нас богаче. За неизбежными лозунгами дня, лозунгами церковных диспутов выявляются поиски и вопросы – о Том, о Котором только и идет речь, – о Христе. Что хотел сказать нам Христос? Что Он ныне хочет сказать нам? Как поможет Он нам сейчас быть верными христианами? Не то важно, чего хочет тот или иной церковный человек, но – чего хочет Христос, – вот что мы хотим знать. Слово Его Самого желаем мы услышать, когда идем к проповеди. И речь идет не только о нас, но и о тех многих, для кого Церковь и ее весть остаются чуждыми. Мы ведь вполне полагаем, что слово слышат и совсем другие люди и они же, совсем другие, отворачиваются снова и снова, – коли пришло к тому, что Сам Христос – и только Христос – должен явиться среди нас со Своим словом в проповеди. Не то чтобы проповедь нашей Церкви уже перестала быть Словом Господа, – но сколько разного шума, сколько излишне человеческого, жестких законов и пустых надежд и утешений ещё омрачают чистое слово Христа и затрудняют путь к верным решениям! Но здесь все же не только другие виноваты, находя нашу проповедь, очевидно желающую стать Христовой проповедью, – жесткой и тяжелой: ведь она навьючена формулами и понятиями, которые им чужды. Ведь неверно же, что каждое слово, направленное ныне против нашей проповеди, уже есть отказ от Христа, что оно против христианства. Намерены ли мы, в самом деле, отрицать свою общность с теми, многочисленными ныне, приходящими к нашей проповеди, желая слушать, – и всегда с печалью узнающими, что мы затрудняем им доступ к Христу? Они верят, что уклоняются не от слова Христова, а только от того множества человеческого, институционального, доктринального, что собралось между Христом и ними. Вряд ли кто из нас знает сейчас все ответы, которые тут можно дать и с которыми у нас улетучилась бы ответственность за каждого человека. Но не задать ли нам самим себе вопрос: не сами ли мы часто встаем на пути слова Христова, – прибегнув, возможно, к излишне установившимся формулировкам: пеняя кому-то за его время, место и определенный общественной структурой тип проповеди; проповедуя, может быть, действительно чересчур «догматично» и со слишком малой «жизненностью»; охотно произнося верные мысли Св. Писания, но оставляя при этом без внимания другие важные слова; слишком много еще проповедуя собственные мнения и убеждения и слишком мало – Христа? Хотя нет ничего, противоречащего нашему собственному устремлению и одновременно более губительного для нашего благовестия, чем то, что мы, труждающиеся и обременные, которых Христос зовет к Себе, мы нагружены тяжелыми

человеческими установлениями, отвращающими нас от Него. Как была бы осмеяна любовь Христа перед христианами и язычниками! Но поскольку здесь не могут помочь общие вопросы и самообвинения, то направимся же к Св. Писанию, к Слову и призыву Христа. Здесь, преодолевая нищету и узость наших собственных убеждений и вопросов, мы ищем ту широту и то богатство, которые дарованы нам во Христе.

Мы хотим говорить о призыве Христа и следовании Христу. Возложим ли мы на людей новое, тяжелое иго? Должны ли здесь присовокупиться к человеческим установлениям, среди коих скорбят души и тела, еще более жесткие и неумолимые? Допустимо ли припоминанием о следовании Христу уязвлять еще одним острым жалом беспокойную и израненную совесть? Должно ли здесь — в который уже раз на протяжении истории Церкви — ставить невозможные, мучительные, доходящие до эксцентризма требования, исполнение которых могло бы стать благочестивой роскошью для немногих избранных; а для тех, кто трудится, заботясь о куске хлеба, о профессии, семье, они неприемлемы как безбожные упражнения о Боге? Пристало ли Церкви становиться духовной деспотией для людей, единовластно восседать и повелевать, угрожая земными и вечными карами, а человек пусть, мол, во все это верит и исполняет, чтобы обрести блаженство? Должно ли слово Церкви принести в души новую тиранию и насилие? Ведь может быть, что некоторые люди уже жаждут такого порабощения. Но может ли Церковь служить подобным притязаниям?

Когда Священное Писание говорит о следовании Христу, то оно возвещает при этом освобождение людей от всех человеческих установлений, от всего, что давит, обременяет, что соделывает заботы и муки совести. Следуя Христу, люди приходят от жесткого ига их собственных законов под благое иго Иисуса Христа. Упраздняет ли этим Христос серьезность заповеди? Нет, напротив, полное освобождение людей для единения с Христом возможно там, где существует целостность заповеди Христа; призыв же Его заключается в безраздельном следовании Ему. Кто безраздельно следует заповеди Христа, кто принимает на себя иго Христа не противясь, тому легко бремя, взятое на себя, тот получает под благой тяжестью этого ига силу без усталости идти правильным путем. Заповедь Христа жестка, нечеловечески жестка для того, кто изо всех сил противится ей. Заповедь Христа есть благо и не тяжела для того, кто с готовностью предает себя ей. «Заповеди Его не тяжки» (1Ин 5,3). Заповедь Христа не имеет ничего общего с душевными заботами. Христос ничего не требует от нас, не придав нам силу сделать это. Заповедь Христа направлена не на разрушение жизни, но на сохранение, укрепление и исцеление жизни.

Но нас преследует вопрос, что ныне может означать призыв Христа для рабочего, для делового человека, для крестьянина, для солдата, – вопрос, не привносится ли сюда невыносимый разлад в бытие трудящегося в мире человека и христианина. Но не есть ли христианство (следование Христу) всего лишь дело какого-то малого числа людей? Не означает ли оно отталкивания больших масс народа, пренебрежения слабыми и нищими? Не отрицается ли при этом как раз великое милосердие Христа, Который пришел к грешникам и мытарям, нищим и слабым, заблудшим и сомневающимся? Что мы можем сказать на это? Кто они — немногие или многие, кто принадлежит Христу? Христос в одиночестве умер на кресте, покинутый Своими учениками. Рядом с ним были распяты не двое верных Ему, но двое убийц. У креста же стоят все: враги и уверовавшие, сомневающиеся и боязливые, насмешники и побежденные, и ко всем ним и грехам их относится молитва Христа о прощении. Милосердная любовь Господа живет и среди своих врагов. Она есть Иисус Христос, Который по благодати Своей призывает нас следовать Ему и эта благодать делает блаженным разбойника на кресте в его последний час.

Куда ведет призыв следовать Христу последовавших за Ним? Какие решения и отрешения он приносит с собой? С этими вопросами мы должны идти к Тому, Кто единственно знает ответ. Только Христос, велящий следовать, знает, куда ведет путь. Мы же, знаем, что это будет, конечно, безграничный и милосердный путь. Следование Христу есть радость.

Ныне это кажется трудным – уверенно идти узким путем церковного решения и при этом обладать всей необъятностью христианской любви ко всем людям, терпения, милосердия, «человеколюбия» Господа (Тит .3,4) – оставаться со слабыми и нечестивыми; и тем не менее, то и другое должны сочетаться, иначе мы пойдем путем человеков. Бог да дарует нам радость, в серьезности нашего следования Христу; при всем Его «нет» греху – «да» грешнику, при всем отрицании Его врагами – одолевающее и ободряющее слово Евангелия. «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирён сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:28-30).

I

ДОРОГАЯ БЛАГОДАТЬ

Даровая благодать - это смертельный враг нашей Церкви. Наша борьба идет ныне за дорогую благодать.

Даровая благодать означает бросовое благодеяние, бросовое отпущение, бросовое утешение, бросовую святыню; она означает благодать как неисчерпаемую кладовую Церкви, откуда можно легкомысленно и бездумно черпать полными пригоршнями; благодать, лишенную цены, лишенную стоимости. Как если бы в том состояла сущность благодати, что она изначально уравнена, во всех временах. Но тщетно надеяться на вычисленные решения на все случаи жизни. Бесконечно велики издержки, бесконечно велики поэтому и возможности пользования и употребления. Чем была бы, однако, благодать, не являющаяся даровой?

Даровая благодать означает благодать как учение, как принцип, как систему, означает прощение грехов в качестве расхожей истины, означает любовь Господа как христианскую идею Бога. Кто ее принимает, тот уже имеет отпущение своих грехов. Церковь с таким учением о благодати благодаря ему уже причастна благодати. В этой Церкви мир находит даровое покрытие своим грехам, о которых не печалится и от которых он не хочет освободиться. Даровая благодать есть в силу этого отрицание животворного Слова Господня, отрицание воплощения Слова Божия.

Даровая благодать означает оправдание греха, но не грешника. Ведь поскольку благодать делает все сама, все может остаться по-старому. «Дела наши суетны». Мир остается миром, и мы остаемся грешниками «и в лучшей жизни». И живи, мол, христианин, как и мир, являя себя равномерно во всех вещах, и не ведя – в фанатической ереси! – в благодати другую жизнь, чем во грехе! И не неистовствуй против благодати, позоря огромную, даровую благодать и возводя новый догматизм, пытаясь смиренно жить по заповедям Иисуса Христа! Мир оправдан благодатью, поэтому – ради серьезности этой благодати! Чтобы не противиться этой незаменимой благодати! – да живет христианин наподобие остального мира! Конечно, ему хочется совершить подвиг, и тяжелейшее, несомненно, отречение для него – не делать этого, не то ведь пришлось бы жить по-мирски. Но он должен совершать отречение, самоотречение, чтобы не разделять себя с миром и его жизнью. Тем более он должен позволить благодати быть благодатью, что он не разрушает мира верой в эту даровую благодать. Однако христианин в своем мирском существовании, в этом необходимом отречении, которое он должен осуществить ради мира – нет, ради благодати! – спокойно и уверенно (*securus*) располагает этой

благодатью, которая все делает сама. Итак, христианину надо, мол, не следовать, но утешаться благодатью! Это даровая благодать есть оправдание греха, но не оправдание раскаявшегося грешника, который отворачивается и бежит от своего греха; и не прощение греха, которое отделяет от греха. Даровая благодать есть благодать, которую мы имеем при себе.

Даровая благодать есть проповедь прощения без покаяния, крещение без послушания, причастие без раскаяния в грехах, прощение грехов без личной исповеди. Даровая благодать есть благодать без следования, благодать без креста, благодать без живого, вочеловечившегося Иисуса Христа.

Дорогая благодать – это сокровище, скрытое в земле, ради нее человек пойдет и с радостью распродаст все, что имеет; это драгоценные жемчужины, за которые торговец отдает все свое добро; это царская власть Христа, ради которой человек вырвет себе глаз, соблазняющий его; призыв Иисуса Христа, по которому ученик, ставший апостолом, оставляет свои сети и следует за Ним.

Дорогая благодать есть Благая весть, которую нужно искать вновь и вновь, дар, о котором нужно попросить, дверь, в которую надо стучаться.

Она дорогая, поскольку зовет следовать; она благодать, поскольку зовет следовать за *Иисусом Христом*, она дорогая, поскольку стоит человеку жизни; она благодать, поскольку дарит ему настоящую жизнь, она дорогая, поскольку осуждает грехи; она благодать, поскольку прощает грешника. Благодать дорога прежде всего потому, что таковой установил ее Бог, поскольку Бог платил жизнью Своего Сына – «вы куплены дорогой ценой» – и для нас не может быть дешево то, что дорого Богу. Благодать она прежде всего потому, что для Бога и Сын Его не стал чересчур дорогой ценой за нашу жизнь, но Он отдал Его за нас. Дорогая благодать есть вочеловечение Бога.

Дорогая благодать есть благодать как святыня Бога, которую должно оберегать от мира, которую не следует бросать псам, она поэтому благодать как живое Слово, Слово Божие, которое Он произносит Сам, как Ему угодно. Нам она явлена как милостивый призыв следовать Христу, она пришла дарованным Словом к утраченной душе и разбитому сердцу. Она дорога, потому что принуждает людей к бремени Иисуса Христа, она благодать, потому что Христос говорит: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Дважды нисходил призыв к Петру: следуй за Мною! Это было первое и последнее слово Иисуса к Его апостолам (Мк 1,17; Ин 21,22). Вся Его жизнь пролегла между этими двумя призывами. В первый раз на Генисаретском озере Петр оставил ради Христа свои сети, свое дело и последовал Его слову. В последний раз встречает его Воскресший при его прежнем занятии, снова на Генисаретском озере, и снова зовет: иди

за Мною! И между этим — вся апостольская жизнь в следовании Христу. Посреди нее стояло исповедание Христа как Господа. Одно и то же трижды прозвучало Петру — в начале, в конце и близ Цезарии Филипповой, а именно: что Христос есть его Господь Бог. Это та благодать Христа, которая зовёт его: иди за Мною! — и которая открывает ему веру в Сына Божьего.

Троекратно являлась благодать на пути Петра, Единая Благодать, трижды разнo возвещенная; то была благодать Самого Христа, и, безусловно, не благодать, внушенная себе апостолом. Это была та самая благодать Христа, убедившая апостола бросить все ради следования, сотворившая в нем веру, которой предстояло вызвать злословие всего мира, которая позвала неверного Петра к последнему единению в мученичестве и простила ему все грехи. Благодать и следование Христу неразрывно слились в жизни Петра. Он сподобился дорогой благодати.

С распространением христианства и с обмирщением Церкви сознание дорогой благодати постепенно терялось. Мир был христианизирован, благодать превратилась во всеобщую добродетель христианского мира. И ее стало можно получить даром. Но Римская Церковь сохраняла, остатки этого сознания. Решающее значение имело то, что монашество не отделило себя от Церкви и что ум Церкви пребывал в монашестве. Здесь, у самых пределов Церкви, было пространство, в котором неустанно сохранялось сознание, что благодать дорога, что благодать включает следование Христу. Люди оставляли ради Христа все, что имели, и пытались следовать строгим заповедям Христа в повседневных упражнениях. Так монашеская жизнь стала живым протестом против обмирщения христианства, против удешевления благодати. Но в то время как Церковь перенесла этот протест и не дошла до последнего взрыва, релятивизировав его, — ей все же удалось извлечь из него даже оправдание своей обмирщенной жизни; ибо теперь монашеская жизнь стала подвижническим делом одиночек, ни к чему не обязывая массу церковного народа. Роковое ограничение действенности заповедей Христа одной определенной, обособленной группой людей вело к различению высших и низших степеней христианского послушания. При этом удалось, все далее и далее выступая против обмирщения Церкви, указывать на возможность монашеского пути внутри Церкви, рядом с которым потом непременно оправдывалась другая возможность — легкого пути. В итоге указание на раннехристианское понимание дорогой благодати, сохраняясь в Римской Церкви благодаря монашеству, парадоксальным образом само становилось последним оправданием обмирщения Церкви. При всем этом глубочайшая ошибка монашества состояла не в том, что оно — при всех неправильных толкованиях содержания воли Христа — шло благодатным путем строгого следования Христу. Гораздо больше и

существенней монашество отдаляло себя от христиан тем, что его собственный путь вел к свободному служению немногих и при этом притязал на особые заслуги.

Когда во времена Реформации Бог через Своего слугу Мартина Лютера снова наплатил Евангелие чистой, дорогой благодатью, то Он провел Лютера через монастырь. Лютер был монах. Он оставил все и хотел следовать Христу в совершеннейшем послушании. Он отрекся от мира и ушел в христианские труды. Он учил послушанию Христу и Его Церкви, поскольку он знал, что только повинующийся может верить. Призыв в монастырь Лютер расценивал как полное отдание этому делу своей жизни. Лютер потерпел крушение на своем пути к Богу. Бог показал ему через Писание, что следование Христу не есть некая особая заслуга одиночек, но Божественная заповедь для всех христиан. Смиранный труд следования Христу превратился среди монашества в заслугу, в деяние святых. Самоотречение последовавших за Христом раскрывалось здесь как последнее духовное самоутверждение набожных людей. Тем самым мир ворвался прямо в монашескую жизнь и – что самое опасное – в труды. Монашеское бегство от мира оборачивалось утонченнейшей любовью к миру. В этом крушении последней возможности набожной жизни Лютер и ухватился за благодать. Он увидел во всеобщем крушении монашеского мира спасительную руку Господа Бога, протянутую во Христе. Он ухватился за нее, веруя в то, что «суетны дела наши и при наилучшей жизни» Благодать, которая даровалась ему, была дорогая благодать, она целиком раскрыла ему свое существование. Он должен был во второй раз бросить свои сети и следовать. В первый раз, когда он пошел в монастырь, он оставил все, но только не самого себя, не свое набожное Я. Теперь и это было взято у него. Он последовал не за своими заслугами, но за Божьей благодатью. Не ему было сказано: хотя ты и выздоравливаешь, но это все прощено, только оставайся и дальше там, где ты есть, и утешься прощением! Лютер должен был оставить монастырь и пойти назад в мир – не потому что мир был так уж свят и хорош, но потому что монастырь был ничем иным, как миром.

Лютеровский путь из монастыря назад, в мир, означал наиострейшее выступление, какое только было предпринято против мира со времен раннего христианства. Отказ, который давал миру монах, был детской игрой по сравнению с тем отказом, который мир получил от него в этом возвращении. И фронтальное наступление началось. Следовать Христу означает жить в самом мире. То, что трактовалось как подвиг добродетели в особых обстоятельствах, облегченных монастырской жизнью, стало необходимым и заповеданным для каждого христианина в мире. Совершенное послушание заповедям Христа должно было осуществляться в ежедневных трудах. При этом непредвиденным образом углублялся

конфликт между жизнью христианина и жизнью мира. Христианин, так сказать, взялся миру за бока. И это был рукопашный бой.

Дело Лютера, можно непревратно истолковать, только держась того мнения, что Лютер с открытием Евангелия чистой благодати провозгласил разрешение следовать заповедям Христа, в миру, реформаторское открытие было канонизацией, оправданием мира через дарованную благодать. Для Лютера земные дела христианина, напротив, оправданы единственно тем, что в них передан глубокий протест против мира. Только в том случае, если земные дела христианина совершаются в следовании Христу, он и получает из Евангелия новое право. Не оправдание греха, но оправдание грешника было основой для возвращения Лютера из монастыря. Лютеру была дарована драгоценная благодать. Это была благодать, потому что она была как вода для жаждущего края, как утешение для страха, избавление от плена самовольно избранных путей, прощение всех грехов. Благодать была драгоценна, потому что не освобождала от трудов, но бесконечно усиливала призыв следовать Христу. Но там, где она была драгоценна, там она была благодатью, и где была благодатью, там она была драгоценна. Это была тайна реформаторского Евангелия, тайна прощения грешников.

И все-таки победителем в реформаторской истории остается не лютеровское познание чистой, дорогой благодати, а чуткое религиозное чувство людей на то, где можно иметь даровую благодать. Потребовалось только легкое, почти незаметное смещение акцента – и опаснейшее и пагубное дело было сделано. Лютер учил, что и благочестивейший в своем пути и трудах человек не может выстоять перед Богом, поскольку в качестве опоры он всегда ищет самого себя. В этой нужде он достиг благодати свободного и безусловного прощения всех грехов в вере Лютер знал, что эта благодать будет стоить ему жизни и будет взыскиваться ежедневно; ибо через благодать он не был освобожден от следования Христу, но, напротив, вторгся в него. Если Лютер говорил о благодати, то он думал о своей собственной жизни, которая прежде всего благодатью была поставлена в полное послушание Христу. Он не мог говорить иначе о благодати, а только так. Лютер говорил, что благодать это сделает сама по себе; и дословно это же повторяли его ученики, с тем единственным отличием, что они очень скоро это растеряли и не задумывались, говоря то, что Лютер всегда естественным образом обдумывал, а именно: о следовании Христу; ведь ему не было нужды говорить больше, поскольку он говорил как тот, кого благодать привела к нелегкому следованию Христу. Учение учеников было, конечно, неоспоримым в отношении лютеровского учения, и все же это учение было концом и уничтожением Реформации как проявления драгоценной благодати Бога на земле. Из оправдания грешников в миру оно сделалось

оправданием греха и мира. Из дорогой благодати сделалась даровая благодать без следования Христу.

Если Лютер сказал, что дела наши тщетны и при благой жизни и что для Бога не имеет силы «милость и желание прощения грехов», так он сказал это как тот, кто и до сего момента и в момент, когда был призван, обновлялся в следовании Христу, бросив все, что имел. Познание благодати было для него последним радикальным разрывом с грехами своей жизни, но никогда не было их оправданием. Наделенное прощением, последним радикальным отказом от своевольной жизни, оно само по себе было серьезным призывом следовать Христу. Оно было для него всякий раз «результатом», конечно, божественным, не человеческим результатом. Этот результат был, однако, превращен потомками в принципиальную предпосылку тех или иных соображений. В этом и состояло все несчастье. Если благодать есть пожалованный Христом «результат» христианской жизни, то каждое мгновение этой жизни – следование Христу. Если же благодать есть принципиальная предпосылка моей христианской жизни, то я, значит, заранее имею, прощение моих грехов, которые я совершаю, живя в миру. Я могу теперь грешить на эту благодать, мир ведь в принципе искуплен благодаря благодати. Я остаюсь при этом в моем обывательски-мирском существовании, как и прежде, все остается по-старому, и я могу быть, уверен, что и меня покрывает Божья благодать. Целый мир стал под этой благодатью «христианским», христианство же под этой благодатью никогда не обращалось к миру подобным образом. Конфликт между христианством и проходящей в трудах обывательски-мирской жизнью обострился. Христианская жизнь заключается как раз в том, что я живу в миру, живу как мир, ни в чем себя от нею не отделяя, даже совсем и не пытаюсь – ради благодати! – отделять себя, что я в положенное время отдаю себя из пространства мира в пространство Церкви, чтобы там удостовериться в прощении моих грехов. От следования Христу я освобожден даровой благодатью, которой положено быть озлобленнейшим врагом следования Христу, а истинную благодать — ненавидеть и поносить. Благодать как предпосылка есть найдешевейшая благодать; благодать как результат – драгоценная благодать. Это страшно – узнать, что в этом заключено, каким образом евангельская истина высказывается и как употребляется. Есть только одно слово об искуплении благодатью; и, однако, неверное употребление одних и тех же высказываний ведет к совершенному разрушению сущности.

Если Фауст в конце своей жизни, трудясь над познанием, говорит: «Я вижу, что мы ничего не можем знать», то это результат; и совершенно иное дело, когда те же слова мы услышим от студентки первого семестра, пытающейся оправдать свою лень (Кьеркегор). Как результат это положение верно, но как предпосылка – самообман.

Это означает, что познание не может быть отъединенным от бытия, в котором укоренено. Лишь тот, кто в следовании Христу отказывается от всего, что имеет, может сказать, что он воздает должное только благодати. Он познаёт призыв следовать Христу как благодать и благодать как этот призыв. Но кто, кивая на эту благодать, хочет увильнуть от следования Христу, тот обманывается.

Но не попадает ли сам Лютер в опасное соседство с этим полнейшим переименованием благодати? Что значит, когда Лютер считает себя вправе сказать: «*Pecca fortiter, sed fortius fide et gaude in Christo*» – «Греши смело, но веруй и радуйся во Христе еще смелее!»². Итак, ты вот грешник и никогда не выйдешь из греха; монах ты или мирянин, кротким, злым ли желаешь быть, ты не вырвешься из пут мира, ты все равно грессишь. Так гресси же смелее – именно на творимую благодать! Что это – неприкрытая прокламация даровой благодати, охранная грамота греха, устранение следования Христу? Или кощунственный вызов грешникам, озорничающим за ради благодати? Есть ли более дьявольское поношение благодати, чем грешить против дарованной Богом благодати? И католический катехизис неправ, признавая в этом грех против Святого Духа?

Здесь все становится понятным, если провести различие между предпосылкой и результатом. Если бы лютеровское высказывание служило предпосылкой к богословию благодати, тогда это, вне сомнения, превознесение даровой благодати. Но правильно будет подойти к этому лютеровскому высказыванию не как к началу, но исключительно как к концу, как к результату, как к замковому камню, как к завершающему слову. Понятое как предпосылка, *pecca fortiter* становится этическим принципом; и, значит, принцип *pecca fortiter* должен соответствовать принципу благодати. Это – оправдание греха. И лютеровское высказывание оказывается истолкованным превратно. «Греши смело» – для Лютера это могло быть лишь последним выходом, одобрением для того, кто открывает на пути следования Христу, что он, в бегстве от греха усомнившийся в Божественной благодати, не безгрешен. Для него это «гресси смело» не есть основополагающее подтверждение его несмирной жизни, но Евангелие от Божьей благодати, перед которым мы всегда, в любом положении суть грешники и которое ищет нас и оправдывает именно как грешников. Признайся смело в своих грехах, не пытайся скрыться от них, но – «веруй еще смелее». Ты грешник, так и будь теперь им, не желай быть чем-то другим, кроме того, что ты есть; становись же каждодневно грешником и будь смел в этом. Но к кому это относится, как не к тому, кто изо дня в день сердцем отказывается от греха, кто изо дня в день отказывается от всего, что мешает ему следовать Христу, и кто, тем не

² Enders III. *cmp.* 208, 118 и след.

менее, безутешен насчет своей ежедневной нетвердости и своих грехов? Кто иным образом может слушать это, не опасаясь за собственную веру, как не тот, кто, обновляя себя через утешение, зовет следовать Христу? Так лютеровское высказывание, понятое как результат, становится драгоценной благодатью, которая единственно и есть благодать.

Благодать как принцип, ресса fortiter как принцип, даровая благодать есть, в конце концов, лишь новый закон, который не помогает и не освобождает. Благодать же, как живительное слово, ресса fortiter как утешение в смущении и призыв следовать Христу, драгоценная благодать есть единственно чистая благодать, которая действительно прощает грехи и вызволяет грешника.

Как вороны, собрались мы вокруг трупa даровой благодати, питаюсь ее ядом, от которого почилo среди нас следование Христу. Хотя учение об истинной благодати пережило несравненный апофеоз, истинное учение о благодати есть Сам Бог, сама благодать. Всюду лютеровские слова, и, тем не менее, из правды проистекает самообман. Если наша Церковь имеет только учение об оправдании, то она неминуемо оправдательная Церковь! – вот как это называется. При этом надо бы сделать известным истинное наследие Лютера, заключающееся в том, что самое благодать обесценили до такой степени, как только возможно. Это должно, согласно Лютеру, значить, что следование Христу отдается законникам, реформаторам и прельщенным – ради благодати; что этим оправдывается мир, а христиане превращаются в воспоследовавших еретикам. Народ был христианским, стал лютеранским, но ценой следования, получившего слишком малую цену. Даровая благодать победила.

Но знаем ли мы при этом, что эта даровая благодать, стала в высшей степени немилосердна по отношению к нам? Цена, которую мы сегодня платим с развалом организованной Церкви, – разве это что-то иное, нежели необходимое следствие задаром унаследованной благодати? Задешево раздавались благовестие и причастие; производились крещения, конфирмации; отпускались грехи всему народу – без постановки вопросов и условий; раздали святыню человеческой любви насмешникам и неверующим; без конца причащали потоком благодати, но редко кем был услышан призыв к строгому следованию Христу. Где оставались знания и опыт старой Церкви, которая в вопросе крещения так строго следила за границей между Церковью и миром, за дорогой благодатью? Где оставались предостережения Лютера о таком благовествовании Евангелия, которое делает людей неуязвимыми в безбожной жизни? Был ли когда-нибудь мир христианизирован более бесцветно и нечестиво, чем сейчас? Что были те 3.000 тел саксонцев, умерщвленных Карлом Великим, по сравнению с миллионами умерщвленных душ сегодня? Нам теперь стало ясно, что грехи отцов

настигают детей и в третьем, и в четвертом поколении. Даровая благодать была весьма немилосердна к нашей христианской Церкви.

Обесцененная благодать неминуемо немилосердна и к лучшим из нас — к каждому лично. Она не открывала нам путь ко Христу, но закрывала. Она звала нас не к следованию Христу, но к непослушанию. Или же, быть может, это не было так уж жестоко и бессердечно, если там, где мы однажды услышали призыв следовать Христу как благодатный призыв, где мы, может быть, однажды совершив первые шаги в воспитании послушания заповеди, уже были атакованы словом о дешевой благодати? Могли ли мы расслышать это слово иначе, нежели когда оно попало на нашем пути, призывая нас к предельной мирской трезвости, чтобы задушить в нас радость следования Христу, — со ссылкой, что пусть все будет только нашим самовольно выбранным путем, тратой сил, тяготами и воспитанием, которое ненужно, а то и опасно? — ибо оно в благодати уже все приготавливает и осуществляет! Тлеющий фитиль был бессердечно погашен. Обращаться так к человеку было бессердечно, поскольку он, запутанный таким дешевым предложением, должен был бросить свой путь, путь, к которому его зовет Христос, — поскольку он ухватился за дешевую благодать, каковая навсегда заказывает ему познание драгоценной благодати. И нельзя было прийти ни к чему другому, нежели к тому, что обманутый слабый человек однажды стремительно кинулся в удел дешевой благодати, потеряв на деле волю к послушанию, к следованию Христу. Слово о даровой благодати погубило больше христиан, чем заповедь трудиться.

Во всем дальнейшем мы хотели бы говорить только для тех, кто полон сомнения, для кого слово благодати кажется ужасающе пустым. Это нужно ради правдивости для тех, кто разговаривает среди нас, кто узнал, что с даровой благодатью они утратили следование Христу, а обретя следование Христу, обретут и дорогую благодать. Проще говоря, поскольку мы не намерены отрицать, что мы более не находимся в истинном следовании Христу, что мы полноправные члены истинной Церкви, — нужно предпринять попытку понять благодать и следование Христу в их правильных взаимоотношениях. И сегодня тут мы уже не должны более уступать. Все более ясно обнаруживается нужда для нашей Церкви в раскрытии вопроса о том, как же нам жить как христианам.

Блаженны те, кто накопится уже в конце того пути, который мы намерены пройти, и чудесным образом постиг то, что воистину не кажется постижимым: что благодать дорога именно потому, что она чистая благодать, ибо она есть Божья благодать в Иисусе Христе. Блаженны те, кто в простодушном следовании Христу одолел себя благодаря этой благодати, чтобы со смиренным духом возлюбить единственно действительную благодать Иисуса Христа. Блаженны те,

кто в познании этой благодати может жить в мире так, чтобы не потерять себя, кому в следовании Христу открылось небесное отечество, открылось так ясно, что они стали воистину свободными для жизни в этом мире. Блаженны те, для кого следование Христу не означает ничего, кроме жизни, питающейся благодатью, и благодать не означает ничего, кроме следования Христу. Блаженны они, если стали христианами в этом смысле и слово благодати было милосердно к ним.

ПРИЗЫВ СЛЕДОВАТЬ

«Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он встав последовал за Ним». (Мк. 2:14).

Призыв исходит, и без какого-либо дальнейшего его опосредования следует послушное деяние призванного. Ответ ученика есть не словесное признание веры в Иисуса, но дело послушания. Как стала возможной такая непосредственная соотнесенность призыва и послушания? Повсюду – возмущение природного разума, он должен утруждаться, чтобы разделить эту жесткую череду, что-то разъять, что-то привести к ясности. Нужно среди всех обстоятельств найти опосредование – психологическое, историческое. Стоит безрассудный вопрос: не был ли сборщик податей уже знаком Христу и потому готов следовать Его призыву. Но текст об этом упорно умалчивает, все сосредоточено, в конечном счете на непосредственной соотнесенности призыва и деяния. На психологические обоснования благочестивых побуждений человека внимания не обращено. Почему же? Потому что есть только единственно значимое обоснование соотнесенности призвания и деяния: *Сам Иисус Христос*. Он Тот, Который призывает. И потому следует за Ним сборщик податей. В этой встрече засвидетельствован безусловный, неопосредованный и не требующий обоснований авторитет Иисуса. Здесь ничто ничему не предшествует, все вытекает только из послушания призванного. Оттого что Он Христос, Ему дана полная власть, призывать и требовать послушания Своему слову. Иисус зовет следовать Ему не как учитель и образец для подражания, но как Христос, Сын Божий. Итак, в этом коротком тексте возвещается власть Иисуса Христа над человеком, ничего более. Никакой похвалы ученику, решимости его христианства. Взгляд должен остановиться не на нем, а на Том. Кто зовет, на Его полновластии. И не указан путь к вере, к следованию; ибо нет другого пути к вере, кроме как через повиновение призыву Иисуса.

Что говорится о содержании следования Христу? Следуй за Мною, поспешай позади Меня! Это всё. Идти следом за Ним – это же что-то совершенно бессодержательное. Это и вправду не жизненная программа, осуществление которой могло бы показаться исполненным смысла; не цель, не идеал, к которому надо устремиться. Это вовсе не такая вещь, за которую надо ожидать похвалы от людей, частично или полностью отдав себя ей. И что происходит? Тот, кого призвали, бросает всё, что имеет, не для того, чтобы содейть нечто особенно ценное, а просто по призыву, ибо иначе он не сможет пойти за Иисусом. Как таковое, это деяние оценено совершенно незначительно.

Само по себе оно остается чем-то, полностью лишенном значения, не заслуживающим внимания. Мосты разрушены, и надо просто идти вперед. Будучи вызванным, надо «выступить» из прежнего существования и начать «существовать» в строгом смысле слова. Старое остается позади, оно полностью миновало. От относительных жизненных гарантий к полной незащищенности (т.е. на самом деле в абсолютную защищенность и укрытие благодаря единению с Иисусом); от зримого и исчисляемого (т.е. на самом деле совсем не исчисляемого) – в совершенно необозримое, полное случайностей (т.е. на самом деле в единственно необходимое и поддающееся исчислению); из сферы конечных возможностей (т.е. на самом деле бесконечных возможностей) в сферу бесконечных возможностей (т.е. на самом деле в единственно свободную действительность) – вот куда брошен ученик. Это опять же не всеобщий закон, напротив прямая противоположность всякой закономерности. Это опять же не что иное как связь единственно с Иисусом Христом, т.е. полный обвал любой программности, всякой идеальности, всякой закономерности. Поэтому последующие содержания становятся невозможными, ибо Иисус и есть единственное содержание. Рядом с Иисусом уже более нет другого содержания. Он Сам является таковым.

Итак, призыв следовать есть единение, связь с Личностью только Иисуса Христа, ломка всякой законности по благодати Того, Кто призывает. Он есть исполненный благодати призыв, исполненная благодати заповедь. Он по ту сторону враждебности к закону и Евангелию. Христос зовет, ученик следует. Это и благодать, и заповедь в одном. ***«Буду ходить свободно; ибо я взыскал повелений Твоих».*** (Пс 118,45).

Следование Христу есть связь со Христом; поскольку есть Христос, должно быть и следование Ему. Идея о Христе, ученая система, всеобщее религиозное сознание благодати или прощения грехов не делают следование Христу необходимым, ведь они исключают себя из истины, будучи враждебными к следованию. К идее приходят в силу познания, воодушевления, а быть может, и осуществления ее, но никак не в силу личного послушного следования Христу. Христианство без живого Иисуса Христа неизбежно остается христианством без следования; христианство же без следования всегда есть христианство без Иисуса Христа, оно всего лишь идея, миф. Христианство, в котором есть только Бог-Отец, но нет Христа, Сына живого, оно отменяет следование. Здесь остается разве лишь доверие к Богу, но не следование. Поскольку Сын Божий был Человек, поскольку Он Спаситель, следование Ему есть единственно правильное отношение к Нему. Следование связано со Спасителем, и где правильно сказано о следовании, там сказано о Спасителе нашем Иисусе Христе,

Сыне Божьем. Только Спаситель, Богочеловек может призывать следовать за Ним.

Следование без Иисуса Христа является самовольным выбором, быть может, идеального пути; быть может, даже мученического пути, но оно лишено обетования. Иисус отвергнет это.

«Случилось, что когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову. А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовествуй Царствие Божие. Еще другой сказал: я пойду за Тобою. Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

(Лк. 9:57-62).

Первый ученик сам стремится следовать, но он не призван; ответ Христа указывает воодушевившемуся, что он не знает, что делает. И вообще не может узнать о том. В этом смысл ответа, в котором ученику показывается жизнь с Иисусом в ее действительности. Здесь говорит Тот, Кто идет к Кресту, Тот, жизнь Которого в апостольском символе веры обозначается словом «страдавший». Никто не может желать этого по своему выбору. Нельзя призывать самого себя, говорит Иисус, и Его слово остается без ответа. Различие между свободным предложением следования и действительным последованием – разительно.

Но где Иисус зовет Сам, там Он тоже преодолевает глубочайшую пропасть. Второй ученик прежде, чем последовать, хочет похоронит, своего отца. Его связывает закон. Он знает, что хочет и может делать. Сперва надо исполнить закон, потом он согласен следовать. Здесь между призванным и Иисусом встают ясные предписания закона. На пути ученика властно возникает призыв Иисуса, и в этот момент никакие обстоятельства не могут встать между Иисусом и призванным, будь то величайшее и самое святое, будь то и закон. Это должно произойти в этот же момент, и закон, норовящий тут вмешаться, должен быть отброшен во имя Христа; ибо между Христом и тем, кого Он призывает, он уже более не имеет силы. Так Иисус восстает здесь против закона и взыскует следования. Так говорит только Христос. Его слово – последнее. Ничто не может противиться ему. Это призыв, эта благодать не таковы, чтобы им противиться.

Третий понимает следование, как первый, – как сугубо к нему сходящее повеление, как собственную, лично выбранную жизненную

программу. Но в отличие от первого он считает себя вправе ставить свои условия. И тем он приводит себя к совершенному противлению. Он хочет приставить себя к Иисусу, но одновременно и ставит кое-что между собой и Иисусом: «Прежде позволь». Он хочет следовать, однако сам же ставит условия следования. Следование для него есть возможность, осуществление которой связано с выполнением неких условий и предпосылок. Так следование Христу становится чем-то человечески доступным и понятным. Сначала делаешь одно, потом другое. Всему свое право, и всему свое время. Ученик сам предоставляет себя в распоряжение, но при этом ощущает себя вправе ставить условия. Явно, что в этот момент следование перестает быть следованием. Оно становится человеческой программой, которую я распределяю по своему усмотрению, которую я могу оправдать рационально и этически. Этот третий ученик, конечно, хочет следовать, но уже тем, как он это выражает, видно, что он более не намерен следовать. Он отменяет своей просьбой само следование, поскольку следование не терпит никаких условий, которые могут стать между Иисусом и послушанием Ему. Так что этот третий ученик находится в противоречии не только с Иисусом, но и с собой. Он не хочет того, чего хочет Иисус, не желая при этом и того, чего хочет сам. Он считается лишь с самим собой, разывая самого себя, и все – через вот это: «Прежде позволь». В ответе Иисуса ему указывается образ этого саморазъятия, исключаящего следование: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

Следовать означает делать определенные шаги. Уже первый шаг, который следует призыву, отделяет последовавшего от его предыдущего существования. Так призыв следовать немедленно сотворяет новую ситуацию. Остаться в прежнем положении и следовать Христу – вещи взаимоисключающиеся, и это ясно, прежде всего.

Сборщик податей должен оставить таможду, Петр – свои сети, чтобы пойти за Иисусом. Это, по нашим представлениям, и тогда должно было случиться как-то непременно иначе. Иисус, скажем, дал сборщику податей новое познание Бога, приводящее к оставлению старого бытия. Если бы Иисус не был вочеловечившимся Сыном Божьим, такое было бы возможно. Но поскольку Иисус есть Христос, то должно быть сразу ясно, что Его слово – не учение, но новопретворенное бытие. И нужно действительно идти с Иисусом. Кого Он призвал, тому этим сказано, что одна единственная возможность веры в Иисуса для него состоит именно в том, что он все оставляет и идет с вочеловечившимся Сыном Божьим.

С первым же шагом последовавший поставлен в ситуацию, сопряженную с возможностью веры. Если он не последует, останется

позади, то верить не научится. Тот, кто призван, должен из положения, в котором мог и не верить, стать в положение, в котором перво-наперво способен уверовать. Сам по себе этот шаг никоим образом не несет никакой программной ценности, он всецело оправдывается только достижением единения с Иисусом Христом. Пока Левий сидит у сбора податей или Петр остается при сетях, они могут добросовестно и исправно делать свое дело, им вольно иметь старые или новые понятия о Боге, но если они хотят научиться вере в Бога, то они должны следовать вочеловечившемуся Сыну Божию, идти с Ним.

А до этого было иначе. Они могли тихо и безвестно жить себе в своей стране, занимаясь своим делом, исполняя закон и ожидая Мессию. Но теперь Он был здесь, и призыв Его прозвучал. Теперь нечего верить тихой жизни, проводимой в ожидании, но – идти с Ним, следуя Ему. Теперь Его призыв следовать за Ним порывает все связи во имя единственной связи с Иисусом Христом. Теперь все мосты должны быть разрушены, шаг в бесконечную незащищенность должен быть сделан – для того, чтобы познать, чего требует Иисус, что дает Иисус. Левий, сидевший при сборе податей, вполне мог бы воспринять Иисуса как помощника в любой нужде, но он не познал бы Его как Господа. Которому надо вручить свою жизнь; он не научился бы вере. Должна была возникнуть ситуация, в которой стало бы возможно уверовать в Иисуса, вочеловечившегося Сына Божия, невозможная ситуация, в которой все упирается в одно, а именно – в слово Христа. Петр должен был сойти с корабля на волны, чтобы через свое бессилие познать всемогущество своего Господа. Если бы он не сошел, то не узнал бы, как уверовать. Полностью невозможная, с этической точки зрения совершенно безответственная, ситуация на волнующемся море должна выявить, как можно уверовать. Путь к вере ведет через повиновение призыву Христа. Шаг истребован, иначе призыв Христа, уйдет в пустоту, и все мнимые следования, лишённые этого шага, к которому зовет Иисус, станут обманчивыми грезами.

Велика опасность, сопряженная с отличением ситуации, в которой можно уверовать, от такой, в которой уверовать нельзя. При этом должно быть совершенно ясно, что, во-первых, в ситуации как таковой никогда не выявлено, к какому роду она принадлежит. Только призыв Иисуса Христа делает ее той ситуацией, в которой можно уверовать. Во-вторых, ситуация, в которой можно уверовать, никогда не исходит от людей. Следование не есть человеческое предложение. Только призыв творит ситуацию. В-третьих, эта ситуация никогда не содержит в себе какой-либо самооценности. Она имеет оправдание только в призыве. Наконец и главным образом - есть также ситуация, в которой можно уверовать, но которая сама становится возможной лишь в вере.

Понятие ситуации, в которой возможно уверовать, есть только описание положения вещей, в котором два следующих высказывания имеют равную силу: *Только верующий повинует* и *только повинующийся верует*.

Будет тягчайшей утратой верности Библии, если мы первое высказывание оставляем без второго. Только верующий повинует – это мы способны понять. Послушание присуще вере, как хороший плод хорошему дереву, говорим мы тогда. Сначала вера, потом повиновение. При этом следовало бы только указать, что оправдывает одна лишь вера, а не дело послушания, что есть, конечно, необходимая и неопровержимая предпосылка для всего последующего. Но если бы было дано временное определение, что сначала нужно уверовать и затем следует послушание, то вера и послушание были бы взаморазведены, и оставался бы открытым один в высшей степени практичный вопрос: когда же надлежит наступить послушанию. Послушание будет отделено от веры. Ведь вера и послушание должны быть, очевидно, разделены во имя оправдания, но это разделение никогда не должно отменять единства обоих, которое состоит в том, что вера существует только в послушании и никогда без него, что вера является верой только на деле – в послушании.

Чтобы послушание как следствие веры не имело переносного значения, чтобы указать на неразрешимое единство веры и послушания, нужно, очевидно, одно высказывание «только верующий повинует» сопоставить с другим – «только повинующийся верует». Если в первом вера есть предпосылка для послушания, то во втором послушание является предпосылкой веры. И как послушание может быть названо следствием веры, так же точно следует назвать его и предпосылкой веры.

Верует только послушный. Следует повиноваться одному конкретному повелению и этим уверовать. Чтобы вера не стала набожным самообманом, даровой милостью, нужно сделать первый шаг послушания. Это содержится в первом шаге. Он качественно отличается от всех последующих. Первый шаг к послушанию должен был увести Петра от сетей, с корабля, а юношу увести от богатства. Только в этом новом состоянии, творимом послушанием, и можно уверовать.

Этот первый шаг лишь вначале можно расценить как внешний показной жест, состоящий в обмене одного способа существования на другой. Этот шаг может сделать каждый. Человек в этом свободен. Это дело внутри *justitia civilis*, где человек свободен. Петр может не обратиться в веру, но бросить свои сети он может. Если идти из содержания Евангелий, то видно, что уже с первым шагом требуется дело, которое отражается на всей целокупности жизни. Римская Церковь допускала такой шаг только как исключительную возможность для

монашества, в то время как для остальных верующих хватало готовности, безусловно, подчиняться Церкви и ее заповедям. В лютеровских сочинениях о вероисповедании также самым серьезным образом признается важность первого шага: после того, как в основе устранена опасность синергетического недоразумения, можно и должно освободит пространство для первого зримого деяния, которое требуется для веры, – это шаг к Церкви, в которой проповедуется слово спасения. Это должен быть совершенно свободный шаг. Приди в Церковь! ты можешь это в силу твоей человеческой свободы. Ты можешь в воскресенье оставить дом и идти на проповедь. Если ты не делаешь этого, ты самовольно исключаешь себя из того пространства, где можно уверовать. В лютеровских писаниях о вероисповедании заверяется тем самым, что известна ситуация, при которой можно уверовать, равно как и такая, при которой вера невозможна. Хотя это познание остается сокрытым, почти стыдящимся вида самого себя, оно, однако, присутствует именно как одно и то же понимание значения первого шага как внешнего поступка.

Если это познание неуязвимо, тогда, во-вторых, следует сказать, что этот первый шаг как чисто внешний поступок есть и остается мертвым плодом закона, каковой сам по себе никогда не ведет ко Христу. Новое бытие, выразившись лишь во внешнем поведении, останется старым; это будет в лучшем случае некое новое жизненное установление, новый стиль жизни, который не имеет ничего общего с новой жизнью со Христом. Пьяница, бросающий пить, богач, раздающий деньги, становятся через такие поступки свободными от вина и денег, но не от самих себя. Каждый из них останется всецело при себе самом, возможно, ближе, чем прежде, к себе самому; он целиком останется среди требований, определяемых трудами умирающей старой жизни. Хотя дело должно быть сделано, само по себе оно, однако, не выводит из смерти, непослушания, безбожия. В случае если мы поймем наш первый шаг как предпосылку к обретению благодати, веры, то мы этим уже совершенно отрезаны от благодати. При этом во внешнее поведение включается, все, что мы можем назвать образом мыслей, благими намерениями, все, что Римская Церковь называет *facere quod in se est*. Если мы делаем первый шаг с намерением поставить себя в ситуацию возможного обретения веры и при этом возможность обретения веры остается ничем иным, как поведением, как новой жизненной возможностью нашего старого бытия, к тому же ложно понятой, – мы остаемся в безверии.

И все-таки внешний поступок должен осуществиться, ведь нам надо прийти к ситуации, дающей возможность обретения веры. Нам надо сделать шаг. Что это значит? Это значит, что такой шаг будет правильным только в том случае, если мы его делаем, глядя не на свершение, которое надо сделать, но только на Слово Иисуса Христа,

Который зовет нас к тому. Петр знает, что ему нельзя самовольно сойти с лодки – не то этот первый шаг обернулся бы худо, – потому и взывает: «Дозволь мне прийти к Тебе по воде», и Христос отвечает: «Иди». Итак, Христос должен призвать, и этот шаг можно сделать единственно только по Его слову. Этот призыв – Его благодать, которая зовет в новую жизнь. Но теперь, когда Христос призвал, Петр должен сойти с лодки, чтобы прийти ко Христу. Так первый шаг послушания уже фактически становится делом веры в слово Христа. Но вера как вера не была бы полностью понята, если исходить из того, что первый шаг вовсе и не нужен, поскольку вера-то уже есть. В этом отношении нужно хорошенько взвесить высказывание: прежде чем можно будет уверовать, сперва надо сделать шаг к послушанию. Неповинующийся не может верить.

Ты жалуешься на то, что не можешь уверовать? И никто не может удивляться тому, что ему не прийти к вере, пока он в том или ином положении, находясь в сознательном непослушании, уклоняется или противится заповеди Христа. Ты, со своими страданиями, враждебностью, надеждой, своими жизненными планами, своим разумом, не хочешь подчиниться заповеди Христа? Не удивляйся, что ты обделен Св. Духом, что им о чем не можешь просить, что твоя просьба о вере остается пустой! Иди скорее и примиришься со своим братом, оставь грехи, которыми ты покорён, и ты снова сможешь уверовать! Если ты хочешь отвергнуть взыскующее слово Бога, не бываешь для тебя и Его милостивому слову. Как ты можешь искать единения с Тем, Кого ты сознательно избегаешь? Непослушный не может верить, верует только послушный.

Здесь милостивый призыв Иисуса Христа к следованию обращается в жесткий закон: Исполни это! Оставь то! Сойди с лодки к Иисусу! Кто извиняет своей верой или своим неверием свое фактическое непослушание призыву Христа, тому Он говорит: Сперва будь послушен, исполни должное, оставь все, что тебя связывает, откажись от всего, что разделяет тебя с волей Господа! Не говори: У меня нет веры в это. У тебя ее нет, пока ты остаешься в непослушании, пока не хочешь сделать первого шага. Не говори: У меня есть вера, и я более не нуждаюсь, в первом шаге. У тебя нет ее, и, пока и поскольку ты не хочешь сделать первого шага, ты коснеешь в неверии, в кажимости смиренной веры. Вот она, порочная уловка – метаться от недостаточного послушания к недостаточной вере и снова к недостаточному послушанию. Это есть непослушание «верующих» там, где востребовано их послушание, когда они признают свое неверие и учиняют игры с этим признанием (Мк. 9:24). Веруешь - так сделай первый шаг! Он ведет к Иисусу Христу. Не веруешь – так сделай тот же самый шаг, он велен тебе! Вопросы о твоей вере или неверии тебе не избежать, но дело послушания поможет тебе сделать это немедленно. В

нем заложена ситуация, при которой вера возможна и действительно существует.

Итак, ситуацию дает не нечто, но ситуацию, при которой ты можешь уверовать, дает тебе Бог. В первой ситуации надо прийти к тому, чтобы вера сделалась действительно верой, а не самообманом. Именно потому, что речь идет об истинной вере в Иисуса Христа, потому, что вера была и остается целью («от веры в веру», Рим. 1:17), эта ситуация непростительна. Кто здесь слишком быстро или слишком по-протестантски запротестует, тот должен спросить себя: а не является ли то, за что он вступается, даровой благодатью? Ибо в самом деле оба высказывания, в силу того, что они поставлены рядом, могут и не дать толчка к истинной вере, тогда как каждое само по себе становится большим искушением. Только верующий послушен – это сказано повинующемуся среди верующих; только послушный верует – это сказано верующему среди повинующихся. Если оставить только первое высказывание – верующий получит даровую благодать, т.е. проклятье; оставить только второе – верующий получит труд, т.е. проклятье.

Исходя из этого, мы должны принять только один взгляд на христианскую заботу о спасении души. Для пастыря большое значение заключено в том, что он говорит исходя из знания обоих положений. Нужно знать, что жалобы на недостаток веры всегда проистекают из уже или пока еще не осознанного непослушания и что для этих жалоб всегда находится утешение в даровой благодати. Но при этом непослушание остается нетронутым, и слово о благодати само устремляется к утешению, которым сам себя ободряет непослушный, к прощению грехов. Но при этом Благая Весть для него пуста, он более ее не слышит. И пусть он тысячекратно отпустит себе грехи, однако он все же не в состоянии поверить в действительное отпущение – как раз потому, что оно на самом деле ему и не дано. Неверующий питается даровой благодатью, так как упорствует в непослушании. В нынешней христианской заботе о спасении души это довольно частая ситуация. Нужно теперь прийти к тому, чтобы человек через самовольное прощение своих грехов закоснел в непослушании, чтобы он притворялся, будто не способен познать добро и заповеди Господа. Это будет двусмысленно и приведет к многообразным толкованиям. Это затемняет изначально ясное еще осознание непослушания и ведет к закоснению. Здесь неповинующийся берет сам себя под стражу и запутывается, потому что он уже не может слышать Слово. Здесь нельзя верить поступкам. Можно представить такой разговор между таким вот закосневшим и пастором. «Я больше не способен верить». – «Слушай Слово, оно тебе проповедуется!» – «Я слушаю, но оно мне ничего не говорит, оно для меня пусто, оно проходит мимо меня». – «Ты не хочешь слушать». – «Нет, напротив, хочу». Здесь, дойдя до этого момента, разговор прервется, потому что пастор не знает, к чему

он. Он знает всего одно высказывание: Только верующий повинует. Этим высказыванием он не сможет помочь закосневшему, запутавшемуся человеку, который и так ведь не имеет этой веры – и не может иметь. Пастор думает уже, что он стоит перед последней загадкой: что одним Бог дает веру, а другим отказывает в ней. И с этой мыслью капитулирует. Путаник остается один, печально примиряясь, со своей напастью. Однако именно здесь – поворотный пункт разговора. И поворот кардинальный. Исчерпаны аргументы, вопросы, и нужды другого так и не будут восприняты всерьез, тем более – сам этот другой, пытающийся скрыться за ними. Прорыв в крепость, которую он себе построил, происходит теперь с высказыванием: Только повинующийся верует. Разговор прерван, и следующие слова пастора звучат так: «Ты не повинуюешься, ты отказываешься от послушания Христу, ты хочешь получить свою часть власти над тобой. Ты не способен услышать Христа, потому что ты не повинуюешься, ты не можешь верить, благодати, потому что не хочешь повиноваться. Ты коснеешь сердцем в непослушании Христу. Незадача твоя – в твоих грехах». Ныне Христос Сам явился вновь, сейчас Он изгоняет дьявола из ближнего, спрятавшего самого себя за даровой благодатью. Сейчас подходит уже к тому, что пастор держит наготове оба высказывания: Только повинующийся верует, только верующий повинует. Он должен быть призван именем Христа к послушанию, к деянию, к первому шагу. Оставь то, что тебя привязывает, и следуй за Ним! В это мгновение все зависит от этого шага. Место, к которому был привязан непослушный, надлежит бросить, ибо в нем нельзя более услышать Христа. Беглец должен устремиться вон из своего укрытия, которое он устроил себе. За его пределами он снова сможет свободно видеть, слышать, верить. Хотя и нельзя предстать перед Христом без того, чтобы дело не было сделано, мертвящее дело уже позади. Потому и ступил Петр на волнуемое море, что смог уверовать.

Итак, состав преступления краток: человек через высказывание, что только верующий послушен, отравил себя даровой благодатью. Он пребывает в непослушании, утешая себя самопрощением и поэтому глух ко Слову Божьему. Ворваться в крепость не удастся, пока ему повторяется высказывание, за которым он спрятался. Должно совершить поворот, другой человек должен быть призван к послушанию: Только повинующийся верует!

Будет ли он, находясь в пути, прельщен собственными делами? Нет, он скорее будет ссылаться на то, что его вера не есть вера, он сам выпутается из этой коллизии. Решение должно освежить его. Так призыв Иисуса к вере и следованию Ему становится слышим.

С тем мы подошли к истории о богатом юноше.

«И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь [вечную], соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное;»
(Матф.19:16-23).

Вопрос юноши о жизни вечной – это вопрос о спасении, совершенно единственный серьезный вопрос. Но ведь это нелегко – правильно поставить этот вопрос. Ведь ясно, что юноша, который ясно выражает свой вопрос, в сущности ставит вопрос совершенно другой, так что фактически избегает вопроса. Он обращает свой вопрос к «учителю благому». Он хочет услышать мнение, совет, приговор по этому вопросу хорошего учителя, великого наставника. Он недвусмысленно дает это понять. Во-первых, для него это вопрос огромной важности, и Иисус должен сказать что-то исполненное значения. Но, во-вторых, он ожидает от доброго учителя, великого наставника существенного высказывания, но все-таки не Божественного предписания, безусловно его обязывающего. Вопрос о жизни вечной для юноши есть вопрос, о котором он совсем не прочь, пожалуй, поговорить и поспорить с «Учителем благим». Но он сразу же ставится на место словом Иисуса. – «Что называешь ты Меня благим? Никто не благ, как только один Бог». Вопрос уже выдал его сердце. Он хотел бы поговорить с добрым раввином о вечной жизни, а сейчас: до него доходит, что в действительности он стоит не перед добрым учителем, но перед Самим Богом. Таким образом, он не получает иного ответа от Сына Божьего, кроме ясного указания на заповедь всеединого Бога. И получает не ответ «учителя благого», добавляющего свое мнение к ясной воле Божией. Иисус Сам указывает на единственно благого Бога и блюдет Себя как совершенный и послушный Сын Божий. Но если вопрошающий стоит перед Самим Богом, то он уличен как беглец от ясных Божьих заповедей, которые сам-то знает. Юноша ведь знает-таки заповеди. Но загвоздка как раз в том, что он не может удовольствоваться ими, что ему хочется чего-то большего. Его вопрос выказывается как вопрос самотворящейся и самосозидающейся

набожности. Почему юноше недостаточно ясных заповедей? Почему он ведет себя так, будто не знает ответа на свой вопрос? Почему он хочет обвинить Бога, если он в этом решающем жизненном вопросе остается несведущим? Таким образом, юноша уже почти схвачен и предстал перед судом. От необязывающего вопроса о спасении он отозван к простому послушанию ясным заповедям.

Следует и вторая попытка к бегству. Юноша отвечает ему снова вопросом: «Какие?» В этом одном вопросе прячется сам Сатана. Ведь здесь был единственно возможный выход для того, кто поймал сам себя. Конечно, юноша знал заповеди, но кому не хочется узнать в полноте заповеди, какая заповедь припала именно ему, именно сейчас? Проявление заповедей многозначно и неясно, говорит юноша. Он видит не заповеди, но себя самого, свои проблемы, свои коллизии. От ясных Божьих заповедей он уводит себя к интересной, но сугубо человеческой ситуации «этической коллизии». Не то тут неправильно, что он знает об этой коллизии, а то, что эта коллизия противопоставляется заповедям Бога. Заповеди же, напротив, даны как раз для того, чтобы покончить с этическими коллизиями. Этическая коллизия как этический прообраз человека после его грехопадения является сама по себе протестом людей против Бога. Змей вложил в раю эту коллизию в сердца первых людей. «Разве это сказано Богом?» От ясной заповеди и простодушного детского послушания человек обращается к нравственному сомнению, к указанию на то, что заповедь еще нуждается в комментарии и толковании. «Разве это сказано Богом?» Человек должен решить сам, силою своего знания о добре и зле, силой своей совести, — что есть добро. Заповедь многозначна, Бог хочет, чтобы человек истолковал ее и понял, решая свободно.

Этим уже отменено послушание заповеди. На место однозначного дела явилась двусмысленная мысль. Человек свободной совести хвалится перед дитятей послушания. Ссылка на нравственные коллизии это отказ от послушания. Это возврат от Божественной действительности к возможному для человека, от веры к сомнению. Итак, здесь неожиданно случается, что тот же самый вопрос, которым юноша хочет скрыть свое непослушание, показывает его тем, что он есть, а именно человеком во грехе. Это разоблачение явлено в ответе Христа. Названы ясные заповеди Божьи. Тем, что Иисус называет их. Он подтверждает их как новые Божьи заповеди. Снова возникает юноша. Он еще надеется в необязывающем разговоре прорваться к вечным вопросам. Он надеется, что Иисус представит ему решение нравственных вопросов. Вместо этого берется не вопрос, берется он сам. Единственный ответ на потребность в нравственных коллизиях — это заповедь Самого Иисуса, притом с требованием, более не дискутировать, но наконец повиноваться. Только дьявол представляет решение всех моральных коллизий, и оно таково. Останься при

вопросах, и будешь свободен от послушания. Иисус намекает не на проблемы юноши, а на самого юношу. Он совсем не так серьезно рассматривает коллизию, очень серьезно воспринимаемую юношей. Серьезно для Него только одно, а именно то, чтобы юноша, наконец, услышал заповедь и повиновался. Именно там, где серьезно воспринимается этическая коллизия, где она мучает и поработает человека, ибо не ведет его к делу свободного послушания, – именно там разоблачается вся его безбожность, там он должен предстать в своей полной безбожной несерьезности, явить совершенное неповиновение. Серьезно только дело послушания, в котором завершается и рушится коллизия, в котором мы обретаем свободу детей Божьих. Это Божий диагноз, поставленный юноше. И вот юноша дважды поставлен перед истиной слов Господа. Ему больше не отвертеться от заповеди Бога. Само собой, заповедь ясна, и нужно ей следовать! Но – этого недостаточно. «Все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне?» Будучи искренним в своих устремлениях, юноша убежден в этом ответе, как и во всем предшествующем. Как раз здесь заключается его своеволие по отношению к Иисусу. Он знает заповеди, он сохранил их, но полагает, что это вряд ли вся Божья воля, нужно добиться чего-то еще – чего-то чрезвычайного, исключительного. Он хочет этого. Ясная Божья заповедь несовершенна, говорит юноша, убегая от истинной заповеди, пытаюсь в конце концов остаться при себе, чтобы самому судить о добре и зле. Теперь заповедь подтверждается, но одновременно она подвергается фронтальному наступлению. «Все это сохранил я; чего еще недостает мне?» Евангелист Марк прибавляет в этом месте: «Иисус, взглянув на него, полюбил его» (10:21). Иисус видит, как безнадежно замкнулся этот юноша от слова Божия, как он неистовствует всем своим существом против живой заповеди, против скромного послушания. Иисус хочет помочь юноше. Он полюбил его. Поэтому Он дает ему последний ответ: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» – трижды в этих словах к юноше обращается внимание следующее:

Во-первых, вот Он, здесь и сейчас, Иисус, Который повелевает, Иисус, Который был для юноши учителем благим и стал единственно благим Богом, во всемогущии Своего права сказать последнее слово и заповедь. Юноша, должен осознать, что перед ним стоит Сам Сын Божий. Это было сокрытое от юноши Сыновство Иисуса, позволяющее Ему быть с Отцом, с которым Он находится в совершенном единстве. Это то самое единство, согласно которому Иисус Сам говорит о заповедях Отца. Для юноши должно стать недвусмысленно ясно, как он принимает призыв следовать. Это сумма всех заповедей, юноша должен жить в единении с Христом, Христос – цель заповеди. Этот Христос

стоит сейчас перед ним и призывает его. Больше нет лазеек в сторону нравственных коллизий. Заповедь однозначна: Следуй за Мною.

Во-вторых, и этот призыв следовать нуждается в пояснении, чтобы не быть истолкованным превратно. Для юноши должно стать невозможным ложное понимание следования как некоего нравственного приключения, как захватывающе интересного пути (с которого при случае, правда, можно и сойти) и стиля жизни. Следование было бы, далее, понято тоже превратно, если бы юноша, воззрел на него как на последнее окончание своих прежних дел и вопросов, как на суммирование пройденного, как на завершение, усовершенствование, дополнение прежнего. Поэтому нужно недвусмысленно прояснит ситуацию, не допускающую возврата назад, необратимую ситуацию, и к тому же должно стать ясно, что она никоим образом не является лишь завершением прежнего. Эта требуемая ситуация создается требованием Христа принять добровольную бедность. Она – существенная, душеспасительная сторона дела. Она призвана помочь юноше действительно понять и действительно повиноваться. Она соответствует любви Христа к этому юноше. Она только промежуточный элемент между прежним путем юноши и следованием. Но она – заметим – не идентична самому следованию, она не первый шаг следования, но – послушание, в котором следование будет единственно действительным, сперва юноша должен пойти, продать все и раздать нищим и потом прийти и следовать. Цель – следование, путь же в этом случае – добровольная нищета.

И, *в-третьих*, Иисус одобряет вопрос юноши о том, чего ему еще недостает. «Если хочешь быть совершенным...» – это может создать видимость, будто здесь на самом деле говорится о некоем дополнении к прежнему. Это в том числе и добавление, но такое, в котором уже предрешена отмена прежнего. Юноша несовершенен именно до сих пор, ибо он неправильно понял заповедь и неправильно поступил. Он может сейчас понять ее как раз правильно и правильно поступать в следовании, но сделать это вот именно только здесь, потому что к этому его зовет Иисус Христос. В то время как Он одобрил вопрос юноши, тот бежит от него. Юноша спрашивает о своем пути к вечной жизни, Иисус отвечает: Призываю тебя, и это всё.

Юноша искал ответа на свой вопрос. Ответ звучит: Иисус Христос. Юноша хотел слышать слово доброго учителя, но узнает, что это Слово и есть Тот Человек, Которого он спрашивает. Юноша стоит перед Иисусом, Сыном Божьим, вот она – встреча в ее полноте. Есть только «да» или «нет», послушание или непослушание. Ответ юноши – «нет». Юноша отошел, печалась об этом, он разочарован, обманулся в своих надеждах – и все-таки не способен оставить свое прошлое. У него было большое имя. Призыв следовать не имеет здесь никакого другого содержания, кроме Самого Иисуса, связи с Ним, единения с

Ним. Однако не в восторженном почитании доброго учителя, но в повиновении Сыну Божьему заключается бытие последовавшего.

Эта история о богатом юноше имеет свое точное соответствие в обрамляющем повествовании – в притче о милосердном самарянине.

«И вот, один законник встал и искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя». Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?»
(Лк 10:25-29).

Вопрос у законника тот же самый, что и у юноши. Только здесь с самого начала утверждается, что это искупительный вопрос. Решение для искусителя уже известно. Оно должно заканчиваться апорией этической коллизии. Ответ Иисуса вполне походит на Его ответ богатому юноше. Вопрошающий в принципе знает ответ на свой вопрос, но затем и спрашивает, что знает, – он хочет избежать послушания Божьей заповеди. Для него оставлен только один выход. Делай то, что ты знаешь, и будешь жить.

Так отвоевана первая позиция. Но, как и в случае с юношей, тут же следует бегство в нравственную коллизию: А кто мой ближний? И великое множество раз с тех пор, как этот вопрос был легковерно и невежественно поставлен искушавшим законоучителем, он имел вид серьезного и разумного вопроса, заданного ищущим человеком. Однако неверно прочитывалась причинность. В целом притча о милосердном самарянине есть единственное отражение и разрушение Иисусом этого вопроса как сатанинского. Это вопрос без конца и без ответа. Он происходит из пустых споров «между людьми поврежденного ума, чуждыми истины», кто «заражен страстью к состязаниям и словопрениям». Из них «происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры» (1Тим 6,4 и след.). Это вопрос надменных, «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины», они – «имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся» (2Тим 3,5 и след.). Они неспособны к вере, они спрашивают так, потому что сожжены «в совести своей» (1Тим 4,2.). потому что не хотят послушания Слову Божьему. Кто мой ближний? Есть ли ответ, указывающий, что это брат мой, соотечественник ли, собрат по общине или мой враг? Не дозволено ли с равным правом утверждать и отрицать и то и другое? И нет ли в конце этого вопроса смятения и непослушания. Да, этот вопрос – прекословие против самой Божьей

заповеди. Ведь я же хочу быть послушным, а Бог мне не говорит, как мне это суметь. Божья заповедь двусмысленна, она оставляет меня в вечном конфликте. Вопрос: Что мне делать? – был первым обманом. Ответ звучит: Исполни заповеди, которые знаешь. Ты должен не спрашивать, но делать. Вопрос: А кто мой ближний? – последний вопрос, рожденный сомнением или самозащитой, в котором оправдывает себя непослушание. Ответ звучит: Ближний есть ты сам. Иди и повинуйся в деле любви. Быть ближним – это не аттестация другого, но требование к себе, – ничего более. В каждое мгновение, в каждой ситуации я истребован к действию, к послушанию. И буквально нет времени для всего прочего, чтобы справляться о другом. Я должен действовать и повиноваться, я должен быть ближним для другого. Если спросишь вторично, испуганно, не должен ли я перед тем знать и обдумать, как мне поступать, – то при этом есть только один выход, а именно: я не могу знать и обдумать ничего другого, а поступать, как поступаю всегда, постоянно осознавая себя самого как истребованного. Что такое послушание, я узнаю, только повинувшись, а не спрашивая. И прежде всего в послушании познаю истину. Призыв Христа переносит нас из разлада совести к простоте послушания. Но богатый юноша был призван Иисусом в благодать следования Ему, искушающий же законник оттолкнут к заповеди.

ПРОСТОЕ ПОСЛУШАНИЕ.

Когда Иисус потребовал от богатого юноши добровольной нищеты, то он знал, что здесь дано либо послушание, либо непослушание. Когда были призваны Левий от сбора податей, а Петр от сетей, то было несомненно, что Иисус был серьезен в этом призыве. Они должны были оставить все и следовать за Ним. Когда Петр был призван ступить на волнующееся море, то он должен был ступить, сделать шаг. От него было потребовано единственное — бросить себя ради слова Иисуса Христа, надежно сохранить это слово, как все сокровища мира. Силы, норовившие встать между словом Иисуса и послушанием, были в то время столь же велики, как и ныне. Разум противился, совесть, ответственность, пиетет, да и сам закон с писаными принципами пускали в ход все средства, чтобы предотвратить это незаконное «увлечение». Но призыв Иисуса прорвал все это, и послушание было сотворено. Было явлено простое послушание.

Если бы Иисус Христос через Священное Писание сегодня обратился так к одному из нас, то мы могли бы рассуждать следующим образом: Иисус велит что-то совершенно определенное, это правда. Но если Иисус велит, то я должен знать, что Он требует не послушания закону, но хочет от меня лишь одного, а именно: чтобы я уверовал. Моя вера не связана с нуждой, богатством и тому подобным, более того, я могу верить и в нужде, и в богатстве. Но речь не о том, что у меня нет имения, а о том, что я пользуюсь имением так, как будто у меня его нет, я внутренне от него свободен, и мое сердце не принадлежит сокровищам. Итак, Иисус говорит: Продай имение твое! Но Иисус знает: не потому приходят к истине, что совершают внешний поступок, напротив, владей смиренно добром, но владей так, будто у тебя его нет. Не отдавай своего сердца земным благам. Наше послушание слову Иисуса могло бы состоять в том, что мы отклоняем простое послушание непосредственно закону, чтобы затем быть послушными «в вере». И в этом мы отличаемся от богатого юноши. Он мог успокоить свою печаль не тем, что сказал бы себе: Я хочу остаться богатым, несмотря на слова Иисуса, но внутренне я хочу стать свободным от богатства и утешиться — при всей моей недостаточности — отпущением грехов и в вере обрести единение с Иисусом; но он отошел с печалью и вместе с послушанием лишился и веры. Притом юноша был полностью искренен. Он отделил себя от Иисуса, и в этой искренности, конечно, заложено больше обетования, чем в кажущемся единении с Иисусом, покоящемся на непослушании. Из слов Иисуса с очевидностью явствует, что этот юноша внутренне не способен освободиться от своего богатства. Вероятно, юноша, будучи человеком серьезным и

устремленным, тысячекратно пытался это сделать. Но что пытался он неудачно – показывает тот факт, что в решающий момент, он не смог повиноваться слову Иисуса. Но и в этом юноша был искренен. Мы же с нашей аргументацией вообще отличаемся от библейских слушателей слов Иисуса. Если Иисус говорит кому-то: Оставь все и следуй за Мною, брось ремесло, семью и отчий дом! – тот сознает: на этот призыв есть только ответ одного простодушного послушания, потому что этому послушанию придано обетование единения с Иисусом. Но мы могли бы сказать: Хотя призыв Иисуса «воспринят безусловно и строго», истинное послушание Ему состоит в том, что я как раз и остаюсь при моих трудах, в моей семье, – и там служу, притом будучи внутренне свободным. Но ведь Иисус мог бы призвать: Вон! – Мы же понимаем Его, как Он, собственно, и полагает это: Оставайся где есть! свободным так, как будто внутренне ушел. Или Иисус сказал бы: Оставьте заботы; мы, однако, разумели бы: конечно, мы должны заботиться и трудиться для наших домашних и для нас. Все прочее было бы безответственным. Но внутренне мы должны быть свободными от таких забот. Иисус мог бы сказать: Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую; мы же склонны понять: Истинная любовь к брату как раз и может стать великой именно в борьбе, именно в ответном ударе. Иисус может сказать: Ступайте сперва к Царству Божьему; и мы можем понять так: Сперва мы, конечно, должны устремиться к остальным всевозможным вещам. Иначе как бы мы могли существовать? Пусть все соединит последняя внутренняя решимость – употребить все ради Царства Небесного. И везде та же самая, сознательная отмена простого, буквального послушания.

Как возможно такое увязывание? Разве что-нибудь случилось, чтобы над словом Иисуса учинялись такие игры? чтобы оно превратилось в мировое посмешище? Ведь если где в мире раздаются повеления, там отношения ясны. Отец говорит своему ребенку: Иди спать! – и ребенок хорошо знает, что к чему. Псевдобогословски выдрессированное дитя должно было бы рассуждать так Отец говорит: Иди спать. Он думает, я устал; он не хочет, чтобы я устал. Я одолею усталость, если пойду, поиграю. Итак, если отец говорит: Иди спать! – он, собственно, думает: Иди играть. С такими рассуждениями и ребенок у отца, и гражданин у начальства столкнутся разве что с недвусмысленным языком, именно же с языком наказания. И только по отношению к повелению Иисуса должно быть иначе. Здесь простое послушание может превратиться в непослушание. Как это возможно?

Это возможно потому, что в основе такой подвижной аргументации лежит что-то совершенно правильное. Повеление Иисуса богатому юноше или призыв к созданию ситуации, в которой можно уверовать, фактически имеет только одну цель – призвать человека к вере в Него, т.е. к единению с Ним. В конце концов человека ничто не

связывает с тем или иным делом; но все привязывается к вере в Иисуса как Сына Божия и Спасителя. Ничто, в конце концов, не связывает с бедностью или богатством, браком или безбрачием, ремеслом или отсутствием такового, но все связывается в вере. И, таким образом, мы правы, это возможно – верить во Христа в богатстве и в окружении мирских благ, – если владеть ими так, будто их у нас нет. Но эта возможность есть вообще последняя возможность христианского бытия, возможность перед лицом серьезного ожидания предстоящего второго пришествия Христа, и поистине это возможность не первая и не простая. Парадоксальное толкование заповедей имеет свое христианское право, но никогда не дозволено вести дело к тому, чтобы упразднить простое понимание заповедей. Напротив, свое право и свою возможность в этом имеет только тот, кто в любой момент своей жизни способен всерьез прийти к простоте понимания, кто приобщился к Иисусу, к следованию Ему, пребывая в ожидании конца. Это бесконечно более тяжелая, по-человечески говоря, невозможная возможность – понять призыв Иисуса парадоксально, и, как таковая, она подвержена внешней опасности слиться со своей противоположностью, стать удобным выходом, бегством от конкретного послушания. Кто не уверен, что ему было бы много легче простодушно понять заповедь Иисуса и повиноваться буквально, ну, например, действительно бросить земные блага вместо того, чтобы их получить, – у того нет и права на парадоксальные толкования слов Иисуса. Необходимо, таким образом, включать парадоксальные толкования заповедей Иисуса в буквальные.

Конкретный призыв Иисуса и простое послушание имеют неопровержимый смысл. Иисус зовет к конкретному положению, в котором в Него можно уверовать; поэтому Он так конкретно и призывает и хочет непременно быть понятым, потому что Он знает, что только в конкретном послушании человек становится свободен – для веры.

Где принципиально исключено простое послушание, там, повторим, из драгоценной благодати призыва Иисуса произойдет даровая благодать самооправдания. Там, однако, тем самым исполняется ложный закон, препятствующий слышать конкретный призыв Христа. Этот ложный закон есть закон мира, к которому устремляется, которому соответствует закон благодати. Мир здесь простирается, не побежденный во Христе и не побеждаемый в ежедневном единении с Ним, будучи приведен к неподвижному, непробиваемому принципиальному закону. И благодать тогда, уже более не дар Бога Живого, с которым мы, вырываемся из мира, ставя себя в послушание Христу, но она всеобщий божественный закон, божественный принцип, о распространении которого на частные случаи только-то и идет речь. Принципиальная борьба против «законности»

простого послушания сама устанавливает всеопаснейший закон, закон мира, и закон благодати. Принципиальная борьба против законности сама в высшей степени законна. Законность побеждается единственно через послушание благодатному призыву Иисуса следовать Ему, в котором закон сам исполняется и сохраняется через Иисуса.

Где принципиально устраняется простое послушание, там проводится неевангельский писанный закон. Предпосылка для хорошего знания Св. Писания становится затем ключом к такому его пониманию. Но этот ключ тут – не живой Христос, творящий суд и посылающий благодать, и орудование этим ключом уже более не лежит исключительно в воле Духа Святого; ключ к Св.Писанию и есть всеобщее учение о благодати, и нам дано владеть им. Проблема следования обнаруживает себя здесь как герменевтическая проблема. Евангельской герменевтике надлежит быть ясной, чтобы можно было, не затрагивая дальнейшего, идентифицировать нас с теми, кто призван Иисусом; и более того, призванные принадлежат самому Писанию вместе со Словом Божиим и Благой Вестью. В проповеди мы слышим не только ответ Иисуса на вопрос ученика, который как бы и наш вопрос, – но вопрос и ответ вместе, как и слово Писания, являются предметом Благой вести. Простое послушание герменевтически было бы истолковано неправильно, если бы мы действовали одновременно с призванным и хотели бы следовать. Но Христос, о котором благовестуется нам в Св.Писании, в целокупности Своего Слова дарит веру только повинующемуся и только ему. Мы можем и должны идти не назад, за слово Писания и реальные события, - напротив, мы призваны всеми словами Писания, именно потому, что мы хотим принять Писание не как принцип, будь это учение о благодати, а как законную власть.

Итак, парадоксальное толкование заповедей Иисуса включает и простое понимание – именно потому, что мы стремимся благовествовать о Христе, а не закон исполнить. Поэтому теперь почти излишне спорить, исходя из этого простого послушания, составляющего определенную заслугу человека, о *facere quod in se est*, об исполненных предпосылках веры. Послушание призыву Иисуса никогда не бывает самоуправством человека. Это также отнюдь не что-то вроде раздачи имения во имя уже истребованного послушания; так непременно выходит не послушание Иисусу, а свободное принятие собственного стиля жизни, христианского идеала, францисканского идеала бедности. А то прямо в раздаче имения человек мог бы утвердить самого себя и свой идеал – не заповедь Иисуса, не свободу от себя – и ещё больше пленился бы собой. Шаг к ситуации как раз не есть предложение человека Иисусу, но всегда милостивое предложение Иисуса человеку. Только там шаг легитимен, где он делается, таким

образом, но там он, впрочем, уже не является свободной волей человека.

«Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие. Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же все возможно».

(Матф.19:23-26)

Изумление учеников в ответ на слова Иисуса и их вопрос, кто же может спастись, показывает, что случай с богатым юношей они сочли не за единичный случай, но совершенно за общее правило. Они ведь не спросили: Какому богатому? – но только вообще: «Кто» же может спастись? – ведь именно потому, что все, все ученики принадлежали к этим богатым, которым трудно войти в Царство Небесное. Ответ Иисуса подтверждает такое толкование Его слов учениками. Спастись, следуя Христу это не человеческая возможность; однако Богу все возможно³.

³ На странице, как видит читатель, осталось много места, которое переводчик (он же наборщик) хочет занять цитатой из Лютера, у которого есть сходные рассуждения, а то как бы рассуждения Бонхёффера не показались какому-нибудь читателю, не знакомившемуся специально с этой традицией, необычными и не имеющими примера в прошлом (о «даровой» – или «обесцененной» – благодати можно прочесть в послесловии). Сравним с тем, что пишет Лютер на ту же тему.

«Бог доподлинно обещал Свою благодать смиренным, т.е. тем, кто поверил в свою погибель, и отчаялся в себе. Однако человек не может полностью смириться до той поры, пока он не знает, что его спасение нисколько не зависит от его собственных усилий, стремлений, воли или деяния, а целиком зависит от воли, усилия, желания и деяния другого, а именно от одного лишь Бога. Ибо, коль скоро человек убежден, что он хоть что-нибудь может сделать для своего спасения, он пребывает в самоуверенности и не отчаивается в себе полностью, не смиряется перед Богом, но воображает, что существует какое-то место, время, доброе дело, и надеется, или, по крайней мере, желает с их помощью обрести спасение. Тот же, который действительно нисколько не сомневается в своей полной зависимости от воли Божьей, кто полностью отчаялся в себе, тот ничего не выбирает, но ждет, как поступит Господь. Он ближе всего к благодати, к тому, чтобы спастись».

Мартин Лютер. О рабстве воли. – В кн.: Эразм Роттердамский. Философские произведения.
М. «Наука», 1987, с.329.

СЛЕДОВАНИЕ ХРИСТУ И КРЕСТ

«И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И говорил о сем открыто. Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему. Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. И, подзвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами».

(Мк 8, 31-38).

Призыв следовать находится здесь в связи с возвещением о страдании Иисуса. Иисусу Христу должно пострадать и быть отвержену. Это долженствование Божьего обетования, которым исполнено Писание. Страдание и отвержение – не то же самое. Ведь в страдании Иисус мог быть прославлен как Христос. В страданиях Он мог бы снискать полное сострадание и преклонение мира. Страдание могло нести в себе свою самооценку, свою славу и свою заслугу. Иисус же в страдании – это отверженный Христос. Отверженность лишает страдание заслуги и славы. Страдание должно быть позорным. Страдание и отвержение – это обобщающее выражение Креста Господня. Умереть на кресте значит страдать и умереть отверженным и брошенным. Иисус должен страдать и быть отверженным в силу божественной необходимости. Всякая попытка устранить эту необходимость – сатанинская. И прямо там из круга выходит ученик; ибо он не хочет такого Христа – Христа оставленного. То, что Петр, столп Церкви, становится здесь виновным непосредственно в силу своего исповедания Иисуса Христа, и своей участливости к Нему, – показывает, что Церковь с самого начала была уязвлена Христом Страдающим. Она не хочет такого Бога, и она, Церковь Христова, не закон страдания хочет навязывать через своего Господа. Прекословие Петра выражает его недовольство тем, что нужно себя посылать на

страдания. В этом угроза Церкви, исходящая от сатаны. Он хочет оторвать ее от креста ее Господа.

Так для Иисуса возникает необходимость: ясно и внятно отнести к Своим ученикам неизбежность страдания. Как Христос есть Христос, страдающий и отверженный, так и ученик есть ученик страдающий и отверженный, сораспятый. Следование Христу как связь, с личностью Иисуса Христа ставит последовавшего под закон Христа, т.е. под Крест.

Но возвешение этой неотъемлемой истины ученикам начинается, как это ни странно, с того, что Иисус еще раз освобождает Своих учеников. «**Если** ⁴кто хочет идти за Мною», – говорит Иисус. Ведь это не само собой разумеется, и не только среди учеников. Ведь никто не может быть, принуждаем, и не от каждого даже можно ожидать этого, больше того: «Если кто» хочет следовать, противясь другим предложениям, обращенным к нему. И снова все упирается в решение, в само следование, в котором пребывают ученики, снова все рушится, все оставляется без ответа, без решения, ожидания и принуждения.

То, что сейчас должно быть сказано, имеет решающее значение. Итак, повторимся: прежде чем будет возвешен закон следования, ученики сами должны стать свободными.

Если «кто хочет идти за Мною, отвергнись от себя». Как сказал Петр, отрекаясь от Христа: я не знаю этого Человека, – так и последовавший должен сказать это, только – самому себе. Самоотречение никогда не должно изобиловать единичными актами самоистязания или аскетических упражнений; оно не означает самоубийства, поскольку сюда может быть привнесено своеволие человека. Осуществить самоотречение означает только познать Христа, видеть уже не себя самого и не путь, слишком тяжкий для нас, но только Его, Который идет впереди. Более того, самоотречение как бы говорит: Он впереди, крепко держись Его.

«– и возьми крест свой». В том, что Иисус подготавливал Своих учеников к этому слову словом о самоотречении, была Его благодать. Если мы действительно забыли о себе, больше не знаем себя, то только тогда мы будем готовы нести крест ради Него. Если мы знаем только Его – более не зная скорби креста, то мы видим только Его. Мы не смогли бы это перенести, если бы Иисус не так ободряюще приготовил нас к этому слову. Но Он так вразумил нас, чтобы воспринять это слово как благодать. Оно приводит нас к радости следования Ему и укрепляет нас в ней.

⁴ Ни в лютеровском переводе Евангелии от Марка, ни в русском синодальном переводе, замечательно с ним совпадающем, нет этого «если» («wenn»). Оно, однако, легко угадывается. — Прим. пер.

Крест – не бедствие и горькая судьбина, но страдание, происходящее от единения с Иисусом Христом, и только с Ним. Крест – это не случайное, а необходимое страдание. Крест – не страдание, связанное с природным бытием, но страдание, связанное с бытием Христа. Крест вообще и по существу есть не только страдание, но страдание и отверженность, строго говоря, отверженность ради Христа, а не ради любого иного поведения или учения. Христианство, переставшее серьезно воспринимать дело следования Христу, сделавшее из Евангелия всего лишь дешевую утешительную веру, в прочем же твердящее о несообщаемости христианского и природного бытия, – должно понимать крест как ежедневное неудобство, как напасть и тоску для нашей природной жизни. При этом забывается, что крест всегда означает как раз отверженность, что позор страданий неотъемлем от креста. Быть брошенным в страдания, быть презираемым и покинутым людьми, как в несмолкающем плаче псалмопевца, – этот существенный признак крестных страданий христианство уже не сможет постигнуть, не будучи способным, различить природное и христианское бытие. Крест есть сострадание с Христом, страстями Христа. Только единение с Христом, осуществляющееся в следовании Ему, всерьез предстоит Кресту.

«– и возьми крест свой» – он уже готов, испокон, его следует только поднять. При этом, однако, никто не должен считать, что ему надо искать какой-либо крест, самовольно добиваться страданий, говорит Иисус; каждому уже приготовлен *его* крест, определенный и назначенный ему Богом. Он должен перенести определенную ему меру страдания и отверженности. Мера эта для каждого своя. Одного Бог удостаивает большим страданием, даря ему благодать мученичества, силу другого не обязательно будет испытывать. Однако же это Единый Крест.

И он возложен на каждого христианина. Первое страдание Христа, о котором должен узнать каждый, – это призыв, который истребует нас из связей этого мира. Это умирание ветхого человека во встрече с Иисусом Христом. Всякий, кто последовал, отдает себя в смерти Иисусу, предавая свою жизнь смерти, – так это вначале; крест не есть ужасный конец счастливой набожной жизни, наоборот, он стоит в начале единения с Иисусом Христом. Каждый призыв Христа ведет к смерти. Должны ли мы, подобно первым ученикам, бросить дом и дела, чтобы следовать за Ним, или вместе с Лютером выйти из монастыря к мирским делам, – в обоих случаях нас ожидает смерть, смерть в Иисусе Христе, отмирание нашего старого существа в призыве Иисуса. Поскольку призыв Иисуса к богатому юноше несет для него смерть, поскольку следовать может только тот, кто умер по своей воле, поскольку каждая заповедь Иисуса означает для нас умереть со всеми нашими желаниями и страстями и поскольку мы не можем желать

нашей собственной смерти, – поэтому Иисус Христос и должен в Своем слове быть нашей смертью и нашей жизнью. Призыв следовать Иисусу, крещение во имя Иисуса Христа есть смерть и жизнь. Призыв Христа, крещение обязывает христианина к ежедневной борьбе против греха и дьявола. И таким образом каждый день, искушая плотью и миром, приносит новое страдание Иисусу Христу об ученике. Наносимые раны и шрамы, причиняемые христианину в этой борьбе, есть живой знак общности крестного единения с Иисусом. Однако никого из христиан не пощадит еще и другое страдание и другое бесчестие. Несмотря на то, что лишь собственное страдание Христа есть страдание-примирение, надо уяснить, что поскольку Христос страдал за грехи мира, поскольку на Него упала вся тяжесть вины и поскольку Иисус Христос посвящает плоды своих страданий тем, кто Ему следует – именно поэтому искупление и грех падает так же и на ученика, покрывая, его громким позором и выталкивая как козла отпуска из городских ворот. Так христианин становится носителем грехов и вины других людей. Он должен был бы под этим обессилеть, если бы сам нес все грехи. Но он может силою страданий Христа превозмочь грехи, которые пали на него. Христианину выпадает бремя – носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов (Гал.6:2). Как Христос несет наше бремя, так и мы должны нести бремя наших братьев; закон Христа, который должен быть исполнен, есть несение креста. Бремя брата, которое я взял на себя, это не только его внешняя участь, его характер и способности – но в собственном смысле его грехи. Я могу носить их не иначе, как только соучаствуя в них, прощая их силою креста Господня. Так призыв Иисуса взять крест привязывает каждого последовавшего к прощению грехов. Прощение грехов есть заповеданное ученикам страдание Христа. Возложенное на всех христиан.

Но как же ученику узнать, что его крест? Он воспримет это, если воспоследует за страдающим Господом, он узнает свой крест в единении с Ним.

Итак, страдание есть отличительный знак последовавшего за Христом. Ученик не выше учителя. Следование есть *passio passive*, обязательность страдания. Так Лютеру могло быть заплачено страданием под знаком истинной Церкви. Так подготовка, лютеранского вероисповедания Церкви была определена как сообщество тех, «кто будет гоним и мучим за Евангелие». Кто не хочет взять свой крест, кто не хочет отдать свою жизнь страданию и отверженности, тот утрачивает единение с Христом, он – не последовал. Но кто теряет свою жизнь в следовании Христу, в несении креста, тот вновь обретает ее в следовании, в крестном единении с Господом. Не следовать Христу – значить стыдиться Господа, стыдиться креста, соблазняться у креста.

Следование Христу есть единение со страждущим Господом. Страдание христианина не есть поэтому нечто странно-неприятное. Напротив, оно есть чистая благодать и радость. Свидетельства о первых мучениках Церкви указывают на то, что Христос преображает Своих последователей в момент высшего страдания через не поддающуюся описанию веру в Его близости и единение. Так в самой ужасной муке, которую они претерпевали во имя своего Господа, на их долю выпала высшая радость и блаженство единения с Ним. Одоление страданий указано для них единственно в несении креста. Это имеет значение для всех, кто следует за Христом, поскольку это значимо и для Самого Христа.

«И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. [...] Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя».

(Матф.26:39,42)

Иисус молит Отца о том, чтобы Его миновала чаша, и Отец слышит просьбу Сына. Чаша страдания минует Иисуса, но единственно тем, что Он выпьет ее. Иисус это знает, когда Он во второй раз становится на колени в Гефсиманском саду, моля, чтобы страдание миновало – тем, что Он его претерпит. Именно в перенесении он и победит страдание. Его крест есть одоление страдания.

Страдание есть богоудаленность. Поэтому тот, кто уже пребывает в единении с Богом, может не страдать. Христос подтверждает это высказывание, содержащееся в Ветхом Завете. Поэтому Он берет на Себя страдание всего мира и этим его побеждает. Он целиком переносит богоудаленность. Чаша минует именно тем, что Он выпивает ее. Иисус хочет одолеть страдания мира, поэтому Он должен испытать их. Хотя страдание и есть богоудаленность, однако в приобщении к страданиям Иисуса Христа страдание одолевается страданием же и непосредственно в страданиях даруется единение с Господом.

Страдание должно быть перенесено, чтобы оно миновало. Либо мир должен перенести его и погибнуть – либо оно выпадает Христу и одолевается Им. Так страдает Христос, предстательствуя за весь мир. Только Его страдание есть искупительное страдание. Но община теперь знает, что страдание мира ищет одного носителя. Так страдание выпадает ей, следующей за Христом, и она переносит его тем, что его претерпел Христос. Община стоит перед Богом за весь мир тем, что следует Ему, неся крест.

Бог есть Бог претерпевания. Сын Божий претерпел нашу плоть, поэтому Он претерпел Крест, Он претерпел наказание за все наши

грехи и тем сотворил примирение. Так призван претерпеть и воспоследовавший. Существо христианства состоит в претерпении. Как Христос, претерпевая, сохраняет единение с Отцом, так и претерпевание последовавших есть единение с Христом. Человек, конечно, может стряхнуть бремя, возложенное на него. Но при этом он будет свободен не от бремени вообще, а претерпит гораздо большее, непереносимое бремя. Он понесет выбранное им же бремя самого себя. Иисус призвал всех, страждущих и обремененных, отбросить это иго и принять на себя Его иго, которое благо, и Его бремя, которое легко. Его иго и Его бремя – это Крест. Нести этот крест – не бедствие и не сомнение, но отрада и душевный мир, наивысшая радость. Здесь мы перестаем идти под нами же сотворенным законом и бременем, идя под игом Того, Кто знает нас и Кто Сам идёт под игом. Под Его игом мы находимся в явственной близости и единении с Ним. Он есть Тот, Кого находит воспоследовавший, если он берет свой крест.

«Ступай не по твоему разумению, но выше твоего разума; сойди в неразумение, и я дам тебе разумение. Неразумение – вот правильное разумение; не знать, куда идешь, это знать наверняка, куда ты идешь. Мое разумение делает тебя совсем неразумющим. Так пошло от Авраама, с его родины, и не ведалось, куда. Он отдал себя моему знанию, бросив свое знание, и пришел верным путем к верному завершению. Смотри, это крестный путь, которого ты можешь и не найти, но я должен вести тебя, как слепого; притом не ты, человек и тварь, но я, я сам, через мой дух и слово, хочу, наставить тебя на путь истинный, и ты внутренне преобразишься. Не труды, которые ты желал бы избрать, не страдания, которые желал бы придумать, – но вот это причитается тебе вопреки твоему выбору, мыслям и страстям, и следуй, я зову, будь учеником, уже время, учитель твой явился» (Лютер).

СЛЕДОВАНИЕ И ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

«Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником».

(Лк 14:26)

Призыв Иисуса следовать делает ученика одиноким. Хочет он того или нет, он должен решиться, он должен решиться сам. Это не собственный выбор – устремиться, чтобы стать одиночкой – но Христос делает призванного одиночкой. Каждый призван наедине. И следовать он должен наедине. Боясь этого одинокого бытия, человек ищет защиты в людях и вещах, вокруг себя. Он вдруг обнаруживает всю свою ответственность и цепляется за нее. Он хочет принять решение под ее покровом, но стоять перед Иисусом не наедине, взирая единственно на Него. Но не отец и мать, не жена и ребенок, не народ и история в этот час стоят перед призванным. Христос хочет привести человека к уединению, ему не следует видеть ничего, кроме Того, Кто его зовет.

В призыве Иисуса уже явлен разрыв с природной наличностью, в которой живет человек. Не тот, кто последовал, производит его, но Сам Христос, когда зовет, уже произвел его. Христос вырвал людей из мирской непосредственности, поставив их непосредственно перед Собой. Ни один человек не может следовать Христу без того, чтобы не признать и не подтвердить уже совершившийся разрыв. Не произвол самоуправной жизни, но Сам Христос ведет ученика к разрыву.

Почему это должно быть так? Почему не дано вращаясь, не связанного с разрывом, медленного целительного продвижения от природного порядка к единению с Христом? Что за досадная сила становится между людьми и порядком их природной жизни, данным Богом? Этот разрыв – не законнический методизм? Не есть ли это угрюмое пренебрежение благими дарами Бога, которые не имеют ничего общего со свободой христианина? Верно, и в самом деле что-то возникает между тем, кто призван Христом, и условиями его природной жизни. Но это не угрюмое презрение к жизни, не закон благочестия, а жизнь и Евангелие как таковое, Сам Христос. Он поставил Себя, вочеловечившись, между мной и мирской наличностью. И я больше уже не могу повернуть назад. Он – в центре. Он лишил призванного непосредственного отношения к вещам. Он хочет быть средством, все должно произойти только через Него. Он стоит не только между мной и Богом. Он также стоит как раз в центре между мной и миром, между мной и другими людьми и вещами. Он Посредник, не только между Богом и человеком, но также между человеком и человеком, между человеком и действительностью. Поскольку все в мире для Него и через

Него (Ин 1,3; 1Кор 8,6; Евр 1,2;), то Он – единственный Посредник в мире. И, нет начиная с Христа, непосредственных отношений ни между людьми, ни к Богу, ни к миру; посредником хочет быть Христос. Хотя достаточно напрашиваются боги, предлагающие человеку непосредственный подход, хотя мир всеми средствами пытается стать непосредственным для человека – но как раз в этом-то и есть вражда к Христу, Посреднику. Боги и мир хотят отнять у Христа то, чего Он их лишил, – чтобы стать непосредственно перед человеком. Разрыв с вовлеченностью в мир есть не что иное, как познание Христа как Сына Божия, Посредника. Этот разрыв никогда не бывает произвольным актом, в котором человек отрекается от связи с миром ради некоего идеала, смешивал незначительный идеал с величайшим. Это было бы прельщение, самовластие и снова – вовлеченность в мир. Ученик Иисуса отделяет себя от мира и вещей только признанием совершившегося факта, а именно: что Христос есть Посредник. Поскольку призыв Христа должен быть понят не как идеал, а как Слово Посредника, то он завершает во мне этот свершившийся разрыв с миром. Если речь тут идет об отмеривании идеалов, то при всех обстоятельствах нужно отыскать баланс, который потом может склониться в пользу христианского идеала; но он никогда не должен быть односторонним. Исходя из идеальности, из жизненной «ответственности», нельзя было бы оправдать это – обесценение природного жизнеустройства по отношению к христианскому жизненному идеалу. Напротив, мне хотелось бы сказать очень много в пользу противоположной оценки – ясное дело, прямо исходя из христианской идеальности, христианской этики, ответственности и совести! Но поскольку речь идет совсем не об идеале, ценностях и ответственности, а о свершившихся фактах и их признании, то есть и о Личности Самого Посредника, Который поставил Себя между нами и миром, – то потому положен только разрыв с непосредственной вовлеченностью в жизнь, потому и должен тот, кто призван, одиноко стать перед Посредником.

Призванный Иисусом познает, таким образом, что он заблуждался в отношениях с миром. Это заблуждение зовется – непосредственностью. Оно мешало ему в вере и послушании. Теперь он знает, что он более не может иметь никакой непосредственности в отношении к своим жизненным связям, к кровной связи с отцом и матерью, детьми, братьями и сестрами, к супружеской любви, к чувству исторической ответственности. И после Иисуса нет больше для Его ученика ни природной, ни исторической, ни событийной непосредственности. Между сыном и отцом, между мужчиной и женщиной, между одиночкой и народом стоит Христос, Посредник – желают они об этом знать или нет. И для нас нет больше пути к

другому, кроме как через Христа, через Его слово и наше следование Ему. Непосредственность есть обман.

Но поскольку обман следует презирать, поскольку он скрывает правду, то нужно презирать и непосредственную вовлеченность в природную жизнь, устремясь к Посреднику Иисусу Христу. Где какая-то связь мешает нам стать перед Христом наедине, где она притяжает на непосредственность, там ее следует презреть во имя Христа; ибо всякая непосредственность — осознанно, или нет — есть дерзость против Христа, Посредника, в том числе и там, где она желает быть воспринятой по-христиански.

Тяжко заблуждение теологии, когда она использует посредничество Иисуса между Богом и человеком для того, чтобы тем оправдать жизненную непосредственность. Если Иисус — Посредник, то Он претерпел грехи нашей неопосредованной вовлеченности в мир и тем искупил нас. Иисус для того стал Посредником между нами и Богом, чтобы мы с чистой совестью обернулись непосредственно к миру, к миру, который распял Христа. При этом любовь к Богу приводит к общему знаменателю. Разрыв с данностью мира приводит нас к «законному» лжепониманию Божественной благодати, которая как раз и призвана уберечь нас от этого разрыва. Из слов Иисуса о презрении к непосредственности исходит теперь разумеющееся само собой, радостное «Да» «Богом данной действительности» этого мира. Из оправдания грешников вторично возникнет оправдание греха.

«Богом данная действительность» существует для последовавшего за Христом только во Христе и через Него. Что дано мне вочеловечившимся Христом, то мне дано Богом. А что дано мне не во имя Христа, то не от Бога. Благодарность за дары творения совершается через Иисуса Христа, и просьба о милостивом сохранении этой жизни совершается во имя Христа. За что я могу благодарить не ради Христа, за то я вообще не должен благодарить, иначе это грех. И путь других людей, с которыми я живу, к «Богом данной действительности» идет через Христа — либо же это ложный путь. Все наши попытки преодолеть пропасть, разделяющую нас с другими людьми, непреодолимую дистанцию, инакость, чужесть другого человека посредством духовного или природного единения, потерпят крушение. От человека к человеку нет собственного пути. Исполненное любви проникновение, продуманная психология, природная искренность не направляют нас к другому человеку, не дают душевной непосредственности. Между этим всем стоит Христос. Только через Него ведет путь к ближнему. Поэтому просьба об обетованном пути к другому и совместная молитва во имя Христа и есть чистейшее единение.

Нет правильного познания даров Божьих без познания Посредника, ради Которого они нам и даны. Нет чистой благодарности

за народ, семью, историю и природу без глубокого покаяния, которое возвеличивает Христа, ставя Его надо всем. Нет чистой связи с данностями тварного мира, нет чистой ответственности в мире без признания разрыва, которым мы отделены от него. Нет чистой любви к миру помимо любви, которой Бог возлюбил мир в Иисусе Христе. «Не любите мира» (1Ин 2:15). Но: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:16).

Разрыв с непосредственностью неизбежен. Совершается ли он внешне – через разрыв с семьей и народом, – или кто-то призывается зримо нести позор Христа, принять на себя упреки человеческой ненависти (*odium generis humani*), или же разрыв скрыт, явен лишь для него одного, – он должен быть готов в любой момент совершить разрыв явно, и это не последнее различие. Авраам брал примером обе возможности. Он должен был оставить дружбу и отчий дом; Христос ступил между ним и близкими его. Так должен был стать явен разрыв. Авраам должен был стать пришельцем ради земли обетованной. Это был первый призыв ему. Позже Авраам был призван Богом принести в жертву своего сына Исаака. Христос ступает между отцом веры и сыном обетования. Тут разрушена не только природная непосредственность, но и сама духовная непосредственность. Авраам должен уяснить себе, что обетование заключено в привязанности не к Исааку, но единственно к Богу. Ни один человек не узнаёт об этом призыве Бога, даже и те отроки, которые сопровождали Авраама до места принесения жертвы. Авраам остается совсем один. Он снова полностью одинок, как тогда, когда покидал отчий дом. Он принимает призыв таким, каким он прозвучал, он не толкует его вкривь и вкось, не одухотворяет его, он принимает Бога в Его слове, готовый к послушанию. Он становится послушен слову Бога наперекор любой природной непосредственности, наперекор любой этической непосредственности, наперекор любой религиозной непосредственности. Он приносит своего сына в жертву. Тайный разрыв он намерен осуществить как явный, ради Посредника. И в этот час ему возвращается то, что он отдал. Авраам вновь обретает сына. Ему указана Богом лучшая жертва, ступающая на место Исаака. Это поворот на 360 градусов; Авраам снова получил Исаака, но имеет он его уже не так, как прежде. Он имеет его через Посредника и ради Посредника. Он должен был иметь Исаака как тот, кто готов был выслушать повеление Бога и исполнить его буквально, он должен был иметь Исаака так, как будто не имеет, должен иметь его через Иисуса Христа. Никакой другой человек ничего об этом не знает. Авраам с Исааком сходит с горы, как и взошел на нее, но все стало совсем по-другому. Между отцом и сыном ступил Христос. Авраам оставил все и последовал за Христом, и, следуя, должен был жить в мире, в котором

он жил до того. Внешне все остается по-старому. Но старое миновало; смотри-ка, все иначе. И это все через Христа.

Вот перед нами другая возможность стать одиночкой – прямо среди общества, народа, в отчем доме, при имении и благах последовать Христу. Но это именно Авраам, который был призван в этом состоянии, Авраам, который перед тем совершил явный разрыв, чья вера стала примером для Нового Завета. Слишком легко могли бы мы обобщить эту возможность Авраама, понять законнически, т.е. отнести ее к себе самим без всего последующего. Пусть это будет именно нашим христианским бытием – в обладании благами этого мира следовать за Христом и стать одиночками. Но для христиан определенно легче осуществить внешний разрыв, чем в скрытой вере носить разрыв тайный. Кто не знает этого, т.е. кто это знает не из Писания и опыта, тот обманывается насчет иного пути. Он выпадает в непосредственность, будучи потерян для Христа.

Ту или иную возможность нельзя выбрать произвольно. Мы можем по воле Иисуса быть призваны тем или иным образом из непосредственности, и мы должны стать одиноко, явно или тайно.

Но тот же самый Посредник, Который превращает нас в одиноких, является при этом основой совершенно *нового единения*. Он стоит посредине между другим человеком и мной. Он разделяет, но и – объединяет. Так что, хотя всякий раз непосредственный путь к другому имеет свои ограничения, но только воспоследовавшему указан новый и единственно действенный пучок к другому – через Посредника.

«И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою. Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной. Многие же будут первые последними, и последние первыми».

(Мар.10:28-31)

Иисус обращается тут к тем, кто стал одинок ради Него, кто оставил все, когда Он призвал, кто может сказать о себе: Вот, мы оставили все и последовали за Тобою. Им дано обетование нового единения. По слову Иисуса, они должны во время сие получить во сто крат более того, что они оставили. Иисус говорит здесь об общине, находящей себя в Нем. Кто оставил ради Иисуса отца, тот наверное вновь обретает здесь отца, обретает братьев и сестер, ведь ему уже приготовлены даже земля и дома. Каждый следует наедине, но, воспоследовав, никто не останется один. Тому, кто по слову Его

отваживается стать одиноким, даровано единение в общине. Он снова обретается в зримом братстве, которым ему возмещается во сто крат более того, что он оставил. Во сто крат более? именно в том, что он сейчас имеет все только через Христа, что он это имеет через Посредника, – это означает между прочим «среди гонений». «Во сто крат более» «среди гонений» – это благодать общины, которую ее члены наследуют у креста их Господа. В этом состоит обетование для последовавших – стать членами общины Креста, народом Спасителя, народом у Креста.

«Когда были они в пути, восходя в Иерусалим. Иисус шел впереди них, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он начал им говорить о том, что будет с Ним».

(Мк 10:32).

Ради подтверждения серьезности своего призыва, следовать и, учитывая невозможность следовать исходя только из человеческих сил, ради обетования, – среди гонений на Него – идет Иисус в Иерусалим, навстречу Кресту, и следующих за Ним посещает изумление и ужас перед этим путем, на который Он зовет их.

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Евангелие от Матфея, глава 5: О «подвигах» христианской жизни.

Наречены блаженными

Иисус на склоне горы, множество народа, ученики. Народ видит: Вот Иисус со Своими учениками, приступившими к Нему. Ученики – они и сами еще недавно всецело принадлежали к этому множеству народа. Они тоже были как все остальные. Потом сошел призыв Иисуса; они оставили всё позади и последовали за Ним. И с тех пор они всецело принадлежат Иисусу. И они идут с Ним, живут с Ним, следуя за Ним туда, куда Он их ведет. С ними произошло что-то такое, чего не произошло с другими. Перед глазами народа развернулось весьма тревожное и из ряда вон выходящее зрелище. Ученики видят: Вот народ, из которого они сами, заблудшие овцы дома Израилева. Это община, призываемая Богом. Это народная Церковь. Когда они были избраны из этого народа, призывом Иисуса, то они действовали так, как подобает заблудшим овцам дома Израилева, – они последовали голосу Доброго Пастыря, узнав Его голос. Итак, их путь как раз с народом, они станут жить в этом народе, войдя в него и проповедуя ему призыв Иисуса и славу следования Ему. Но каков-то будет конец? Иисус видит, вот Его ученики. Они на виду у всех ступили к Нему прямо из народа. Он призвал каждого в отдельности. Они отреклись от всего, покорствуя Его призыву. Теперь они живут в нужде и лишениях, беднейшие среди бедных, собиратели милостыни среди собирателей милостыни, голодные из голодных. У них только Он. Да; и с Ним у них нет в мире ничего, совсем ничего, но все, все – у Бога. Вот малая община, которую Он нашел, а вот и большая община, которую Он ищет, когда Он смотрит на народ. Ученики и народ, они вместе, ученики будут Его посланниками, они будут тут и там находить внимающих и уверовавших. И все же между ними до конца будет вражда. Весь гнев против Бога и Его Слова падет на Его учеников, и с Ним они будут отвергнуты. А перед глазами – крест. Христос, ученики, народ – это уже целый образ истории страстей Иисуса и Его общины⁵.

Потому: блаженны! – говорит Иисус, обращаясь к ученикам. (Ср. Лк 6:20 и след.) Он говорит тем, кто уже увлечен силой Его призыва.

⁵ Нормы толкования этих высказываний лежат в *ἀπολύειν το στόμα*, что подчеркивается уже в раннецерковной экзегезе. Прежде чем Иисус начинает говорить, проходят мгновения молчания.

Этот призыв сделал их нищими, побирающимися, голодными. Он нарекает их блаженными не за их нужду и отречение. Ни нужда, ни отречение никоим образом не являются основой для наречения блаженными. Только призыв и обетование, ради которых последовавшие живут в нужде и отречении, есть достаточное основание. Наблюдение же о том, что в некоторых случаях блаженными нарекаются по нужде, в других по сознательному отречению или по особенным добродетелям учеников. – не имеет смысла. Объективная нужда и личное отречение имеют свои общие основы в призыве и обетовании Христа. Никакая из них не самоценна и не вправе притязать на это.⁶

Иисус нарекает Своих учеников блаженными. Народ слышит это и напуган тем, что происходит. То, что по Божьему обетованию принадлежит народу Израилеву, выпадает здесь маленькой общине отобранных Иисусом учеников. «Их есть Царство Небесное». Но ученики и народ едины в том, что они все суть Богом призванная община. Так наречение Иисусом блаженства должно быть дано всем в усмотрение и во спасение. Все должны быть призваны к тому, чем они воистину и являются. Ученики нарекаются блаженными во имя призыва Иисуса, которому они последовали. Блаженным наречется весь народ Божий ради обетования, обращенного к нему. Но сподобится ли народ Божий обетования также и в вере в Иисуса Христа и в Слово Его – или разойдется с Христом и Его общиной в неверии в Него? Вопрос остается открытым.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Во всем ученики имеют нужду. Они совершенно «нищие» (Лк 6:20). Ни безопасности, ни имения, которое можно назвать своим, ни куска земли, который можно назвать своей родиной, ни земного сообщества, к которому всецело полагается принадлежать. Но нет и никакой собственной духовной силы, опыта, познаний, основываясь на коих, они могли бы сами себя призвать, чтобы утешиться ими. Ради Него они оставили всё. Когда они последовали за Ним, они потеряли даже самих себя и вдобавок все, что могло бы делать их богатыми. Теперь они нищи, так неопытны, так безрассудны, что ни на что больше не могут надеяться, кроме как на Того, Кто призвал их. Но Иисус ведь знает и

⁶ Конструирование противоположности между Матфеем и Лукой не имеет основы в Св.Писании. И у Матфея нет речи о спиритуализации блаженства, изначально лукианского, и у Луки – о политизации блаженства, изначально касавшегося только «образа мыслей». У Луки не выступает как основа блаженства нужда, а у Матфея – отречение. Напротив, у обоих нужда или отречение, спиритуальное или политическое оправдывается только через призыв и обетование Иисуса, Который нарекает их блаженными в той мере, в какой они есть, и Который есть единственное основание для наречения их блаженными. Католическая экзегеза, начиная с клементинцев, считает блаженством добродетель нищеты, притом, с одной стороны, *paupertas voluntaria* монахов, а с другой – всякую добровольную бедность ради Христа. В обоих случаях ложность толкования состоит в том, что в качестве основы выискиваются различные человеческие обстоятельства, а не призыв и обетование Христа как таковые.

других, представителей и проповедников народной религии, в силе и уважении, крепко стоящих на земле, неотторжимо укоренившихся в народности, духе времени и народного благочестия. Но Он говорит не им, а только Своим ученикам: Блаженны, – ибо их есть Царство Небесное. Для них, живущих ради Иисуса в совершенном *отречении и нужде*, – и есть Царство Небесное. Среди нищеты – они наследники Царства Небесного. Их сокровище укрыто глубоко, оно – у Креста. Им обещано Царство Небесное и явлена слава, и это им уже даровано в совершенной нищете Креста.

Здесь окончательно расходится толкование Иисусом блаженства с карикатурой на него в форме социально-политического программирования. Антихрист тоже считает нищих блаженными, но он делает это не ради Креста, в котором блаженствует и разрешается всякая душа, а именно ради защиты Креста посредством социально-политической идеологии. Он в состоянии назвать эту идеологию христианской, и именно потому он – враг Христа.

«Блаженные плачущие, ибо они утешатся». С каждым дальнейшим наречением блаженных углубляется пропасть между учениками и народом. Все зримее сходит призыв к ученикам. Плачущие – это те, кто готов жить в *отречении* от того, что мир называет *счастьем и миром*, кто не может равнять себя по миру. Они несут скорбь о мире, его вину, его судьбу и его счастье. Мир празднует – они стоят в стороне; мир взывает: радуйтесь жизни, – они печалются. Они видят, что судно, на котором справляют юбилей, уже дало течь. Мир фантазирует о прогрессе, силе, будущем – ученики знают о конце, суде и приближении Царства Небесного, к чему мир совершенно не устремлен. Оттого ученики – чужие в мире, непрошеные гости, возмутители спокойствия, которые будут отвержены. Почему община Иисуса при такой большой твердости народа, в котором она живет, должна стоять снаружи? Или она больше не понимает окружающих? Или она обречена стать добычей людской злобы и презрения? Никто не понимает окружающих лучше, чем община Иисуса. Никто не любит окружающих больше, чем ученики Иисуса, – именно потому они и стоят снаружи, именно потому несут скорбь. Это исполнено значения, и прекрасно, что Лютер переводит здесь греческое слово как «скорбь» («Leid-Tragen», т.е. дословно: претерпевание страдания. – *Прим. пер.*) Собственно в претерпевании и всё дело. Община учеников не отбрасывает страдание, не зная, мол, что с ним сотворить, но переносит его. Как раз в этом и проявляется ее тесное единение с окружающими. Наряду с этим сказано, что она не ищет страдания по своей воле, что она не устраняется в своевольном презрении к миру, но, следуя, переносит то, что на нее возложено во имя Иисуса Христа. Но ученик и в конце концов не измотаны и не подавлены, не сломлены. Более того, они переносят это силой Того. Кто несет их. Ученики претерпевают

отмеренное им страдание единственно силой Того, Кто переносит на кресте все страдания. Они стоят, перенося плач и скорбь в единении с Распятием. Они стоят как чужие силой Того, Кто стал чужим миру, так что тот распял Его. Это их утешение, их Утешитель (ср. Лк 2:25). Община чужаков утешается Крестом, она утешается тем, что вытолкнута в местность, в которой ее ожидает Утешитель Израиля. Так она находит свою истинную родину у распятого Господа, здесь и в вечности.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Никакое личное право не защищает в мире эту общину чужаков. Но они и не притязают, ибо они кротки: живут, *отказавшись от любого личного права* ради Иисуса Христа. Их бранят – они тихи, над ними чинят насилие – они терпят, их прогоняют – они уходят. Они не ведут тяжбу, отстаивая свое право, не заставляют всех волноваться, если поправлено их право. Они не хотят личного права. Они хотят исполнять только право Бога; *non cupidi vindictae*, как гласит раннецерковное высказывание. Что является правом для их Господа, то для них и право. Только это. По каждому слову, по каждому жесту ясно, что их принадлежность – не земная. Оставьте их небу, говорит сочувственно мир, поскольку они принадлежат ему⁷. Но Иисус говорит: Они должны наследовать землю. Этим бесправным и бессильным принадлежит земля. Те, кто сейчас правит ею, опираясь на силу и несправедливость, утратят ее, а те, кто совершил отречение, кто был кроток вплоть до креста, будут править новой землей. Здесь подразумевается не взыскующая праведности Бога, касающаяся внутреннего мира (Кальвин), а то, что если Царство Небесное придет, то земной облик обновится и земля станет общиной Иисуса. Бог не оставляет землю. Он ее сотворил. Он послал на землю Своего Сына. Начало положено уже тогда. Знак подан. Уже здесь дан кусок земли бессильным, которые имеют свою Церковь, свое приобщение, свои имения, братьев и сестер – среди гонений вплоть до креста. Но и Голгофа – тоже кусок земли. С Голгофы, где умер Кротчайший, должна обновиться земля. Когда настанет Царство Божье, то кроткие наследуют землю.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Не только в отречении от личного права, но даже в *отречении от личной правды* живут те, кто последовал за Христом. Они не имеют никакой личной славы за свои деяния и жертвы. Они не могут иметь правды иначе, нежели алкая ее и испытывая жажду по ней; на земле ни личной правды, ни Божьей; у них всегда перед глазами грядущая правда Божья, но сами они воздвигнуть ее не могут. Те, кто следует Христу, будут алкать и жаждать в пути. Они жаждут прощения всех грехов и полного обновления, нового бытия земли и исполнения

⁷ Император Юлиан насмешливо писал в своем 43-м письме, что он конфисковал имения христиан для того только, чтобы они могли нищими войти в Царство Небесное.

правды Божьей. Еще тяготеет проклятие над миром, еще лежит на них грех мира. Тот, Кому они следуют, должен умереть на кресте, будучи проклят. Оставшееся томление по правде есть Его последний крик: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты меня оставил?» Но ученик не выше своего учителя. Они следуют Ему. Они блаженны в этом, ибо им обещано, что они насытятся. Они воспримут правду не только ушами – им по справедливости полагается и телесное насыщение. В грядущем они будут вкушать хлеба истинной жизни, причащаясь к своему Господу. Они блаженны во имя этого будущего хлеба; ибо они имеют этот хлеб уже теперь. Тот, Кто есть хлеб их жизни, во всех их алканиях с ними. Это блаженство грешников.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Эти неимущие, эти чужаки, эти немощные, эти грешники, эти последовавшие за Христом живут с Ним только в *отречении от личного достоинства*, ибо они милостивы. Им мало своей нужды, своих лишений, они полны участия к чужой нужде, чужой низости, чужой вине. Они питают неодолимую любовь к обездоленным, больным, убогим, униженным и угнетенным, к бесправным и изгнанникам, ко всему, что тревожится и мучается; они ищут тех, кто оказался в грехе и вине. Никакая нужда не бывает слишком глубока, никакой грех – слишком ужасен, милосердие простирается и на них. Милостивый одаряет своей честью опозоренного, принимая его позор на себя. Он – рядом с мытарем и грешником, с готовностью переносит их позор в единении с ними. В своей милости они отдают высшее благо человека – собственное достоинство и честь. Они знают только *одно* достоинство и честь: милосердие их Господа, которым они и живы. Он не стыдится своих учеников, Он стал людям как брат и нес их позор до смерти на Кресте. Это – милосердие Иисуса, исходя из которого только и могут жить те, кто связан с Ним, милосердие Распятого. Это милосердие склоняет их забыть личную честь и достоинство и искать общества грешников. Падет позор и на них – они все равно блаженны. Ибо они достигли милосердия. Когда-нибудь Бог склонится к ним и возьмет их грехи и позор. Бог даст им Свою славу и возьмет у них их бесчестие. Это будет Божьей славой: нести позор грешников, облакая их Своей славой. Блаженны милостивые, так как они имеют Всемилоостивейшим Господа.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Кто чист сердцем? Лишь тот, кто полностью отдал свое сердце Иисусу, чтобы Он царил там; кто не запятнал свое сердце ни своей злобой, ни тем что обладал именем. Чистое сердце – это наивное сердце ребенка, которое не ведает о добре и зле, сердце Адама до грехопадения, в котором царит даже не совесть, а воля Иисуса. Кто пребывает в *отречении от собственного добра и зла*, от собственного сердца, кто в покаянии уповает единственно на Иисуса, сердце того чисто словом Иисуса.

Чистота сердца здесь противоположна любой чистоте внешней, к которой, между прочим, относится и чистота помыслов. Чистое сердце чисто от добра и зла, оно всецело и безраздельно принадлежит Христу, видит только Его, предшествующего. Узрит Бога лишь тот, кто в этой жизни смотрел только на Христа, Сына Божия. Его сердце свободно от запятнанных образов, не завлечено и не извлечено разнообразием собственных желаний и помыслов. Оно целиком поглощено созерцанием Господа. Бога узрит тот, чье сердце стало зеркалом образа Иисуса Христа.

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Последовавшие за Христом призваны к миру. Когда Иисус призвал их, они нашли свой мир. Иисус – их мир. Но они должны не только иметь мир, но и творить его.⁸ При этом они *отрекаются от насилия и мятеша*. В деле Христовом это никому еще не помогало. Царство Христа есть царство мира, и в общине Христовой приветствуют друг друга пожеланием мира. Ученики Христа хранят мир, в котором они предпочтут страдать, нежели причинить страдание другому; они оберегают единение, когда другой посягнет на него; они отрекаются от самоутверждения и смиренно переносят ненависть и несправедливость. Они преодолевают зло добром. Так они становятся основателями Божеского мира в мире ненависти и войны. Но нигде их мир не станет большим, кроме как там, где они обратили к миру злых и готовы страдать за них. Миротворцы понесут крест вместе со своим Господом, ибо мир сотворен на Кресте. Так как они вступили на мирное поприще Христово, то они и призваны к поприщу Сына Божия, оттого будут и они сами названы сынами Божиими.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Речь здесь не о правде Божьей, но о страданиях учеников Иисуса за правое дело, за правые суждения и дела. Они, последовавшие за Христом, отделяются от мира через суждения и деяния, отрекаясь от имений, счастья, права, правды, чести, силы; они выброшены из мира. И потому ученики становятся гонимыми за правду. Не признание, но отвержение – вот чем вознаградил их мир за их слова и дела. Важно, что Иисус нарекает Своих учеников блаженными и там, где они страдают не обязательно непосредственно ради Него, но и во имя правого дела. Им выпало то же обетование, что и нищим. В качестве гонимых они уподобляются последним.

Здесь, заканчивая речь о наречении блаженными, мы сталкиваемся с вопросом: какое же, собственно, место в мире еще остается такой общине? Ясно стало, что для нее есть только одно место, а именно то, где наибеднейшие, просящие милостыню, наикротчайшие,

⁸ *Εἰρηνοποιοί* имеет двойной смысл: «миролюбие» [Friedfertig] в толковании Лютера не следует понимать только в пассивном смысле. Английский перевод «peacemaker» односторонен и стал причиной всяческих ложно понятых видов христианской активности.

– Крест на Голгофе. Община нареченных блаженными – это община Распятого. С Ним она потеряла все, но с Ним же все и нашла. С Креста Он только взывает: блаженны, блаженны. Но Иисус обращается исключительно к тем, кто может этим овладеть, к ученикам, и притом обращаясь непосредственно: *«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас»*. «За Меня» – ученики будут поносимы, но встречены Самим Иисусом. Все падает на Него, ибо их будут поносить из-за Него. Он несет вину. Слово поношения, преследование до смерти и несправедливое злословие побеждаются блаженством учеников в их единении с Иисусом. И только одно и может произойти: мир разразится против кротких чужаков словами, насилием и клеветой. Слишком угрожающе, слишком громок голос этих нищих и кротких, слишком терпеливо и тихо их страдание; слишком могуче свидетельствует эта кучка учеников Иисуса о мирской несправедливости. Это смерти подобно. Когда Иисус взывает: блаженны, блаженны, – мир кричит: прочь! прочь! Да, прочь! Но куда? В Царство Небесное. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах. Там нищие находятся в чертоге радости. Сам Бог смывает у плачущего слезы чужбинности и насыщает голодного Своим причастием. Израненные и измученные тела предстают преображенными и вместо одежды греха и раскаяния облекаются в белые одежды вечной правды. Из этой вечной радости уже сюда проникает призыв к общине последовавших за Господом у Креста – призыв Иисуса: блаженны, блаженны.

Зримая община

«Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, разве как выбросить ее вон на поправление людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5,13-16).

Нареченные блаженными в благодати следования и призванные Распятым – к ним обращение. Хотя нареченные блаженными полностью достойны Царства Небесного, будучи вынужденными на этой земле оказываться бесполезными для жизни, – здесь они отмечены как символ незаменимого блага на земле. Они – соль земли. Они – благородство добра, высшая ценность из всего, что есть на земле. Без них земля не смогла бы больше существовать. Солью будет сохранна земля – земля будет жить ради нищих, незнатных, слабых, отвергнутых миром. Она ничтожит их собственную жизнь тем, что изгоняет учеников, и – о чудо! – именно ради этих отвергнутых земля должна жить дальше. Эта «божественная соль» (Гомер) сохраняется в своей действенности. Она оказывает решающее влияние на всю землю. Это ее субстанция. Так ученики направлены не только к Царству Небесному – им напоминает и о земной миссии. Будучи связаны единственно с Иисусом, они стали земле – солью. Если Иисус называет солью земли не Себя Самого, а учеников, то их действенность Он переносит на землю. Он вовлекает их в Свою работу. Он остается среди народа Израилева, учеников же посылает по всей земле. Единственно потому, что соль остается солью, и сохраняется чистая, приправляющая сила соли, земля будет сохранна солью. Как ради самой себя и ради земли соль должна оставаться солью, так и община учеников должна оставаться тем, чем она стала в призыве Христа. В этом заключена ее истинная действенность в отношении земли и ее сохраняющая сила. Соль должна быть нетленной и потому постоянной силой очищения. Потому Ветхий Завет нуждается в соли для жертвоприношения, потому в католическом обряде крещения ребенка соль кладется на язык (Исх 30:35; Иез 16:4). В нетленности соли содержится залог прочности общины.

«Вы *[есть]* соль» – а не: вы должны быть солью! Это не в воле учеников – стать солью или нет. На них и не направлен призыв стать солью земли. Но они являются ею, хотят они того или нет, силою призыва, выпавшего им. Вы *[есть]* соль – а не: имейте соль. Это было бы преуменьшением – захотеть вместе с реформаторами уподобить

соли весть, которую несут ученики. Здесь же имеется в виду все их существование, заново созиданное призывом Христа к следованию, это существование, нареченное блаженным. Кто, застигнутый призывом Иисуса, воспоследовал Ему, того – во всем его бытии – этот призыв сделал солью земли.

Другая возможность, впрочем, состоит в том, что соль теряет силу, переставая быть солью. Она перестает воздействовать. Тогда, конечно, она в самом деле ни к чему больше не годится, разве что выбросить. В этом отличительное свойство соли. Любая вещь должна быть присолена. Но соль, потерявшая силу, уже никогда не сможет солить. Она может все, можно и порченный материал спасти с помощью соли; однако соль, утратившая силу, сама испорчена безнадежно. Это другая сторона. Это грозный суд, возвышающийся над общиной учеников. Земля должна быть спасена общиной; только вот община, которая перестает быть, чем она является, потеряна для этого спасения. Призыв Иисуса Христа означает стать солью земли или быть изничтоженным, следовать или же – призыв сам изничтожит призываемого. Еще одной, следующей возможности для спасения нет. Ее не дано.

Община учеников вместе с призывом Иисуса удостоена не только незримой действительности соли, но и зримого сияния света. «Вы *[есть]* свет» – и снова не: вы должны стать! Призыв сам осуществляет это. И по-другому быть не может – они свет, который виден; а было бы по-другому, то призыв был бы обращен, очевидно, не к ним. Что за невозможная, бессмысленная цель стояла бы перед учениками Иисуса, перед *этими* учениками – хотеть *стать* светом мира! Напротив, они уже превращены призывом, последовав Христу. Опять же не: вы *имеете* свет, но: вы и есть он! Не что-то дарованное вам, как ваша проповедь, есть свет, но вы сами есть свет. Тот, Кто сказал о Себе: Я есмь свет, говорит Своим ученикам: вы – свет на всю вашу жизнь, поскольку вы призваны. И поскольку вы свет, вам незачем больше оставаться в сокрытости, где, может, и хотели бы остаться. Свет светит, и не может укрыться город на верху горы. Он не может этого. Он виден во все концы равнины, будь это крепкий город или укрепленный замок, будь это распавшиеся руины. Этот город на верху горы – какой израильтянин не подумает при этом об Иерусалиме, городе, возведенном высоко, – и есть община учеников. Последовавшие при всем при том уже более не стоят перед решением: единственное решение, которое им дано, уже выпало. Они должны лишь быть чем они есть – либо они не последователи Иисуса. Последовавшие за Ним суть зримая община, ее следование есть зримое дело, которым они выделяются из мира, – либо же это никакое не следование. Именно следование Христу видно так, как свет в ночи, как гора на равнине.

Бегство к сокрытости есть отрицание призыва. Община Христа, которая желает быть скрытой, уже более не есть последовавшая Христу община. «И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» — здесь опять-таки говорится о другой возможности: по своему произволу скрыть свет, чтобы он погас под сосудом, чтобы отвернуться от призыва. Сосудом, под которым зримая община укрывает свой свет, может точно так же стать боязнь людей, понятая как осознанная мирская затея ради какой-нибудь цели, — и они или превратятся в разновидность миссионеров, или же избегнут ложно истолкованной любви к людям! Но могла бы образоваться — и это еще опаснее — так называемая реформаторская теология, которая осмеливается называть себя *theologia crucis*, и признак ее в том, что она предпочитает «фарисейской» явности «смирненную» сокрытость в форме своего тотального осуществления в мирском облиии. Отличительным знаком общины становится здесь не чрезвычайная зримость, но сохранение в *justitia civilis*. Что свет именно *не* светит, есть здесь критерий христианства. Но Иисус говорит: Дайте светить вашему свету перед язычниками. Ведь это в каждом случае свет призыва Иисуса, который тут светит. Но что же это за свет, в котором должны сиять эти последовавшие за Иисусом, эти ученики, нареченные блаженными? Что за свет должен прийти из того места, на которое притязают ученики? Что общего имеет незримость и сокрытость Креста Господня, у которого стоят ученики, с тем светом, который должен сиять? Разве нельзя следовать прямо из этой сокрытости, чтобы и ученики могли остаться в сокрытости, а не на свету? Это злобное мудрствование, выводящее из Креста Господня мирское обличье для Церкви. И простодушному слушателю совершенно не ясно то, что у Креста стало зримым нечто чрезвычайное? Или это нечто вроде *justitia civilis*, любая затея мирского толка есть крест? И крест не есть что-то, что, к ужасу прочих, стало невероятно зримо в полной темноте? И недостаточно очевидно, что Христос оставлен всеми и должен страдать, что Он заканчивает Свою жизнь перед городскими воротами на горе позора? Это не очевидно?

В *этом* свете должны стать зримыми добрые дела учеников. Не вас, но ваши добрые дела должны увидеть они, говорит Иисус. Что это за добрые дела, которые станут зримы в этом свете? Не может, конечно, быть никаких других дел, кроме тех, которые Иисус Сам сотворил в них, когда призвал их, когда сделал их светом мира у Своего Креста: нищета, чужесть, кротость, миролюбие и, наконец, гонимость и отверженность, и на всем одно: нести крест Иисуса Христа. Крест есть необычайный свет, который светит так, что в нем становятся видны все добрые дела учеников. Притом речь ведь не о том, чтобы Бог стал зрим, но чтобы стали видны «добрые дела» и чтобы люди хвалили Господа за эти добрые дела. Зримым становится! Крест, и зримыми становятся

дела Креста, зримыми становятся нужда и отречение тех, кто наречен блаженными. Но теперь уже не человек, а лишь Бог должен радоваться о Кресте и такой общине. Если бы добрые дела были всего лишь всевозможными людскими добродетелями, тогда о них радовался бы не Отец, а ученики. Но ученику, несущему крест, общине, воссиявшей светом и открыто расположившейся на горе, радоваться нечему – об их «добрых делах» может радоваться лишь Отец Небесный. Так они *видят* Крест и крестную общину и верят Господу. Но это – свет Воскресения.

Праведность Христа

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»
(Мф 5:17-20).

И ведь неудивительно, если бы ученики с таким обетованием, полученным от их Господа, в котором обесценивается все, что ценится в глазах народов, и нарекается блаженным все, что было обесцененным, могли вообразить, что закону пришел конец. Ведь они были подходящими и замечательными в качестве тех, кому все доставалось из вольной Божьей благодати, тех, кто владел всем как верные наследники Царства Небесного. Они имели полное и личное единение с Христом, Который обновлял всё. Они были соль, свет, город на верху горы. Так миновалось все старое. Казалось, вот-вот, и Иисус теперь проведет окончательную разделительную черту между Собой и всем старым, провозгласит закон древнего союза-завета отмененным, нарушит его в Сыновней Своей свободе и отменит для общины. После всего, что произошло ученики, могли подумать, как Маркион, который, полагая, что это иудейская подделка, произвел следующее изменение текста: «Вы полагаете, что Я пришел исполнить законы или пророков? Я пришел нарушить, а не исполнить». Многократно после Маркиона читали и излагали таким образом слова Иисуса. Но Иисус говорит: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков...» Христос подтверждает силу закона и древнего союза-завета.

Как это понимать? Мы знаем, что это обращено к последовавшим, к тем, кто связан единственно с Иисусом Христом. Никакой закон не мог препятствовать единению Иисуса с Его учениками, это ясно из изложения Луки (9:57 и след.) Следование – это связь с Иисусом Христом, единственно и непосредственно с Ним. Тем не менее, здесь возникает совершенно непредвиденная связь учеников с ветхозаветным законом. Иисус двояким образом говорит при этом Своим ученикам: и то, что связь с законом еще не есть следование Ему, но и то также, что связь с Личностью Иисуса Христа, минующая закон, не может быть названа следованием. Он указывает тем, кому Он даровал Свое совершенное обетование и полное единение, как раз на закон.

Поскольку Он делает это, а Ему следуют ученики, потому и для них закон имеет силу. И возникает вопрос: Что имеет силу – Христос или закон? С чем я связан? Единственно с Ним или опять-таки с законом? Христос сказал, что между Ним и Его учениками закон ступить не может. Но Он говорит также, что нарушение закона означает отделение от Него. Что это значит?

Закон – это закон древнего союза-завета, не новый закон, а тот, старый закон, на который указывали богатый юноша и искушающий книжник как на явную волю Божью. Единственно потому, что Христос связывает Своих последователей с этим законом, и возникает новая заповедь. Речь, таким образом, идет не о «лучшем», чем у фарисеев, законе; это тот же закон, который должен остаться и соблюдаться в каждой букве, до конца света, который должен быть исполнен до каждой йоты. Речь, впрочем, идет, о «превосходящей праведности». У кого нет этой превосходящей праведности, тот не войдет в Царство Небесное – именно потому, что отошел от следования Христу, Который указывает ему на закон. Но никто не смог бы обладать этой превосходящей праведностью, кроме именно того, к кому это обращено, кроме призванного Христом. Условием для превосходящей праведности является призыв Христа, Сам Христос.

Так становится понятным, что Христос в этом месте Нагорной проповеди впервые говорит о Себе. Между превосходящей праведностью и учениками, от которых Он ее требует, находится Он Сам. Он пришел исполнить закон древнего союза-завета. Это предпосылка для всего остального. Иисус признает Свое полное единство с Божьей волей Ветхого Завета, закона и пророков. На самом деле Он ничем не дополняет Божьи заповеди, Он соблюдает их – это единственное, чем Он их дополняет. Он исполняет закон, именно это Он говорит о Себе. В этом истина. Он исполняет его до йоты. Но в силу того, что Он это исполняет, «произошло всё», что должно было произойти для исполнения закона. Иисус будет делать то, чего требует закон, ради этого Он должен принять мученическую смерть; ибо единственно Он понимает закон как Божий закон: т.е. ни – что закон есть Бог, ни – что Бог есть закон настолько, что на место Бога ставится закон. Так превратно закон был истолкован Израилем. Грехом Израиля было обожествление закона и озаконивание Бога. И, наоборот, обезбоживание закона и отделение Бога от Его закона стало бы греховной превратностью для учеников. Бог и закон в обоих случаях были разъяты – или, соответственно, уравнены, – что одно и то же. Иудеи уравнили Бога и закон для того, чтобы править с помощью Божьего закона. Бог открылся в законе, и все, больше Он не Господин над законом. Если бы ученики надумали отделить Бога от Его законов, то сделали бы это для того, чтобы для своего блага править от имени

Бога. В обоих случаях смешаны дар и Даритель, Бог отрицается с помощью закона или обетования о спасении.

Противостоя обоим превратным толкованиям, Иисус придает новую силу Божьему закону. Бог есть Даритель и Господин закона, и закон исполняется в личном приобщении к Богу. Нет исполнения закона без личного приобщения к Богу, и нет личного приобщения к Богу без исполнения закона. Первое значимо для иудеев, второе – для грозящего ложного истолкования учениками.

Иисус, Сын Божий, находящийся в полном единении с Богом, придает, стало быть, закону новую силу тем, что Он пришел исполнить закон древнего союза-завета. Поскольку Он был единственный, Кто это делал, то Он и только Он мог верно, учить закону и исполнению закона. Ученики должны были узнать и постигнуть это, когда Он это говорил, поскольку они знали, кто Он был. Между тем как иудеи не могли постигнуть этого, пока они Ему не верили. Потому они должны были отвергнуть Его учение о законе как богохульство, а именно: как хулу на закон Божий. Так ради истинного закона Иисус должен был страдать от ревнителей ложных законов. Христос умирает на кресте как богохульник, как законопреступник, поскольку Он придал силу истинному закону, отвергая ложно понятый закон.

Исполнение закона, о котором говорит Иисус, может, следовательно, произойти не иначе, как через то, что Иисус в качестве грешника будет отправлен на крест. Он Сам как Распятый есть полное исполнение закона.

Этим сказано, что Иисус Христос, и только Он, исполняет закон, поскольку только Он находится в совершенном единении с Богом. Он Сам ступает между учениками и законом, но не ставит закон между Собою и Своими учениками. Путь учеников к закону ведет через крест Господень. Так Иисус, указывал на закон, который исполняет единственно Он, по-новому связывает учеников с Собою. Он должен отвергнуть связь, возникающую помимо закона, поскольку это есть пустое прекраснодушие, и оттого это не связь, а полное освобождение от цепей. Беспокойство же учеников о том, что связь с законом может отделить их от Иисуса, устраняется. Оно может проистекать только из ложного понимания закона, что на деле и отделило иудеев от Бога. Вместо этого становится ясно, что чистая связь с Иисусом может быть дарована только в связи с законом Божьим.

И если Иисус находится между учениками и законом, то не для того, чтобы освободить их от исполнения закона, но чтобы с новой силой содействовать исполнению закона. Именно находясь в связи с Ним, ученики поставлены в это самое послушание. И по исполнении йоты закона с этой йотой для учеников отныне также не покончено. Исполнено, и все. Но как раз поэтому здесь остается в силе то, что великим наречется в Царстве Небесном тот, кто сотворит и научит.

«Сотворит и научит» – нужно ведь подумать о законоучении, которое освобождает от дела тем, что хочет заставить закон служить только познанию, чтобы было невозможным его исполнение. Такое учение не может ссылаться на Иисуса. Закон сотворен, и сам он должен твориться. Кто, следуя Христу, остается в нем, тот исполнил закон, тот сотворит и научит закону, следуя Христу. Только творец закона может пребывать в единении с Иисусом.

Учеников отделяет от иудеев не закон, но «превосходящая праведность». Праведность учеников «возвышается» над книжниками. Она превосходит их, она – нечто чрезвычайное, особенное. Здесь впервые звучит понятие *περίσβευν* которое в стихе 47-м имеет для нас большое значение. Мы должны спросить: в чем состоит праведность фарисея? В чем состоит праведность ученика? Несомненно, что фарисей никогда не заблуждался насчет Св.Писания, закон пусть будет изучен, но не сотворен. Фарисей хотел быть пленником закона. Его праведность заключается в его непосредственном, буквальном исполнении заповеданного в законе. Его праведностью было его дело. Полная одинаковость его дел с заповеданным в законе была его целью. И однако же должен был оставаться зазор, который покрывался бы прощением. Его праведность остается несовершенной. Праведность учеников также могла бы заключаться только в деле исполнения закона. Кто не исполняет закон, не может быть назван праведным. Но дело учеников превосходит дело фарисеев тем, что в действительности это – совершенная праведность, в отличие от несовершенной у фарисеев. Как так? Превосходство праведности ученика состоит в том, что между ним и законом стоит Тот, Кто совершенно исполняет закон и в единении с Которым был ученик. Он видел себя не как неисполнившего, но как уже исполнившего закон. Прежде чем он начинает быть послушным закону, закон уже исполнен, его притязание уже осуществлено. Праведность, которой требует закон, уже налицо; это праведность Иисуса, Который идет на крест ради закона. Однако поскольку эта праведность есть не только оказанное благо, а совершенное и истинное единение с Богом, потому Иисус не только *обладает* праведностью, но и *является* ею. Он является праведностью учеников. Своим призывом Иисус частично отдал ученикам Себя Самого, Он даровал им Свое единение, сделал их участниками Своей праведности, даровал им Свою праведность. Праведность учеников – это праведность Христа. Желая сказать единственно это, Иисус приступает к Своим словам о «превосходящей праведности», указав, что исполнит закон. Христова же праведность действительно есть праведность учеников. Она, конечно, в строгом смысле остается дарованной праведностью, будучи дарована призывом следовать Христу. Это праведность, которая заключается именно в следовании и уже по наречении блаженства получает обетование Царства Небесного.

Праведность учеников есть праведность у Креста. Это праведность нищих, просящих милостыню, голодных, кротких, миролюбцев, гонимых – ради призыва Иисуса Христа, зримая праведность тех, кто именно благодаря ей и является светом в мире и городом на горе – ради призыва Иисуса Христа. В том праведность учеников «превосходит» таковую у фарисеев, что она покоится единственно на призыве Иисуса к единению с Тем, Кто единственно исполняет закон; праведность учеников является действительной праведностью тем, что она отныне творится волею Божьей – исполнить закон. Равно как и праведность Христа следует не изучать, но именно *соделывать*. Иначе она не превосходит того закона, который изучается, не исполняясь. Об этом соделывании Христовой праведности учениками говорит все последовавшее за этим. Оно заключено в слове «следовать». Это действительное, простое дело в вере в праведность Христа. Праведность Христа – это новый закон, закон Христа.

Брат

«Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака»⁹, подлежит синедрyonu¹⁰; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар свой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта».

(Мф 5:21-26).

«А Я говорю вам», – Иисус суммирует все сказанное о законе. Здесь не следует, ссылаясь на вышеизложенное, понимать Иисуса на революционный манер или наподобие раввинов выстраивать противоречия между теми или иными суждениями. Более того, Иисус, продолжая сказанное, выражает Свое единство с законом Моисея в его союзе-завете, но именно в подлинном единстве с Божьим законом проясняет, что Он, Сын Божий, будет Владыкой и Дарителем закона. Закон может исполнить лишь тот, кто, услышал его как слово Христово. Греховному лжетолкованию фарисеев здесь нет места. Только в познании Христа как Владыки и Исполнителя закона и состоит истинное познание закона. Христос возложил Свою руку на закон, по праву притязая на него. Он делает это, чтобы закон был в истине. Делая закону такую честь, Он отдает себя в руки фальшивых радетелей закона.

Закон, на который вначале указывает Иисус Своим последователям, запрещает им убийство и указывает им на брата. Жизнь брата сотворена Богом, и она в Божьей руке, и лишь Бог имеет власть над жизнью и смертью. Убийце не место в Господней общине. Он подпадает под суд, который сам же и творит. Что брат, поставленный под защиту Божьих заповедей, есть не только брат в общине, недвусмысленно проистекает из того, что воспоследовавший в своих делах может определять себя лишь через Того, Кому он послушно следует, а не вдаваться в рассуждения о том, кто есть другой. Убийство запрещается воспоследовавшему под страхом Божьего суда. Жизнь

⁹ Пустой человек.

¹⁰ Верховное судилище.

брата для последовавшего за Христом поставлена за такую границу, которую нельзя нарушать. Такое нарушение, однако, происходит уже во гневе, начинаясь словом злобы, которое вырывается у нас («рака»), и заканчиваясь нешуточной хулой на другого («безумный»). Каждый гнев направлен против жизни другого, возражает против его жизни, посягает на нее. И нет также различия между так называемым праведным гневом и неправедным гневом¹¹. Ученик вообще не должен знать никакого гнева, поскольку гнев переходит на Бога и на брата. Быстро сорвавшееся слово, которое мы так легко принимаем, обнаруживает, что мы не почитаем другого, возвышаем себя над ним и таким образом оцениваем свою жизнь выше, чем его. Это слово ударяет брата, пинает его в сердце. Надо настигнуть, уязвить, изничтожить. Сознательная хула публично бесчестит брата, норовя прилюдно сделать его презренным, гневно намекает на изничтожение его внутреннего и внешнего бытия. Я привожу в исполнение приговор над ним. Это убийство. Убийца же подлежит суду.

Кто злобствует на брата, кто жалуется на брата злым словом, кто открыто его позорит или клеветает на него, тому – как убийце – больше нет места перед Богом. Отлучившись от брата, он отделяется от Бога. Для него более нет доступа к Богу. Его пожертвование, богослужение, его молитва более не угодны Богу. Для последовавшего за Христом, в отличие от раввинов, богослужение невозможно, если оно отделено от служения брату. Пренебрежение к брату, отнимая истинность у богослужения, отнимает тем самым Божье обетование. И отдельный человек, и община если они хотят ступить к Богу с сердцем, полным презрения и непримиримости, заигрывают, таким образом, с идолом. Пока брату отказывается в служении и любви, пока он брошен в презрении, пока брат может иметь хоть что-то против меня или общины Христовой – не может быть принята жертва. Не мой личный гнев, но то, что кто-либо является братом, обиженным, опозоренным, обещанным мной и «что-то имеет против меня», – уже этот факт разлучает меня с Богом. Так пусть же испытает себя община учеников Христа: не должна ли она там и сям узнавать новых виновных братьев, не со-ненавидела, не со-презирала, не со-оскорбляла ли она во имя мира и тем стала виновной в братоубийстве. Так пусть же испытает себя община Христова ныне: не в сей ли момент, когда она приходит к молитве и богослужению, упреком встают между нею и Богом многие голоса, ставя преграду ее молитве. Да испытает себя община Христова, дала ли она тем, кто опозорен и обещан миром, знак о любви Иисуса, стремящейся сохранить, защитить и нести жизнь. В противном случае и наикорректнейшее богослужение, смиреннейшая молитва, храбрейшее исповедание не помогут ей, а будут свидетельствовать

¹¹ Дополнение *εἰς* в большинстве манускр. (не в *κ* и не в *В*!) – первая осторожная корректура остроты слов Иисуса.

против нее, поскольку она бросила следовать Иисусу. Бог не отделяет Себя от нашего брата. Ему не нужны почести, если брат обещен. Он Отец. Да. Он – Отец Иисуса Христа, Который стал братом всем нам. В этом – последняя причина, почему Богу не угодно более отделяться от брата. Его кровный Сын был опозорен ради славы Отчей. Но Отец не разлучается с Сыном; не хочет Он также отделять Себя и от тех, кому уподобил Своего Сына, ради кого Его Сын перенес Свой позор. Ради вочеловечения Сына Божия служение Богу не должно отделяться от служения брату. Кто говорит, что он любит Бога, а брата своего притом ненавидит, тот лжец.

Итак, тому, кто хочет истинно служить Богу, следуя Христу, остается один путь, путь примирения с братом. Кто идет к слову и трапезе с непримиримым сердцем, тот получает через это свой суд. Он убийца перед ликом Божиим. Итак, «пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». Путь, которого Иисус требует от Своего последователя, труден. Он связан с большим смирением и позором. Но это путь к Нему, Распятому Брату, и оттого это путь, исполненный благодати. Во Христе едино – служение самому малому брату и служение Богу. Он пойдет и примирится с братом, и затем принесет ту, истинную жертву Отцу – самого себя.

Еще время милости, ибо еще дан нам брат наш, еще мы «на пути с ним». Впереди перед нами суд. Мы еще можем услужить брату, мы еще можем отдать долг тому, у кого мы в долгу. Грядет час, когда мы будем преданы Судье. Тогда это будет поздно, тогда предъявится право на взыскание всех долгов до последнего. Постигнем ли мы, что для учеников Иисус стал братом не по закону, но по благодати? Это благодать – быть обязанным исполнить просьбу брата, отдать ему свое право; это благодать, что мы можем примириться со своим братом. Брат – это для нас милость перед судом.

Так может говорить нам только Тот, Кто Сам стал нашим Братом и нашей благодатью, нашим примирением, нашим спасением перед судом. Братская милость дарована нам в человеколюбии Сына Божия. Чтобы ученики Иисуса смогли ее хорошенько обдумать!

Служение брату, благосклонность к его просьбам, дающие ему право на жизнь, – это и есть путь самоотречения, путь на крест. И нет большей любви, чем любовь тех, кто свою жизнь отдаст за друга своего. Это любовь Распятого. Так исполняется этот закон – Крестом Господним.

Женищина

«Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует».

(Матф.5:27-32)

Связь с Иисусом Христом не позволяет свободной страсти, лишенной любви, но, наоборот, отказывает в ней воспоследовавшему. Поскольку следование есть самоотречение и полная связь с Иисусом, то личная любострастная воля ученика не может быть предоставлена самой себе. Такая похоть, пусть даже она возникнет в какой-то краткий момент, уводит от следования Христу, ввергает все тело в геенну. Человек продает с ней свое небесное первородство за чечевичную похлебку любострастия. Он не верит Тому, Кто за отказ от любострастия может вознаградить его радостью во сто крат большей. Он не доверяет незримому, предпочитая срывать зримые плоды любострастия. Так он падает с пути следования, отделяясь от Иисуса. Нечистота страстного вожделения есть неверие. Единственно поэтому она отвергаема. Никакая жертва, которую он способен принести свободе от этого любострастия, не будет слишком большой. Глаз меньше, чем Христос, и рука меньше, чем Христос. Если глаз и рука служат любострастию и мешают телу следовать в чистоте, то ими следовать пожертвовать прежде, чем Иисусом Христом. Выигрыш, приносимый любострастием, ничтожен в сравнении с ущербом: получая похоть от глаза или руки на мгновение, ты теряешь тело в вечности. Твой глаз, служащий нечистому стремлению, не может узреть Бога.

Не следует ли теперь в этом месте действительно разрешить вопрос о том, как понимает Иисус Свою заповедь: дословно или в переносном смысле? Не зависит ли от ясного ответа на этот вопрос и вся наша жизнь? И не дан ли уже ввиду твердости учеников и ответ? Наша воля советует нам избежать разрешения этого вопроса, кажущегося убийственно серьезным. Но сам этот вопрос лжив и зол. Ему не

подыскать ответа. Будь и вправду сказано, что, естественно, этого не следует понимать дословно, то мы отшатнулись бы от серьезности заповеди; но если бы было сказано, что, естественно, это надо понимать дословно, тогда обнаружилась бы не только основополагающая абсурдность христианского бытия, но и заповедь, лишенная силы. Именно в том, что для нас нет ответа на этот основополагающий вопрос, мы оказываемся целиком и полностью заключены в заповедь Иисуса. И никаким боком не сможем мы увернуться. Мы там, и надо повиноваться. Христос не принуждает Своих учеников к нечеловеческим судорогам, Он не запрещает им глядеть, но Он поворачивает взгляд ученика к Себе и знает, что тут взгляд остается чистым, пусть он направлен и на Женщину. Итак, Он возлагает на учеников не непереносимое иго закона, но милосердно помогает им Евангелием.

Иисус не призывает последовавших: за Ним вступать в брак. Но Он освящает брак по закону тем, что Он признает его нерушимым, и там, где одна половина отделяет себя прелюбодеянием, другой отказывает в повторном браке. Такой заповедью Иисус освобождает брак от порочного устремления, препровождая к служению любви, каковая только в следовании Ему и возможна. Иисус порицает не тело и его естественные потребности, но отвергает неверующего, который укрылся там. Так что Он не отменяет брака, но укрепляет и освящает его верой. Так что последовавший и в браке утверждает свою связь с Христом опять же повиновением и самоотречением. Христос – Господин Своего брака. Что при этом брак учеников что-то иное, нежели гражданский, есть в свою очередь не осуждение брака, но как раз его освящение.

Может показаться, что Иисус Своим требованием о нерушимости брака будто бы противоречит ветхозаветному закону. Но Он Сам дает понять (Мф 19:8) о Своем единстве с законом Моисея. «По жестокосердию вашему» была позволена израильтянам разводная грамота, т.е. чтобы предохранить их сердце от большего неповиновения. Намерение же ветхозаветного закона созвучно Иисусу, так что речь идет о браке, незапятнанном только в Нем Одном, о браке, который управляется верой в Бога. Но эта чистота, т.е. целомудрие, сохраняется в единении с Иисусом, в следовании Ему.

Так как Иисус совершил это единственно во имя совершенной чистоты, т.е. целомудрия своих учеников, т.е. поэтому Он должен сказать, что будет прославлено и полное отречение от брака ради Царства Божия. Иисус не превращает брак или безбрачие в какую-то программу, но освобождает Своих учеников от *πορνεία*, от распутства в браке и вне, которое есть, не только прегрешение против своего тела, но прегрешение против Тела Христова (1Кор. 6:13-15). И тело ученика также принадлежит Христу, делу следования Ему; наши тела суть

члены Его тела. Поскольку Иисус, Сын Божий, нес тело человеческое и поскольку мы приобщены к Его телу, то распутство, есть грех против тела Иисуса.

Тело Христа было распято. Апостол говорит о сторонниках Христа, что они распяли плоть со своими страстями и похотями (Гал. 5:24). Единственно истинное исполнение этот ветхозаветный закон находит в распятом, измученном теле Иисуса Христа. Созерцание этого тела и единение с ним, которое дано им, есть для учеников сила целомудрия, к которой зовет Иисус.

Правдивость

«Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого».

(Матф.5:33-37)

Интерпретация этих стихов в христианской Церкви вплоть до настоящего времени чрезвычайно неопределенна. Толкователи еще со времен ранней Церкви расходятся: от ригористского отбрасывания любой клятвы как греха до мягкого отклонения легкомысленной клятвы и клятвопреступления. Дальнейшее признание в ранней Церкви нашло толкование, что хотя клятва и должна быть запрещена «совершенным» христианам, но для слабых она в известных границах допустима. Бл.Августин среди прочих представил и такое толкование. В оценке клятвы он созвучен таким языческим философам, как Платон, пифагорейцы, Эпиктет, Марк Аврелий. Здесь клятва признается недостойной благородного человека. Реформаторские Церкви в своих учениях как само собой разумеющееся рассматривали требуемую светскими властями клятву и не сближали ее со словами Иисуса. С самого начала главными аргументами было то, что клятва допускалась в Ветхом Завете, что Иисус клялся перед судом, а апостол Павел многократно использовал клятвopodobные формулы. Для реформаторов здесь имело решающее значение различие духовного и мирского царства наряду с непосредственным указанием Св.Писания.

Что такое клятва? Это открытое взывание к Богу как к Свидетелю высказывания, которое я делаю о прошлом, настоящем или будущем. Всеведущий Бог должен покарать за неправду. Как эта клятва могла быть названа Иисусом «от лукавого», **ἐκ τοῦ πονηροῦ**, «сатанинской»? А потому, что у Иисуса речь идет о полной правдивости.

Клятва – доказательство того, что в мире есть ложь. Если бы человек мог обойтись без лжи, клятва была бы не нужна. Таким образом, клятва есть хотя бы некая преграда лжи. Но именно этим-то ложь и поощряется; ибо там, где лишь клятва претендует на исключительную правдивость, тем самым предоставляется пространство для лжи, ей предоставляется определенное право на жизнь. Ветхозаветный закон отвергает ложь – при помощи клятвы. Иисус же отвергает ложь, запрещая клятву. И тут и там речь идет о

едином и целом, об уничтожении неправды в жизни верующих. Клятва, которую Ветхий Завет выставляет против лжи, сама была захвачена ложью и поставлена ей на службу. Лжи удалось сохраниться и утвердиться в своем праве благодаря клятве. Итак, ложь должна быть выявлена Иисусом там, где она скрывается, – в клятве. Таким образом, клятва должна была пасть, поскольку стала щитом для лжи.

Посягательство лжи на клятву могло происходить двояким образом: либо она утверждалась в клятве (клятвопреступление), либо инкорпорировалась в клятвенные формулы. В этом случае клятвенная ложь взывала не к Богу Живому, но к какой-либо мирской или божественной власти. Ложь так глубоко проникла в клятву, что полной правдивости можно было добиться, только запретив клятву.

Да будет слово ваше: да – да, нет – нет. Этим самым слово ученика не лишается ответственности перед всеведущим Богом. Более того, именно в том, что имя Господа призывается не категорическим образом, абсолютно каждое слово ученика подразумевает присутствие всеведущего Бога. Поскольку слов, говоримых не перед Богом, вообще нет, то ученик Иисуса и не должен клясться. Каждое его слово должно быть ничем иным, как правдой, чтобы никакого подтверждения клятвой не требовалось. Ведь клятва ставит все прочие его слова под сомнение. Так что это «от лукавого». Ученик же в каждом своем слове должен быть ясен.

Если клятва устранена для этого, то понятно, что речь здесь идет лишь об одной цели – о правдивости. Само собой разумеется, заповедь Иисуса не терпит исключений, и ее применение от аудитории не зависит. Но равным образом следует сказать, что сам по себе отказ от клятвы может служить для сокрытия правды. Если же где случается так, что клятва приносится ради правдивости, то это нельзя решить вообще, а нужно решать исходя из частного случая. Реформатские Церкви держатся того мнения, что любая клятва, требуемая светской властью, как раз и есть этот случай. Является ли такое общее решение допустимым, пусть останется под вопросом.

Но несомненно, что там, где такое случается, клятва может быть дана, если, во-первых, имеется полная ясность и незатуманенность насчет того, в чем она заключается; во-вторых, надо различать принесение клятвы, которое относится к известным нам прошлым или теперешним обстоятельствам, от того, которое имеет характер торжественного обета. А поскольку христианин никогда не бывает свободен от ошибок в знании прошлого, то взывание к всеведущему Богу не подтверждает для него сомнительное высказывание, но служит чистоте его знания и совести. И поскольку христианин также не распоряжается своим будущим, то обет, например, клятва верности, чреват для него с самого начала большой опасностью. Ибо христианин не держит в руках своего будущего, тем более – будущего того человека, с которым он

связывается клятвой верности. Итак, невозможно – во имя правдивости и следования Христу – приносить такую клятву без того, чтобы поставить условия для Божьего всеведения. Христианину не дано абсолютизировать земную связь. Клятва верности, которая норовит связать христианина, будет ему ко лжи, она «от лукавого». Взывание к имени Божьему в такой клятве никогда не может быть подтверждением клятвенного обещания, но единственно и однозначно проявлением того, что, следуя Христу, мы связаны с волей Божьей, что любая другая связь во имя Христа обусловлена этим. Если в сомнительных случаях это условие не выражено или не признается, тогда клятва принесена быть не может, поскольку именно этой клятвой я ввожу в заблуждение того, кто ее от меня принимает. Но да будет слово ваше: да – да, и нет – нет.

Заповедь о полнейшей правдивости есть лишь еще одно слово о полноте следования. Лишь тот, кто связал себя с Иисусом и следует Ему, пребывает в правдивости. Тому нечего скрывать от Господа. Он живет перед Ним открыто. Узнанный Иисусом, он пребывает в правде. Как грешник, он открыт перед Иисусом. Не он открыл себя Иисусу, но Иисус открыл его Своим призывом, и он смог раскрыться перед Иисусом в своем грехе. Полнейшая правдивость только вызволяет нас из открытого греха, который также прощен Иисусом. Кто, сознавая свои грехи, истинно предстает перед Иисусом, тот не стыдится правды и только правды там, где она должна быть высказана. Правдивость, которой требует Иисус от Своего ученика, состоит в самоотречении, которое не покрывает греха. Все открыто и ясно.

Поскольку в связи с правдивостью речь идет, как ни взглянуть, о раскрытии человека во всем его бытии, о его злобе перед Богом, то эта правдивость вызывает сопротивление грешников, потому ее гонят и распинают. Правдивость ученика единственную основу имеет в следовании Христу – Он, находясь на Кресте, открывает нам наш грех. Один только Крест, будучи Божьей правдой о нас, делает нас правдивыми. Кто знает Крест, тот больше не пугается никакой другой правды. Кто живет под сенью Креста, для того покончено с клятвой как законом установления справедливости; ибо он пребывает в совершенной правде божьей.

Не существует правды перед Иисусом без правды перед людьми. Ложь разрушает единение. Правда, разламывая фальшивое единение, основывает чистое братство. Не бывает следования Иисусу без жизни в открытой правдивости перед Богом и людьми.

Возмездие

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся».

(Матф.5:38-42)

Иисус согласовывает здесь высказывание: око за око, зуб за зуб – с приведенными ранее ветхозаветными заповедями, то есть и с запретом убивать, входящим в десять библейских заповедей. Он признает, таким образом, и то и другое в качестве несомненных заповедей Божьих. Одна не подлежит отмене, как и другая, но должна быть исполнена до последнего. Нашей классификации ветхозаветных заповедей в пользу Десяти заповедей Иисус не признает. Для Него заповедь Ветхого Завета едина, и Он указывает ученикам исполнять ее.

Последовавшие за Иисусом живут ради Него, отрекшись от личных притязаний. Он нарекает их, кротких, блаженными. Захоти они, после того, как отказались от всего ради Него, встать на такую позицию, то они перестали бы следовать Ему. Итак, здесь нет более ничего, кроме дальнейшего наречения блаженства.

Ветхозаветный закон берет право возмездия под божественную защиту. Никакой злодей не должен остаться без возмездия. Ведь речь идет об установлении правильного единения, о преодолении и изблужении зла, о его устранении из единства Божьего народа. Этому служит право, сохраняющееся в силе через возмездие.

Иисус принимает эту волю Божью и подтверждает силу возмездия – изблужить и одолеть зло и хранить сообщество учеников как истинный Израиль. Через правое возмездие должно быть устранено попрание права, а ученик должен блюсти себя в следовании Христу. Такое правое возмездие заключается, по слову Иисуса, единственно в том, что не следует противиться злому.

Этим словом Иисус изымает свою общину из политико-правовых порядков, из национального обличья народа Израилева и превращает ее в то, что она есть в действительности, а именно: в общину верующих, не связанную ничем национально-политическим. Если по воле Божьей возмездие среди богоизбранного народа Израиля имело одновременно и политический характер (ответ ударом на удар), то для общины учеников, которая уже не может иметь притязания ни на что национально-правовое, оно состоит в претерпевании ударов, чтобы к

злему не прибавлялось злое. Вот так была основана и сохранена община.

Здесь становится ясно, что воспоследовавший, если ему причинена несправедливость, более не апеллирует к своему праву как к собственности, которую надо защищать при всех обстоятельствах; но что, будучи полностью освобожден от всякой собственности, он связан единственно с Иисусом Христом, и именно в этом он выказывает эту связь только с Иисусом, связь, которая творит единственно приемлемую основу единения и предаёт грешников в руки Иисуса.

Одоление другого происходит теперь тем, что его злоба должна выдохнуться, она не находит того, что ищет, а именно: сопротивления и, значит, нового зла, от которого она может распасться еще больше. Тем самым зло, не находя объекта, не встречая сопротивления, обессиливается – ведь оно послушно переносится и претерпевается. Здесь зло наталкивается на противника, которого ему не превзойти. Конечно, это наличествует только там, где нет и последних остатков сопротивления, где налицо отказ возмещать зло злом. Здесь зло не может добиться своей цели – сотворения зла – и остается в одиночестве.

Страдание минует тем, что претерпевается. Зло находит свой конец в том, что мы терпеливо сносим его. Бесчестие и позор открывается как грех не в том, что последовавший обходит их, но в том, что он переносит их, не противясь. Причинение насилия осуждается тем, что не наталкивается на насилие. Несправедливое притязание на мою рубашку будет посрамлено тем, что я добавлю к ней и верхнюю одежду; использование в корыстных целях моих услуг станет явным как таковое в том, что я не устанавливаю ему предела. Готовность оставить все, о чем ни попросят, – это готовность довольствоваться единственно Иисусом Христом, чтобы следовать единственно Ему. В добровольном отказе от сопротивления подтверждается и проявляется безусловная связь воспоследовавшего с Иисусом, свобода, освобождение от собственного «я». И именно исключительностью этой связи только и можно победить зло.

При этом речь идет не столько о зле, сколько о самом носителе зла. Иисус называет злого – злым. Для меня суть состоит не в извинении и оправдании чинящего насилие, притесняющего меня. Не то чтобы я так уж желал в моем страждущем терпении выражать сочувствие к притязанию злодея. С такими сентиментальными соображениями Иисус не совершил бы ничего. Позорящий удар, причинение насилия, корыстное деяние остаются – злом. Ученик должен знать это, и он должен засвидетельствовать это, как это засвидетельствовал Иисус, – именно потому, что иначе зло не может быть поражено и побеждено. Однако как раз потому, что это зло, относящееся к ученику, не имеет оправдания, ученик и должен не

противиться, но, страдая, привести зло к его прекращению и так победить злодея. Послушная жизнь сильнее зла, она – смерть для зла.

Итак, нет такого мыслимого дела, в котором зло было бы столь велико, чтобы потребовалось изменить позицию христианина. Чем страшнее зло, тем большую готовность к страданию должен проявить ученик. Носитель зла должен попасть в руки Иисуса. Не я, но Иисус будет иметь с ним дело.

Реформаторское толкование проводит в этом месте решительно новую мысль, а именно: что надо проводить различие между обидой, нанесенной мне лично, и обидой, нанесенной мне в моем служении, т.е. в моей на меня перед Богом возложенной ответственности. Если я в первом случае буду действовать, как повелевает Иисус, то во втором случае я этим не связан, будучи обязанным во имя истинной любви действовать наоборот – употребить силу против силы, чтобы противостоять вторжению зла. Отсюда оправдывается точка зрения Реформации на войну, на использование любого оправданного средства для защиты от зла. Иисусу же чуждо это различие между мной как частным лицом и – носителем служения, если оно – мерило моих поступков. Он не говорит нам об этом ни слова. Он обращается к воспоследовавшим как к таковым, оставившим все, чтобы следовать Ему. «Личное» и «служебное» должно целиком и полностью покориться заповеди Иисуса. Слово Иисуса не подразделяет их притязаний. Он потребовал неделимого послушания. Названное различие в самом деле оставляет нас в неразрешимом затруднении. Где я частное лицо в текущей жизни, а где занимаюсь только служением? Разве я, чем бы ни занимался, не являюсь одновременно отцом моих детей, пастором моей общины, политическим деятелем моего народа? Разве я не обязан на этом основании отражать каждое посягательство, исходя как раз из ответственности перед моим служением? Не есть ли я в каждый момент моего служения опять-таки я сам, предстоящий только перед Иисусом? И стоит ли при таком различии забывать, что последовавший всегда один, всегда он сам, одинокий человек, который в конце концов может действовать лишь от себя и решать за себя? и что прямо в этом поступке лежит серьезнейшая ответственность за все, повеленное мне?

Но как же тогда высказыванию Иисуса оправдаться перед опытом, согласно которому зло, воспламеняясь как раз бессилием, раздувается непрепятствованием беззащитных? Слова Иисуса – не просто идеология, не связанная с реальностью, скажем мы, считаясь с греховностью мира. Эти слова, быть может, могли бы иметь право на существование внутри общины. По отношению же к миру они кажутся прекраснодушным взглядом на грех. Поскольку мы живем в мире и мир зол, то эти слова не могут иметь силы.

Но Иисус говорит: Поскольку вы живете в мире и поскольку мир зол, эти слова имеют силу: вы не должны противиться злу. Вряд ли Иисусу можно сделать из этого укор – разве Ему ведь неведома власть зла, Ему, Который с первого дня Своей жизни встал на борьбу с дьяволом? Иисус называет зло злом, и именно поэтому так говорит с теми, кто последовал Ему. Как это возможно?

То, что Иисус говорит последовавшим, было бы в самом деле чистым прекраснодушием, если бы мы это воспринимали как отвлеченную этическую программу, если бы высказывание: зло надо побеждать единственно добром – понималось бы только как отвлеченная мирская и жизненная мудрость. То были бы в самом деле безответственные фантазии о законах, которым мир никогда не повинует. Беззащитность как принцип мирской жизни – это нечестивое разрушение порядка в мире, полученном через Божью благодать. Однако здесь ведь говорит не доктринер – здесь об одолении зла говорит Тот, Кто был одолен злом на Кресте и Кто из этой поверженности вышел, победив зло. И, кроме Его собственного Креста, ничего другого нельзя дать в оправдание этой заповеди Иисуса. И если кто в этом Кресте Иисуса находит веру в победу над злом, только тот и может повиноваться Его заповеди и только в таком послушании обретет свое обетование. Какое обетование? Обетование приобщения к Его Кресту и обетование Его победы.

Страдание Иисуса как преодоление зла Божественной любовью есть единственная пригодная основа для послушания ученика. Иисус призывает последовавшего снова приобщиться к Его страданиям через Его заповедь. Как может проповедь о страстях Иисуса Христа быть явлена перед миром и быть достойной уверования, если ученики Иисуса избегают этих страстей, если они отвергают их для своего тела? Иисус Сам исполняет закон, который Он дает, Своим Крестом¹², считая через эту заповедь Своих учеников блаженными в приобщении к Его Кресту. Только в Кресте истинно и действительно то, что возмездие и преодоление зла есть страждущая любовь. Но приобщение к Кресту даровано ученикам через призыв следовать Господу. В этом зримом единении они наречены блаженными.

¹² Злым легкомыслием было бы утверждать, ссылаясь на Иоанна (18:23), что Иисус Сам не дословно исполнил Свою заповедь, чтобы освободить Себя от послушания. Иисус называет зло злом, но Он не противясь претерпевает его вплоть до смерти на Кресте.

Враг – «Подвиг»

«Вы слышали, что сказано: любите ближнего своего и ненавидьте врага своего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

(Матф.5:43-48)

Здесь впервые в Нагорной проповеди обороняется слово, в котором суммируется все сказанное: любовь; и тут же определение любви к врагу. Любовь к брату была бы ложно понятой заповедью, любовь к врагу делает недвусмысленно ясным то, что хочет Иисус.

Враг не был для учеников пустым понятием. Они хорошо знали его. Они встречали его ежедневно. Это были те, кто боялся их как разрушителей веры и законопреступников; это были те, кто их ненавидел, поскольку они оставили все во имя Иисуса, не считаясь ни с чем ради единения с Ним; это были те, от кого они, по слабости своей и смиренности, претерпевали обиды и издевательства; это были гонители, которые в кучке учеников чуяли поднимающуюся революционную опасность и преследовали цель их уничтожения. Итак, один враг встал среди носителей народной набожности, которые не могли снести единого притязания Иисуса. Он был вооружен силой и авторитетом. Другой враг, о котором должен был думать каждый еврей, был политический враг в Риме. Это тоже было иго. Рядом с этими враждебными группами была еще и личная вражда, которая грозит тому, кто не идет за большинством, ежедневной клеветой, позором и угрозами.

Правда, в Ветхом Завете нет ни одного места, где заповедовалась бы ненависть к врагу. Более того, существует заповедь любви к врагам (Исх 23:4 и след; Прит 25:21 и след.; Быт 45:1 и след.; 1Цар 24:7; 2Цар 6:22 и др.). Но Иисус говорит здесь не о природной вражде, но о вражде народа Божия в отношении мира. Войны Израиля были единственными «священными» войнами, которые были в мире. Они были войнами Бога против мира идолов. Иисус не осуждает эту вражду, иначе Ему надо было бы осудить всю историю Бога и Его народа. Более того, Иисус подтверждает Ветхий Завет. У Него речь идет единственно об одолении

врагов, о победе Божьей общины. Но Своей заповедью Он вновь выделяет общину Своих учеников из политических раскладов народа Израиля. Тем самым упраздняется война за веру, тем самым Бог положил обетование победы над врагом в божественной любви.

Любовь к врагам является невыносимым препятствием не только для естественного человека. Она выше его сил, она нарушает его понятия о добре и зле. Важнее, что законопослушному человеку любовь к врагам кажется прегрешением против закона Божьего: отделение от врага и осуждение его – требование закона. Но Иисус берет божественный закон в Свои руки и толкует его. Одоление врага через любовь к врагу – в этом Божья воля в Его законе.

Враг в Новом Завете всегда тот, кто враждебен мне. С тем, кто мог бы быть врагом ученика, Иисус совсем не считается. Но врагу должно причитаться то же, что причитается брату, – любовь воспоследовавшего. Поступки ученика не должны определяться поступками людей, но только поступками Иисуса. У них только один источник – воля Иисуса.

Речь о враге, о том, кто остается врагом, не смиренным моей любовью; кто не прощает мне ничего, когда я ему прощаю все; кто ненавидит меня, когда я его люблю; кто позорит меня тем больше, чем серьезнее я ему служу. «За любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь» (Пс 108:4). Но не о том должна вопрошать любовь, натолкнется ли она на противление, – наоборот, она ищет того, кто в ней нуждается. Но кто же более нуждается в любви, как не тот, кто сам живет в ненависти безо всякой любви? Итак, кто же достоин любви более, чем мой враг? Где любовь будет наречена прекраснейшей, как не посреди своих врагов?

Никакого различия не знает эта любовь между разными видами врагов, кроме одного: чем враждебнее враг, тем сильнее требуется от меня любовь. Будь то политический, будь то религиозный враг, он не может ожидать ничего другого от последовавшего Иисусу, кроме безраздельной любви. Никакого разлада не знает эта любовь также и во мне самом, между мной как лицом частным и как служителем. И там и тут я един – либо же я вообще не служу, я не последовал Иисусу Христу. Меня спросят: как сотворить эту любовь? Иисус говорит об этом: благословлять, творить благо, молиться – без условий, невзирая на личность.

«Любите врагов ваших». В то время как в предшествующей заповеди говорится только о непротивящемся претерпевании зла, здесь Иисус идет гораздо дальше. Мы не только должны терпеливо переносить зло и носителей зла, не только не отвечать ударом на удар, но еще и в сердечной любви содействовать нашему врагу. Никакая жертва, которую любящий может принести любимому, не может быть слишком велика и слишком дорога для наших врагов. Если мы, любя

нашего брата, задолжаем ему нашим благом, нашей честью, нашей жизнью, то также точно задолжаем мы и нашему врагу. Сопричастны ли мы тем самым и его злу? Нет, ибо как же может любовь, родившая не из слабости, но из силы, приходящая не из страха, но из правды, быть виноватой в ненависти другого? И кого одарить такой любовью, как не того, чье сердце подавлено ненавистью?

«Благословляйте проклинающих вас». Если нас настигает проклятие врага, если он не может перенести нашего присутствия, то мы должны поднять руки для благословения: вы, наши враги, благословлённые Богом, ваше проклятие не может оскорбить нас, но ваше убожество да исполнится Царства Божия, благословения тех, на кого вы тщетно нападаете. Мы готовы полностью принять на себя ваше проклятие, если вы в итоге получите только благословение.

«Благотворите ненавидящим вас». Это должно пребыть не только в словах, но и в мыслях. Благотворение вершится всеми делами повседневной жизни. «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его» (Рим 12:20). Как брат в нужде поможет брату, перевяжет его раны, облегчит его боль, так пусть и наша любовь поступит с врагом. Где в мире нужда глубже, а раны и боли тяжелее, как не у нашего врага? Кому благодеяние нужнее и радостнее, как не нашему врагу? «Давать радостнее, чем брать».

«Молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Это вообще запредельно. Молясь, мы ступаем навстречу врагу, переходим на его сторону, мы перед Богом с ним, при нем, за него. Иисус не обещает нам, что враг, который нами любим, благословляем, благотворим, не будет обижать и гнать нас. Он это будет делать. Но в этом-то он и не сможет нам повредить и одолеть нас, если последний шаг к нему мы сделаем к нему в заступнической молитве. И вот теперь мы берем на себя его бедность и нужду, его вину и потерянность, вступаемся за него перед Богом. Делаемся заступниками за него, чего сам он не может. Всякая обида от врага только теснее связывает нас с Богом и с нашим врагом. Всякое гонение может служить только тому, чтобы враг стал ближе к примирению с Богом, чтобы любовь стала неодолимой.

Как же любви стать неодолимой? А так, что никогда не спрашивать о том, что сотворил ей враг, но единственно о том, что сотворил Иисус. Любовь к врагу ведет ученика к крестному пути и к единению с Распятием. Но чем вернее ученик будет настаивать на этом пути, тем вернее эта любовь одолеет ненависть врага; ибо это не личная любовь. Это всецело любовь Христа, Который пошел на крест за Своих врагов и молился за них на кресте. Но перед крестным путем Иисуса Христа ученики узнали, что они сами были среди врагов Иисуса, побежденных Его любовью. Эта любовь сделала ученика зрячим – чтобы он признал во враге брата, чтобы поступал с ним как со своим братом. Почему? Потому что сам он живет любовью Того, Кто

поступал с ним, как с братом, Кто считал его за врага и приобщил к Себе как Своего ближнего. Любовь превращает последовавшего в зрячего тем, что и врага видит через любовь Бога, что она видит врага у Креста Господня. Бог спрашивает меня не о добре и зле – ведь и добро мое было перед Ним нечестиво. Божья любовь ищет врага, который нуждается в ней, которого Он делает достойным ее. Бог наделяет Своей любовью врага. Последовавший знает об этом. В этой любви он участвует через Христа. Ибо Бог повелевает солнцу Своему сиять и посылает дождь на праведных и неправедных. Но это ведь не только земное солнце и земной дождь, проходящие над добром и злом, – это также «солнце праведности», Сам Иисус Христос и дождь Божьих словес, открывающий грешникам благодать Отца Небесного. Безраздельная, совершенная любовь есть деяние Отца, она также дело детей Отца Небесного, как она была деянием Сына Его Единородного.

«В борьбе против Бога, которой мы вышли противостоять и которую мы частично ведем уже с давних пор, заповеди о любви к ближнему и непротивлении особенно выступили там, где противоборствует, с одной стороны, ненависть, а с другой – любовь. Каждая христианская душа ощутила высокую необходимость серьезно соответствовать этому. Близится время, когда каждый, кто исповедует Бога живого, станет за это не только объектом ненависти и бешенства – ибо мы в известной мере уже и сейчас изрядно столкнулись с этим, – но когда только лишь из-за этого исповедания его, что называется, исключат из «человеческого сообщества», будут охотиться за ним по городам и весям; когда будут физически нападать на него, истязать его и – смотря по обстоятельствам – убивать. Близится общее гонение на христиан, и в этом, собственно, и заключается единственный смысл всех движений и возбужденной борьбы наших дней. Вышедшие на уничтожение христианской Церкви и христианской веры противники не в состоянии существовать рядом с нами, поскольку в каждом нашем слове и каждом нашем поступке (даже и не направленном против них) они видят осуждение своих слов и поступков, при этом вполне небезосновательно сознавая, что мы вообще-то не интересуемся осуждением, которое они нам высказывают; ведь они сами должны признать, что это осуждение совершенно бессильно и ничтожно, что мы никоим образом не находимся, как им хотелось бы себе внушить, на позициях взаимных распрей и пререканий с ними. И как побороть борьбу? Время близится к тому, чтобы мы уже не как разобщенные одиночки, но совместно, как община, как Церковь, воздели руки в молитве; чтобы мы горстками (даже относительно малыми горстками) громко исповедовали и прославляли Господа – Распятого и Воскресшего – среди отпавших, тысячекратно превосходящих нас численностью. И что это за молитва, что за исповедание, что за прославление? Это молитва искренней любви как раз к этим

потерянным, обступившим нас и рассматривающим нас ненавидящими мечущимися глазами, уже поднявшим свои руки для смертельного удара по нам; это молитва о мире для этих душ, заблудших и подорванных, сбитых с толку и опустошенных; молитва за ту любовь и за тот мир, которым мы радуемся; молитва, которая проникнет им глубоко в душу и ворвется в их сердце, остро их уязвив, когда они в крайнем напряжении ненависти способны разорвать наши сердца. Да, Церковь, которая действительно ожидает своего Господа, действительно постигает время с его знаками последнего разделения, изо всех душевных сил, изо всех наличных сил ее священного существования должна устремиться к молитве любви» (A.F.C.Vilmar. 1880).

Что есть безраздельная любовь? Это не та любовь, которая попартийному обращается лицом к тем, кто готов одарить нас взаимной любовью. В любви к тем, кто нас любит, к нашим братьям, к нашему народу, к нашим друзьям, да вот хоть и к нашей христианской общине, мы – язычники и мытари сразу. Она резонна, правильна, естественна, но это никоим образом не христианская любовь. Да, это действительно «одно и то же», – то, как ведут себя язычники и христиане. Любовь к тем, к кому я принадлежу по крови, истории или по дружбе, – одна и та же у язычников и христиан. Иисус сказал об этой любви немного. Люди и сами знают, что это такое. Ему нет нужды разжигать ее, подчеркивать, возвышать. И язычников, и христиан вынуждает к ее признанию единственно природная заданность. Иисусу нет нужды говорить, что такой-то должен любить своего брата, свой народ, своих друзей, – это и так само собой разумеется. Однако именно тем, что Он констатирует это, не обронив ни слова о дальнейшем, но требуя затем единственно и исключительно любви к врагам, – Он раскрывает, что Он называет любовью и что должно полагать об этой любви.

В чем отличается ученик от язычника? В чем состоит «христианское»? И здесь раздается слово, на которое направлена вся 5-я глава, в котором суммируется все предыдущее: христианское – это «особенное», *περίσσον*, чрезвычайное, нерегулярное, не само собой разумеющееся. Это то, что «высится» «превосходящей праведностью» над фарисеями, выступает над ними, – избыток, сверхявленность. Природное – это *τὸ αὐτό* (одно и то же) для язычников и христиан; христианское же начинается при *περίσσον* и отсюда выставляет природное в истинном свете. Где нет этого особенного, чрезвычайного, там нет и христианского. Христианское осуществляется не внутри этой природной данности, но переступая ее и выступая из нее. *περίσσον* никогда не растворяется в *τὸ αὐτό*. Большое заблуждение лжепротестантской этики состоит в том, что христианская любовь открывается в любви к отечеству, в дружбе или ремесле, что лучшая праведность открывается в *justitia civilis*. Иисус так не говорит.

Христианское связано с «чрезвычайным». Потому христианин и не должен уравнивать себя с миром, что ему нужно обдумать *περίσσοῦν*.

В чем состоит *περίσσοῦν*, чрезвычайное? Это бытие нареченных блаженными, последовавших, это сияющий свет, город на вершине горы, это путь самоотречения, полнейшей любви, полнейшей чистоты, полнейшей правдивости, полнейшей ненасильственности; это и безраздельная любовь к врагу, любовь к тому, кто никого не любит и кого никто не любит; любовь к религиозному, политическому, личному врагу. Это путь для того, кто нашел его исполнение в Кресте Господнем. Что есть *περίσσοῦν*? Это сама любовь Иисуса Христа, которая, страдая и повинувшись, идет на крест, это – Крест. Особенное для христиан есть крест, который оставляет христианина в над- и внемирности, приводя его тем самым к победе над миром. *Passio* в любви Распятого – это «чрезвычайное» в христианском бытии.

Чрезвычайное есть, вне сомнения, зримое, благословляемое Отцом Небесным. Оно не может оставаться сокрытым. Люди должны его видеть. Община последовавших Иисусу, община превосходящей праведности – это зримая община, переступившая мирские установления, оставившая все, чтобы получить Крест Господень.

Что *совершает* в вас особенное? Чрезвычайное – и повергающее – есть *свершение* последовавших. Это должно совершить – как превосходящую праведность – совершить зримо! – не в этическом ригоризме, не в эксцентрике христианских жизненных форм, но в простоте и послушании христианина воле Иисуса. Это свершение как «особенное» защищается тем, что оно ведет в *passio* Христа. Это свершение как таковое есть продолжающееся претерпевание. В нем Христос будет выстрадан Его учениками. Если это не так, то тогда это не *то* свершение, имеет в виду Иисус.

περίσσοῦν есть исполнение закона, соблюдение заповедей. Во Христе Распятом и Его общине событием становится «чрезвычайное».

Здесь – совершенные, ставшие совершенными в безраздельной любви, как Отец Небесный. И так как это была безраздельная, совершенная любовь Отца, данная нам любовь Сына Его Распятого, то претерпевание общиной этого креста есть совершенство последовавших за Иисусом. Совершенные же есть некто иной, как нареченные блаженными.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, ГЛАВА 6: О СОКРЫТОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Тайная праведность

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».
(Матф.6:1-4).

После того как в главе 5-й Евангелия от Матфея говорится о зримости общины последовавших за Христом, с увенчанием *περισσόv*, после того как христианское толкуется как выдающееся из мира, возвышающееся над миром, чрезвычайное, – следующая глава исходит непосредственно из этой *περισσόv* и раскрывает ее двояко. Ведь слишком велика опасность того, что ученики это поймут неправильно: будто они должны приступать к поприщу, презирая и попирая земные порядки во имя установления Царства Божия на земле; в прекраснодушной безучастности по отношению к этой вечности отныне творить подвиги нового мира, делать их явными, радикально и бескомпромиссно отделять себя от мира, чтобы достичь христианского, меры следования, чрезвычайного. Отсюда рукой подать было до недоразумения, что им надо, мол, проповедовать благочестивые жизненные формулы и обличья – конечно, свободные, новые, одухотворенные. И как охотно набожная плоть была бы готова принять это чрезвычайное, нищету, правдивость, страдание, даже, мало того, искать, как бы наконец чем-то утолить это сердечное вожделение: видеть что-то своими глазами, а не только верить. Готовность провести здесь маленькое передвижение границы, слишком близко подвинув благочестивые жизненные формы и послушание по отношению к слову, чтобы они более не отличались друг от друга, вполне могла бы иметь место. Ведь это производилось бы ради того, чтобы чрезвычайное, наконец, осуществилось.

И наоборот, вышли бы на первый план те, кто только и ждал слова Иисуса о чрезвычайном, чтобы тем ревностнее схватиться за него. И здесь был бы окончательно разоблачен фанатик, революционный энтузиаст, желающий вызволить мир из западни, велящий своим ученикам оставить мир и строить новый. И это –

послушание слову Ветхого Завета? Что здесь устанавливается – не самоуправная ли личная праведность? Разве Иисус ничего не знает о греховности мира, в котором все, что только он ни повелит, должно рухнуть? И Он ничего не знает о ясных заповедях Божьих, которые даны, чтобы устранить грех? Разве это истребованное чрезвычайное не есть доказательство духовного высокомерия, из которого рождается всякий фанатизм? Нет, как раз не чрезвычайное, а совершенно повседневное, постоянное, тайное есть знак чистого послушания и чистого смирения. Укажи Иисус Своим ученикам на их народ, на их ремесло, их ответственность, на послушание закону, как его толковали народу законоучители, Он показал бы Себя благочестивым, воистину смиренным, послушным. Он мог бы дать истинный стимул для серьезнейшей набожности, строгого послушания. Он мог бы учить о том, что книжники знали и раньше, усиленно только подчеркивая в поучениях, что истинная кротость и праведность состоят не только во внешнем поведении, но и в складе души, и опять-таки не только в складе души, но и в деле. Это и была бы действительно «превосходящая праведность», каковая требовалась народу, каковой никто бы не отклонил. Но все было нарушено. Вместо смиренного учителя закона доглядели мерного мечтателя. Во все времена проповедь фанатиков одушевляла человеческое сердце, особенно же благородное сердце. Но разве не знали учителя закона, что из этого сердца именно при всем его благородстве говорит голос плоти, не знали этой власти кроткой плоти над человеком? Иисус, выходит, без всякой необходимости пожертвовал искренними и кроткими, лучшими сыновьями страны в борьбе за химеру. Чрезвычайное – ведь это был совершенно добровольный, из сердца устремленный поступок кроткого человека. Это был козырь человеческой свободы против простого послушания Божьей заповеди. Это было непозволительное самооправдание человека, которого закон никогда не позволял. Это было незаконное самоосвящение, которое закон должен отвергнуть. Это было свободное деяние, противопоставившее себя несвободному послушанию. Это было разрушение Божьей общины, отрицание веры, хула на закон, богохульство. Чрезвычайное, которому учил Иисус, по закону было достойно смерти.

Что говорит Иисус в довершение всего? Он говорит: «Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас». Призыв к чрезвычайному есть большая, неизбежная опасность, ожидающая на пути следования Христу. Оттого: смотрите, вот чрезвычайное, вот зримое в следовании. Необдуманной, несокрушимой, прямолинейной радости при виде этого зримого Иисус говорит: стоп! Он уязвляет чрезвычайное. Иисус зовет к размышлению.

Только размышляя, ученики могут достичь этого чрезвычайного. Они должны хорошенько присмотреться к нему. Ибо чрезвычайное не

может произойти, не будучи увиденным; стало быть, чрезвычайное не должно делаться ради чрезвычайного, зримое не должно происходить ради зримого. Превосходящая праведность учеников не должна быть самоцелью. Хотя это и должно стать зримым, чрезвычайное должно произойти, но – смотрите, пусть это не происходит с тем, *чтобы* стать зримым. Хотя зримое в следовании Христу имеет необходимую основу – призыв Иисуса Христа, но оно никогда не цель; а то потом следование Христу вновь скроется из глаз, когда наступит момент покоя, следование застынет и в любом случае оно уже не сможет продолжиться в том месте, где мы вздумали бы отдохнуть, иначе в это самое мгновение мы были бы отброшены назад, к первоначалу. И мы бы заметили, что мы более уже не последователи. Итак, что-то должно стать зримым, но – парадокс: Смотрите, пусть это не происходит так, чтобы это видели люди. «Так да светит свет ваш перед людьми...» (5:16), но: Смотрите, творите милостыню тайно! Главы 5-я и 6-я жестко схлестываются друг с другом. Явное должно быть в то же время тайным; явное в то же время не должно быть видно. Приведенное размышление должно быть направлено, таким образом, прямо к тому, чтобы нам не предаваться размышлениям о нашем чрезвычайном. Внимание к нашей праведности призвано служить как раз тому, чтобы не внимать ей. Иначе чрезвычайность становится уже не чрезвычайностью следования, но чрезвычайностью собственных устремлений и прихотей. Как понять это противоречие?

Спросим, *во-первых*. Явность следования Христу – для кого она должна быть тайной? не для других людей – они, напротив, должны видеть, как светит свет учеников Христа; но она должна быть тайной, пожалуй, для того, кто творит явное. Он должен, следуя, смотреть на Того, Кто предшествует ему, но не на самого себя и не на то, что он делает. Последовавший утаен сам от себя в своей праведности. Конечно, он видит и эту чрезвычайность, но – будучи укрыт сам от себя в этом; он видит это только благодаря тому, что смотрит на Иисуса, и именно здесь он уже рассматривает это не как чрезвычайное, но как само собой разумеющееся, положенное. Так в его поступке, а именно в *послушании* слову Иисуса, укрывается для него зримое. Если бы для него чрезвычайное было важно в качестве чрезвычайного, то он поступал бы исходя из собственной силы, из плоти. Но поскольку ученик Иисуса действует исходя из простого послушания своему Господу, то он может смотреть на чрезвычайное только как на само собой разумеющееся дело послушания. По слову Иисуса он должен стать ничем иным, как светом, который светит, и больше ничего; следуя, он взирает только на Господа. Итак, именно поскольку христианское с *необходимостью, т.е. индикативно*, является чрезвычайным, постольку оно в то же время является и надлежащим, *тайным*. Иначе оно не христианское, оно вне послушания воле Иисуса Христа.

Спросим, *во-вторых*: В чем же-таки заключается теперь содержательное единство тайного и явного в поступке последовавшего? Как может одна и та же вещь быть сразу явной и тайной? В ответе мы можем только обернуться к тому, что дано в главе 5-й. Подвиг, явное – это Крест Господень, у которого стоят ученики. Крест есть сразу необходимое, тайное и – явное, чрезвычайное.

Спросим, *в-третьих*. Как разрешается парадокс между 5-й и 6-й главой? Он разрешается самым понятием следования. Оно – единственная связь с Иисусом Христом. Ибо последовавший всегда видит только своего Господа и следует Ему. Если он станет смотреть на чрезвычайное сам, как таковой, то ему не пребывать больше в следовании Христу. Последовавший в простом послушании воле Господа творит чрезвычайное, зная только о том, что он не может иначе, что он – что делать! – делает всего лишь само собой разумеющееся.

Единственный путь рассуждения, который повелен последовавшему, сводится к тому, чтобы в послушании, в следовании, в любви совершенно не предаваться разузнаванию, не рефлексировать. Если творишь добро, пусть твоя левая рука не знает, что делает правая. Тебе незачем знать о твоём добре. Иначе это будет *твое* добро, но не добро Христа. Добро Христа, добро следования за Ним творится без осознания его. Чистое дело любви – всегда сокрыто от меня. Смотрите, чтобы вы не знали этого! Только таким бывает добро, что от Бога. Если я хочу знать мое добро, мою любовь, это уже больше не любовь. Равно как и подвижническая любовь к врагу остается скрытой от последовавшего за Христом. Ведь он уже не смотрит на врага как на врага, он любит его. Эта слепота или, наоборот, этот озаряемый Христом взгляд последовавшего есть его упование. Сокрытость его жизни от самой себя есть его обетование.

Тайность соответствует явности. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Так установлено Богом – перед Ним все тайное уже явно. Бог хочет показать нам тайное, сделать его зримым. Явность – это Богом установленная награда за тайность. Вопрос только в том, где и от кого человек получает эту награду явью. Если он домогается этой награды от людей, то он и получает свою награду от них. При этом безразлично, ищет ли он открытости перед другими людьми в грубом виде или открытости перед самим собой в чистом виде. Где левая рука знает, что делает правая, где я вывожу на свет перед самим собой мое тайное добро, где я хочу знать о моем собственном добре, там я уже готовлю себя к явной награде, которую приготовил мне Бог. Вот он я, показывающий себе свое тайное. Не жду, пока мне это откроет Бог. Тогда в этом моя награда. Но тот, кто до конца настаивает на сокрытости перед собой, получит от Бога эту явную награду. Кто же, однако, может так жить, чтобы творить подвиги втайне? чтобы левая рука не знала, что делает правая? Что же это за любовь, которая не

знает о самой себе и способна оставаться тайной для себя вплоть до дня Страшного Суда? Это ясно: поскольку это тайная любовь, она не способна быть явной добродетелью, обликом человека. Смотрите – означает это, – не спутайте истинную любовь с достойной любви добродетелью, с человеческим «качеством»! Ведь это самозабвенная любовь в строгом смысле слова. Однако в этой самозабвенной любви должен умереть ветхий человек со всеми своими добродетелями и качествами. В самоабвенной, связанной только с Христом любви ученика умирает ветхий Адам. В словах: Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, – возвещается о смерти ветхого человека. Итак, еще раз: Кто может жить, объединив главу 5-ю и 6-ю? Никто, кроме умершего в своей ветхой жизни через Христа и нашедшего новую жизнь в своем приобщении к Нему, последовав за Ним. Любовь как дело простого послушания есть смерть ветхого человека, который вновь обретает себя в праведности Христовой и в брате. Теперь он больше не живет, но в нем живет Христос. Любовь Распятого Христа, предающего смерти ветхого человека, – это то, что живет в последовавшем. И он находит себя во Христе и в брате.

Сокрытость молитвы

«И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него».

(Матф. 6:5-8).

Иисус учит Своих учеников молиться. Что это означает? Что мы должны молиться, разумеется не само собой. Хотя молитва – естественная потребность человеческого сердца, в этом, однако, еще не заключено права перед Богом. Даже там, где эта обязанность соблюдается в твердом воспитании и упражнении, она может быть бесплодной или без обетования. Ученики должны молиться, поскольку об этом им говорит Иисус, знающий Отца. Он обещает им, что Бог услышит их. Так молятся только одни ученики, ибо они едины с Иисусом, они следуют Ему. Кто связан с Иисусом следованием Ему, тот благодаря Ему имеет доступ к Отцу. И каждая правильная молитва становится через это опосредованной молитвой. Нет молитвы непосредственной. Нет также в молитве и непосредственного доступа к Отцу. Только через Иисуса Христа мы можем найти Отца. Предпосылка молитвы есть вера, связь со Христом. Он – единственный Посредник в нашей молитве. Мы молимся по Его слову. Итак, наша молитва всегда связана с Его словом.

Мы возносим молитву к Богу, в Которого мы веруем через Христа. Поэтому наша молитва никогда не может быть заклинанием Бога, и нам уже нет нужды представляться Ему.

Нам следует понимать, что Он знает, в чем мы имеем нужду, прежде нашего прошения у Него. Это придает нашей молитве глубокую уверенность и радостную достоверность. Не формулу, не количество слов, но веру принимает Господь Своим сердцем Отца, которое нас давно знает.

Правильная молитва – это не труд, упражнение или благочестивая поза, но просьба дитяти, обращенная к сердцу Отца. Оттого молитва никогда не демонстративна – ни перед Богом, ни перед нами самими, ни перед другими. Если бы Бог не знал, в чем мои нужды, тогда мне пришлось бы раскидывать умом, как мне сказать Ему об

этом, *что* сказать и *сказать ли* вообще. Итак вера, исходя из которой я молюсь, исключает любую рефлексию, любую демонстративность.

Молитва – это совершенно тайное. Она противопоставлена явности в любом виде. Кто молится, тот более ведает уже не себя, но только Бога, к Которому взывает. Поскольку молитва направлена не в мир, но устремлена исключительно к Богу, то это дело совершенно не демонстративное.

Конечно, бывает, что молитва превращается в демонстрацию, в которой на свет выходит тайное. Это происходит не только в явной молитве, становящейся болтовней. Сегодня так случается очень редко. Но это безразлично, ибо это даже еще губительнее, если я сам – зритель моей молитвы, если я молюсь перед самим собой, если я удовлетворенно наслаждаюсь этим состоянием в качестве зрителя, если я изумленно или устыженно застаю себя в этом состоянии. Уличная открытость есть только наивная форма открытости, которую я себе готовлю. В своей комнате я тоже могу устроить бурную демонстрацию. Слово Иисуса можно исказить и там. Открытость, которую я себе ищу, состоит в таком случае в том, что я сразу и молящийся, и слушающий. Я слушаю себя, я слышу себя. Поскольку мне неохота ждать, пока Господь меня услышит, поскольку я вряд ли когда-нибудь смогу удостовериться в том, что моя молитва услышана Богом, то послушаюка я сам себя. Я утверждаю, что молюсь благочестиво, и в этом утверждении заключается удовлетворение от самовыслушивания. Моя молитва услышана. В этом моя награда. Поскольку я выслушан самим собой, Богу незачем меня выслушивать; поскольку себе в награду я приготовил явность, Бог не уготовит мне награды.

Что это за комната, о которой говорит Иисус, если я неосторожен перед самим собой? Как бы мне ее так крепко запереть, чтобы никакой слушатель не нарушил сокровенности молитвы и не украл у меня награду тайной молитвы? Как защититься мне от меня самого? От моих рефлексий? Как мне поразить рефлексией рефлексию? Слово сказано: моя собственная воля вкупе с моей молитвой о том, чтобы как-нибудь одолеть себя, должна умереть, быть умерщвленной. Где во мне властвует единственно воля Иисуса, поглощая мою волю, приобщая к Нему, увлекая к следованию Ему, – там моя воля умирает. В таком случае я могу молиться, чтобы осуществилась воля Того, Который знает, в чем моя нужда, прежде моего прошения у Него. Только тогда молитва моя крепка, сильна и чиста, если исходит из воли Иисуса. Тогда молитва есть действительно *моление*. Дитя молит *Отца*, знающего его. Не поклонение вообще, но моление составляет сущность христианской молитвы. Это соответствует положению человека перед Богом: подняв руки, он молит Того, о Ком знает, что у Него сердце Отца.

Если правильная молитва является вещью тайной, то при этом вовсе не исключается молитвенное единение, но тем яснее обнаруживаются его возможные опасности. Это не сводится ни к улице, ни к комнате, ни к короткой или длинной молитве, будь то литания церковной молитвы, будь то стенания того, кто не знает, о чем ему молиться; ни к одиночке, ни к сообществу – но к осознанию: знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду. Только это направляет молитву исключительно к Богу. Это избавляет ученика от ложного вершения.

«Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

(Матф.6:9-15)

Иисус не только сказал Своим ученикам, *как* они должны молиться, но и о *чем* они должны молиться. «Отче наш» есть не только образец молитвы для учеников, но так *нужно* молиться, как научил их Иисус. С этой молитвой они определенно будут услышаны Богом. «Отче наш» – это всецело молитва. В ней – сущность и пределы мольбы ученика. Иисус и здесь не оставляет Своих учеников в неизвестности; через «Отче наш» Он ведет их к совершенной ясности молитвы.

«Отче наш, сущий на небесах!» – совместно взывают последовавшие к своему Небесному Отцу, Который уже и так знает, в чем нужда Его возлюбленных чад. Они стали братьями по призыву Иисуса, объединившего их. Во Христе они познали всю приветливость Отца. Во имя Сына Божия они должны называть Бога своим Отцом. Они на земле, а их Отец на небесах. Он видит их оттуда, они поднимают свои глаза к Нему.

«Да святится имя Твое». – Имя Бога-Отца, в Иисусе Христе открывающееся последовавшим за Ним, должно быть священным среди учеников; ибо в этом имени заключено все Евангелие. Богу не угодно было допустить, чтобы Его священное Евангелие было затемнено или погублено ложным учением и безбожной жизнью. Богу угодно – навсегда – открыть ученикам Свое священное имя в Иисусе Христе. Он направит проповедников для громкого возвещения о спасительном Евангелии. Он воспретит соблазнителям и наставит на путь истинный врагов имени Своего.

«Да придет царствие Твое». – В Иисусе Христе признали воспоследовавшие начало Царства Божия на земле. Здесь побежден сатана, сокрушена власть мира, греха и смерти. Пока еще Царство Божие – среди страдания и борьбы. Маленькая община призванных получила в этом свою долю. Они стоят в новой праведности под сенью царственного могущества Бога, но посреди гонений. Богу угодно, чтобы Царство Иисуса Христа выросло через Его общину; Ему угодно уготовить скорый конец царствам этого мира и установить Свое Царство в могуществе и великолепии.

«Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». – В единении с Иисусом Христом последовавшие за Ним отдали свою волю целиком во власть воли Божьей. Они молятся о том, чтобы воля Божья была на всей земле. Ничто из сотворенного не должно этому препятствовать. Но если среди последовавших еще жива злая воля, стремящаяся изъять их из единения с Иисусом, то они также молятся, чтобы воля Божия властвовала в них день ото дня все больше, сокрушая любое противление. Весь мир в конце концов должен склониться перед волей Господа, поклониться Ему благодарно и в нужде и в радости. И земля и небо должны подчиниться Богу.

Ученики должны прежде всего молиться ради имени Господа, ради Царства Божьего, ради воли Божьей. Хотя Бог и не требует этой молитвы, но ученики через эту молитву могут отвесть небесных благ, о которых они молятся. Этой молитвой они способствуют скорейшему достижению цели.

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день». – До тех пор, пока ученики пребывают на земле, они не должны стыдиться упрашивать Отца Небесного о телесной жизни. Тот, Кто сотворил людей на земле, хочет хранить и оберегать их тело. Он не хочет, чтобы Его творение было достойно презрения. Это общий хлеб, о котором молят ученики. Никто не должен иметь его только для себя. Они просят также, чтобы Бог дал всем Своим чадам на всей земле хлеб на сей день; ибо они – их братья по телу. Ученики знают, что хлеб, произрастающий из земли, дарован свыше, будучи единственно даром Божьим. Оттого они не берут хлеб сами, но просят о нем. Поскольку хлеб от Бога, то он каждый день является заново. Последовавшие просят не о запасе, но о ежедневном Божьем даре сегодня, благодаря чему они могут продлить свою жизнь в единении с Иисусом, прославляя милосердную Божью доброту. Вера учеников оправдывает себя в этой просьбе, превращаясь ко благу их в животворящее Божье деяние на земле.

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Сознание своих долгов есть ежедневная жалоба последовавших. Те, кто в приобщении ко Христу могут жить без греха, грешат ежедневно через всякого рода неверие, леность в молитве, распущенность тела, через всякого рода самодовольство, зависть,

ненависть и скряжничество. Потому они должны ежедневно молить Бога о прощении. Богу же только тогда угодно будет услышать их просьбу, если они сами простят друг другу долги – по-братски и с готовностью. Итак, они вместе несут свои долги перед Богом и вместе просят о благодати. Богу угодно простить не только мне мои долги, но и нам наши долги.

«И не введи нас в искушение». Искушения последовавших многочисленны. Со всех сторон одолевает их сатана, желая их падения. Их упорно вводит в соблазн ложная уверенность и нечестивое сомнение. Ученики, знающие о своей слабости, не бросают вызова искушению с целью испытать силу своей веры. Они просят Бога не искушать их слабой веры и оградить их в момент введения в соблазн.

«Но избавь нас от лукавого». В качестве последней просьбы ученики должны молить об избавлении их от мирских соблазнов и об унаследовании Царства Небесного. Это просьба о блаженном конце и о спасении общины в последние времена мира сего.

«Ибо Твое есть Царство...» Эту уверенность ученики получают каждый день заново из приобщения к *Иисусу Христу, в Котором заключено исполнение всех их просьб*. В Нем святится имя Бога, в Нем приходит Царство Божье, в Нем осуществляется воля Божья. Ради Него сохраняется телесная жизнь учеников, ради Него они получают прощение их грехов, Его силой будут ограждены от соблазна, Его силой будут спасены для жизни вечной. Его есть Царство и сила и слава во веки в единении с Отцом. И в этом ученики уверены.

Когда, подытоживая молитву, Иисус еще раз говорит, что все зависит от того, чтобы получить прощение, и что это прощение выпадает им только как братству грешников.

Сокрытость благочестивого упражнения

«Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

(Матф.6:16-18)

Иисус исходит как из само собой разумеющегося, что последовавшие за Ним держат благочестивое упражнение в посте. Жизни последовавших за Ним присуще строгое упражнение в воздержании. Такие упражнения имеют единственной целью, чтобы воспоследовавший с готовностью и радостью принял заповеданный ему путь и заповеданное ему поприще. Здесь приводится к повиновению эгоистичная и вялая воля, не особенно рвущаяся к служению, усмиряется и наказывается плоть. В упражнении воздержания ясно прослеживается отчуждение моей христианской жизни от мира. Жизнь, полностью остающуюся без аскетического упражнения, потакающую всем желаниям плоти, пока их «разрешает» *justitia civilis*, трудно подготовить к служению Христу. Сытая плоть молится неохотно и не направляет себя к самоотверженному служению.

Итак, жизнь ученика требует строгого внешнего воспитания. Не то чтобы таким путем будет сокрушено плотское желание, а ежедневная смерть ветхого человека будет происходить в чем-то ином, кроме веры во Христа. Но именно верующий, последовавший, чье своеволие сокрушено, умерший за Христа в своем ветхом обличии, знает бунт и ежедневную надменность своей плоти. Он, понимая ее инертность и необузданность, знает, что они – источник заносчивости, который надо сокрушить. Это осуществляется ежедневно через подвижнические воспитующие упражнения. Для ученика очень важно, что дух послушен, а плоть слаба. Потому «бодрствуйте и молитесь». Дух признаёт путь следования Христу и готов идти им, но плоть слишком боязлива, путь для нее слишком утомителен, небезопасен, тягостен. Потому-то духу ничего не стоит и закоснеть. Дух подтверждает заповедь Иисуса о безусловной любви к врагам, но плоть и кровь настолько сильны, что их трудно подвигнуть. Итак, в ежедневном подвижническом упражнении плоть должна узнать, что она лишена собственных прав. Этому способствуют ежедневные упорядоченные упражнения в молитве, ежедневные размышления о

слове Божьем; этому способствуют всевозможные упражнения в обуздании плоти и воздержании.

Соппротивление плоти ежедневному усмирению вначале идет по всему фронту, потом прячется за словами духа, т.е. прикрывается евангельской свободой. Где евангельская свобода от непреложности закона, от самоистязания, умерщвления плоти решительно противопоставляется евангельским установлениям о воспитании, упражнении и аскезе, да еще со ссылкой на слова о том, что плотская жизнь оправдывается христианской свободой, – там налицо противоречие со словами Иисуса. Там уже утрачено знание о неотмирности каждодневной жизни в следовании Христу, но там еще меньше радости о той действительной свободе, которой одаривает истинное упражнение жизнь ученика. Если где христианин узнает, что он не справляется со своим служением, что на убыль идет его готовность, что он стал виновен в чужой жизни, в чужой вине, что его радость от Бога увяла, а силы для молитвы уже нет, то он предпримет атаку на свою плоть, чтобы подготовить себя через упражнение, пост и молитву (Лк 2:37; Мк 9:29; I Кор 7:5) к лучшему служению. Отговорка же, что христианин вместо аскезы мог бы найти прибежище в вере, в слове, остается совершенно пустой. Она немилосердна и лишена укрепляющей силы. Ибо что же такое жизнь в вере, как не бесконечная многообразная борьба духа против плоти? Как может кто-то жить в вере, если молитва ему в тягость, если он отвращается от слова Писания, если сон, еда и любовные улады снова и снова крадут у него радость, получаемую от Господа?

Аскеза есть самоизбранное страдание, это *passio activa*, а не *passio passiva*, и именно поэтому она в высшей степени под угрозой. Аскета непрерывно подстерегает нечестивое желание сделаться равным Иисусу Христу в страдании. В аскезе всегда таится притязание ступить в положение страждущего Христа, пройти поприще страданий Христа самому, то есть умертвить ветхого человека. Здесь аскеза присваивает себе последнюю горькую правду искупительного подвига Христа. Здесь она выставляет себя напоказ в ужасной жесткости. Добровольное страдание, которое лишь на основе страстей Христовых должно служить лучшему служению, более глубокому смирению, становится здесь ужасным искажением страданий Господа. Теперь оно норовит, чтобы его увидели, желая стать немилосердным живым укором ближним; ибо это, дескать, стало спасительным путем. В подобной «явности» награда воистину уже в том, что она ищется от человека.

«Помажь голову твою и умой лице твое», – ведь это вполне могло бы стать повторным поводом к более утонченному наслаждению и самопрославлению. А затем было ложно истолковано как лицемерие. Но Иисус говорит Своим ученикам, чтобы они оставались смиренными в добровольных упражнениях в смирении, никогда их не ставили в

упрек или в закон никому, а напротив, были благодарны и радовались этому – желанию служить своему Господу. В качестве христианского типа мы имеем сейчас в виду не радостный облик ученика, но истинную сокрытость христианского свершения, смирение, которое не ведаёт о себе так же, как глаз видит не себя, а только другого. Такая сокрытость сделается однажды явной, но лишь через Бога, а отнюдь не сама по себе.

Простота безмятежной жизни

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне».

(Матф.6:19-24)

Жизнь последовавшего оберегается тем, что ничто не вступает между Христом и ним – ни закон, ни личное благочестие, но также и не мир. Последовавший всегда видит только Христа. Он видит не Христа и мир. Он совершенно не вдаётся в это рассуждение, но во всем следует единственно Христу. Тогда око его чисто. Это целиком и полностью покоится на свете, исходящем от Христа, не содержащем в себе ни тьмы, ни двусмысленности. Как око должно быть чистым, ясным и простодушным, чтобы тело пребывало в свете; как ни нога, ни рука не иначе не получают света, кроме как от ока; как нога оступается, а рука промахивается, если око мутно; как все тело во тьме, если угасает око, – так и воследовавший до тех пор пребывает в свете, пока он простодушно смотрит на Христа, а не на что-то иное; так сердце ученика должно быть направлено единственно ко Христу. Если око видит что-то другое, кроме действительного, то обманывается все тело. Если сердце привязано к мирской внешности, к творению вместо Творца, то ученик потерян.

Блага всего мира стремятся отвлечь сердце Иисусова ученика. К чему лежит сердце ученика? вот в чем вопрос. Лежит ли оно к мирским благам? – или же только ко Христу и благам? или единственно только ко Христу? Светильник для тела есть око, светильник последовавшего за Христом есть сердце. Если око худо, то и тело должно быть во тьме. Если сердце темно, то как же темно должно быть ученику. Сердце же, однако, будет во тьме, если оно никнет к мирским благам. Теперь призыв Иисуса может быть сколь угодно настойчивым – он отскакивает, он не находит входа в человека, ибо сердце затворено, оно принадлежит чему-то другому. Как свет не проникнет в тело, если око злобно, так и слово Иисуса больше не проникнет к ученику, ибо его

сердце заперто. Слово подавлено, как семя между тернием, «заботами, богатством и наслаждениями житейскими» (Лк 8:14).

Простодушие ока и сердца соответствует той сокровенности, которая не знает ни о чем, кроме слова Христа и Его призыва; оно заключается в полнейшем единении со Христом. Как воспоследовавшим простодушно обходиться с земными благами?

Иисус отказывает им не в пользовании земными благами. Иисус в человеческом Своем воплощении ел и пил, как и Его ученики. Тем самым Он очистил пользование земными благами. Блага, изводящиеся под рукой, служащие ежедневным потребностям и пищей телу, – последовавший должен принимать благодарно.

*Паломником шагаешь,
Без груза, как-нибудь.
Заботы, сборы, торги
Лишь отягчают путь.
Иной – тот мертв везде;
Отправимся же с Богом,
Довольствуясь немногим,
Нуждаясь лишь в нужде.
Tersteegen*

Блага даны, чтобы ими пользоваться; но не для того, чтобы их собирать. Как Израиль получал в пустыне каждый день манну от Бога и не заботился о еде и питье и как манна, которая сохранялась изо дня в день, вскоре подгнила, так и ученик Иисуса должен ежедневно поручать свое от Господа; но, накапливая для длительного хранения, он портит и дары, и себя самого. Сердце его лежит в собранных им сокровищах. Накопленное добро ступает между мной и Богом. Где сокровище мое, там моя надежда, моя уверенность, мое утешение, мой бог. Сокровище – это идолопоклонство¹³.

Но где же проходит граница между теми благами, которыми мне надлежит пользоваться, и сокровищем, которое мне незачем иметь? Перевернем высказывание и скажем так: к чему лежит твое сердце, то и есть твое сокровище – и тогда ответ уже дан. Сокровище может быть очень невзрачным, это зависит не от величины, а только от сердца, только от тебя. Но если спрошу далее: как мне узнать, к чему лежит мое сердце, – то ответ и здесь ясен и прост: Все, что тебе мешает любить Бога превыше всех остальных вещей, что становится между тобой и твоим послушанием Иисусу, – это и есть сокровище, там и твое сердце.

¹³ Не случайно, что ап. Павла в перечнях прегрешений блуд и корыстолюбие всегда ставятся рядом и оба названы идолопоклонством.

Если же человеческое сердце лежит к сокровищу, то человеку надо иметь себе сокровище¹⁴, по воле Иисуса, только не на земле, где оно разлагается, а на небе, где оно сохранится. «Сокровища» на небе, о которых говорит Иисус, – очевидно не одно какое-то сокровище, пусть даже Сам Иисус, но сокровища, действительно собранные последовавшим. И большое обетование выражено в том, что ученик, следуя Христу, приобретает небесные сокровища, которые не исчезают, а ждут его и которыми он будет наделен. Что это могут быть за сокровища, как не то подвижничество, то тайное в жизни ученика; что это могут быть за сокровища, как не плоды страстей Христовых, выпавших на жизнь последовавших?

Если сердце ученика всецело принадлежит Богу, то для него ясно, что он не может служить двум господам. Он не может этого. Это невозможно, если следуешь Христу. Проще всего было бы выказать свое христианское благоразумие и познания в том, чтобы уяснить себе, как служить двум господам, Богу и маммоне, предоставив каждому из них ограниченные права. Почему мы, дети Божьи, не должны стать радостными детьми этого мира, радуясь своим благим дарам и получающими свои сокровища по Божьему благословию? Бог и мир, Бог и земные блага – противостоят друг другу, поскольку мир и его блага цепляются за наше сердце и, только заполучив его, становятся тем, что они есть. Без нашего сердца мир с его благами – ничто. Они живы нашим сердцем. Итак, они претят Богу. Свое сердце, полное любви, мы можем отдать только одному, мы можем быть преданными только одному господину. Что противостоит этой любви – подпадает ненависти. По слову Христову, по отношению к Богу существует только любовь или ненависть. Если мы не любим Бога, то ненавидим Его. Середины не дано. Бог есть Бог потому и в том, что Его можно только любить или ненавидеть. Здесь существует лишь один выбор, или ты любишь Бога, или ты любишь мирские блага. Если ты любишь мир, то ненавидишь Бога; любишь Бога – ненавидишь мир. И безразлично – просто ли тебе хочется этого или ты делаешь это сознательно. Совершенно верно, ты не захочешь этого, ты не узнаешь вполне того, что ты делаешь; напротив, ты именно этого *не хочешь*, иначе ведь это значит, что ты *хочешь* служить двум господам. Ты хочешь любить Бога и блага; что ж, тогда ты будешь все время держаться неправды – ты ненавидишь Бога. Ведь ты, как тебе кажется, любишь Его. Но если мы любим сразу и Бога и мирские блага, то эта любовь к Богу оборачивается ненавистью; око утрачивает простодушие, а сердце – единение с Иисусом. Хотим мы этого или нет, по-иному не бывает. Не можете служить двум господам вы, следующие за Христом.

¹⁴ Нужно внятно подчеркнуть, что Иисус не лишает человеческого сердца того, в чем оно нуждается: сокровища, славы и хвалы. Но Он придает всему этому другое содержание: славу от Бога (Ин 5:44), хвалу крестом (Галл 6:14) и сокровище на небе.

«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту [хотя] на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний [сам] будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы».

(Матф.6:25-34)

Не заботьтесь! Блага морочат человеческое сердце, давая ему беспечность и беззаботность; в действительности же, однако, они как раз и причиняют ему заботу. Сердце, жадное до сокровищ, получает вместе с ними удушливое бремя забот. Забота творит сокровища, и сокровища творят заботу. Мы хотим обеспечить свою жизнь благами, хотим заботами стать беззаботными; но в действительности здесь доказывается противоположное. Кандалы, сковывающие нас с благами, удерживающие блага, сами суть заботы.

Злоупотребление благами состоит в том, что мы употребляем их для попечения о следующем дне. Забота всегда направлена в завтра. Блага же в строжайшем смысле предназначены на сегодня. Меня смущает сегодня как раз попечение о завтрашнем дне. Каждому дню достает своих хлопот. Кто утром положится всецело на Господа, получая сегодня все, что ему надобно для жизни, только тот воистину обеспечен. Получая каждый день, я делаюсь свободен от завтрашнего дня. Мысль о завтрашнем дне доставляет мне бесконечные заботы. «Не заботьтесь о завтрашнем дне» — это либо ужасная насмешка над нищими и убогими, непосредственно к которым обращается Иисус, над всеми теми, кто — по человечески говоря — завтра обречен на голодную смерть, если не озаботится сегодня. Это либо непереносимый закон, который человек с отвращением отвергнет, либо же единственное в своем роде возвешение Евангелия о свободе детей Божьих, у которых

один Отец Небесный, подаривший им возлюбленного Сына. Как мог Он не подарить вместе с Ним и всего остального?

«Не заботьтесь о завтрашнем дне» – это не следует понимать, как житейскую мудрость, как закон. Это нужно постигать только как благую весть от Иисуса Христа. Только последовавший, узнавший Иисуса, воспринимает это слово как обещание любви Его Отца и свободу от всех вещей. Не забота делает ученика беззаботным, но вера в Иисуса Христа. Отныне он знает: *Мы можем* вовсе не заботиться (стих 27). Следующий день, следующий час от нас полностью отъяты. Это бессмысленно – делать вид, как будто мы вообще способны заботиться. Ведь мы не можем изменить положение вещей в мире. Заботиться может лишь Бог, поскольку Он правит миром. Поскольку мы можем не заботиться, поскольку мы полностью бессильны, то в силу этого мы также *должны* не заботиться. В противном случае мы приписываем себе власть Бога.

Но последовавший знает также, что он не только не может или не должен заботиться, но что ему и нет нужды заботиться. Не забота дает ежедневный хлеб (но также и не работа), но Отец Небесный. Птицы небесные и лилии не работают и не прядут, и все же они сыты и одеты, ежедневно и без заботы получая свое. Мирские блага им нужны только для сегодняшней жизни, они не собирают их и тем возносят хвалу своему Творцу, не своим прилежанием, не своей работой, не своей заботой, но через каждодневное, простодушное получение ниспосылаемых Богом даров. Так птицы небесные и лилии становятся примером для последовавших. Иисус отменяет причинную связь работы и пропитания, неизбежную, если она осмысливается без Божьей помощи. Он не рассматривает каждодневный хлеб как награду за работу, но говорит о беззаботном простодушии того, кто, идя путями Иисуса, все получает от Бога.

«Ни один зверь не работает для своего пропитания, но всякий имеет свое дело, и сообразно сему ищет и находит себе пищу. Пташка летает и поет, вьет гнездо и выводит птенчиков; это ее работа, но не это ее кормит. Волы пахут, лошади возят и участвуют в битвах, овцы дают шерсть, молоко, сыр, это их работа, но не это их кормит; земля же растит траву и напитывает ее дождем Божьим. Итак, человек может и должен и работать, и еще что-то делать, но все-таки при этом знать, что есть и другой, питающий его и его работу, именно же: обильный дождь, что от Бога проливается; хотя и может показаться, что его питает работа – ведь Бог без работы не дает ему ничего. Хотя пташка не сеет и не жнет, но помрет с голоду коли не полетит отыскивать себе пропитание. А что она найдет пропитание, то не работа ее, но благо от Господа. Ибо кто же положил туда пищу, чтобы она ее нашла? Ибо где Бог не положит, там никто ничего не отыщет, и весь мир должен до смерти работать и искать»

(Лутер). Но если птицы и лилии опекаются Творцом, то разве Отец не будет способствовать и насыщению Своих детей, которые каждый день молят Его об этом; неужели Он может отказать им в том, что каждый день потребно для их жизни, Он, Которому принадлежат все земные блага и Который может распределить их по Своему благоусмотрению? *«Господь да даст мне на каждый день, сколько мне потребно для жизни; Он дает птицам, сидящим на крыше, как же Он не даст этого и мне?»* (Клаудиус).

Забота есть дело язычников, не верящих, полагающихся лишь на свою силу и работу, но не на Бога. Язычники суть люди озабоченные, потому что им неизвестно, что Отец знает все, в чем мы нуждаемся. Потому они стремятся сами сделать то, чего не ждут от Бога. Но для последовавших несомненно: *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»*. Тем самым становится ясно, что забота о еде и одежде еще не есть забота о Царстве Божьем, как мы охотно могли бы допустить; как будто выполнение работы для нашей семьи и для нас, наша забота о хлебе и жилище уже есть искание Царства Божия; как будто это осуществимо среди таких забот. Царство Божье и праведность Его здесь совершенно отличаются от того, что достается нам в качестве мирских благ. Это не что иное, как праведность, о которой говорится у Матфея в гл.5 и 6, праведность Креста Господня и следования под тяжестью креста. Единение со Христом и послушание Его заповеди – *прежде*, все остальное следует после. Это не одно в другом, но одно за другим. Устремленность к праведности Христа стоит *до* забот о нашей жизни, о еде и одежде, о ремесле и семье. Здесь дается только крайнее суммирование того, что уже было сказано. И это слово Иисуса есть либо непереносимое бремя, невообразимое уничтожение человеческого бытия для нищих и убогих – либо же оно само есть Евангелие, преисполняющее нас свободой и радостью. Иисус говорит не о том, что человек должен и не может, но о том, что даровал нам Бог и обетовал. Если нам дарован Христос и мы призваны следовать Ему – тогда нам вместе с Ним даровано действительно все. Все остальное приложится нам. Кто, следуя Христу, взирает единственно на Его правду, тот находится в руке и под защитой Иисуса Христа и Отца Его, а кто приобщен Отцу, с тем ничего не может случиться, тому не надо больше сомневаться, что Отец вполне может накормить Своих детей и не оставит голодными. Господь поможет, когда это надо. Он знает о наших нуждах.

Последователь Иисуса после долгого ученичества на вопрос Господа: *«Имели ли вы в чем недостаток?»* – ответил: *«Ни в чем!»* Как может иметь нужду тот, кто в голоде и лишениях, в гонениях и опасности пребывает в несомненном единении с Иисусом Христом?

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, ГЛАВА 7: ВЫДЕЛЕНИЕ ОБЩИНЫ УЧЕНИКОВ

Ученик и язычники

«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: "дай, я выну сучок из глаза твоего", а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, [как] вынуть сучок из глаза брата твоего. Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки».

(Матф. 7:1-12)

От 5-й и 6-й глав к этим стихам – и затем к большому завершению Нагорной проповеди – ведет неминуемая причинная связь. В 5-й главе речь велась о подвижничестве следования (*περίσσόν*), в 6-й главе – о сокрытой, простодушной праведности ученика (*ἀπλούς*). Через то и другое последовавшие были взяты из сообщества, к которому принадлежали прежде, и стали связаны только с Иисусом. Стала явственно видна граница. С этим связан вопрос об отношении последователей между собой и к людям. Придал ли им выбор, павший на них, какое-то особое, личное право, сподобились ли они сил, мерила и дарований, позволяющих им притязать на особенный авторитет по отношению к другим? Это следовало бы отметить, прежде всего, если бы ученики Иисуса отмежевались от своего окружения резким, разделяющим суждением. Да, конечно, могло возникнуть мнение, что будто бы это воля Иисуса, чтобы такой разделяющий и осуждающий приговор учеников исполнялся в их ежедневном обращении с другими. Потому Иисус и должен был пояснить, что подобное превратное толкование серьезно угрожает следованию Ему. Ученикам не следует судить. И если они сделают это, то сами подпадут под суд Божий. Меч,

которым они судят брата, опустится на них. Надрез, которым они отделяют себя от других как праведные от неправедных, отделяет от Иисуса и их самих.

Отчего это так? Последовавший живет целиком и полностью связью с Иисусом Христом. Его праведность – только в этом приобщении и никогда вне его. Она никогда не может стать полученным в собственность мерилом, употребляемым по любому поводу. Учеником его делает не новое мерило его жизни, но единственно только Иисус Христос, Спаситель и Сын Божий. Когда он приобщен к Иисусу, его собственная праведность сокрыта от него самого. Теперь уже не самого себя он может видеть, лицезреть, обсуждать – только Иисуса он видит, только Иисусу он виновен, судится Им, наделяется благодатью. Так между учеником и другими встает не мерило праведной жизни, но опять же – единственно Иисус Христос; ученик видит другого человека только лишь как того, к кому идет Иисус. Он встречается другого только тогда, когда идет к другому вместе с Иисусом. Иисус идет к другому впереди него, и он идет за Ним. Так что встреча ученика с другим никогда не бывает свободной встречей двух людей, непосредственно излагающих свои взгляды, взаимные мерилы и суждения. Более того, ученик может встретить другого только как того, к кому Иисус приходит Сам. Борьба за другого, Его призыв, Его любовь, Его благодать, Его суд имеют значение только здесь. Ученик, таким образом, не занимает позиции, с которой можно наброситься на другого, но в действительной Христовой любви предлагает другому единение, не сопровождая это никакими оговорками.

Когда мы судим, то по отношению к другому мы создаем дистанцию для обозрения, рефлексии. Любовь же не оставляет для этого ни времени, ни пространства. Другой никогда не может стать для любящего объектом созерцательного наблюдения, в каждый момент он – живое притяжение на мою любовь и служение. Но разве зло другого не принуждает меня к необходимости осуждения, как раз ради другого, ради любви к нему? Мы узнаём, как резко здесь проведена граница. Превратно понятая любовь к грешнику зловеще близка к любви ко греху. Любовь же Христа к грешнику – это уже осуждение греха, она острейшее выражение ненависти ко греху. Именно безоговорочная любовь, которой должны жить ученики Христа в следовании Ему, вызывает то, чего никогда не вызовет поделенная, по собственному усмотрению и с оговорками дарованная любовь, а именно: решительное осуждение зла.

Если ученики судят, то устанавливают мерило добра и зла. Но Иисус Христос – это не мерило, которым я мог бы обмерить другого. Он судит меня самого, разоблачая мое добро как всемерное зло. При этом мне запрещено прилагать к другому то, что не относится ко мне. Да, произнося суждение о добре и зле, я утверждаю другого в его зле;

ибо ведь и он судит о добре и зле. Он же, не зная о злостности своего добра, оправдывает себя в этом. Будучи уличен мною в своем зле, он только утвердится в своем добре, никогда, однако, не являющемся добром Иисуса Христа, и предстанет перед людским судом. Но я сам подлежу суду Божьему, поскольку живу уже не в благодати Иисуса Христа, а в сознании добра и зла и подпадаю под суд, которым сужу. Бог – для всякого Бог, кто в Него верит.

Судить – это означает непозволительно рефлексировать о другом. Это значит – разлагать простодушную любовь. Это не возбраняет мне думать о другом, воспринимать его грех, но и то и другое освобождается от рефлексии, потому что становится для меня поводом для прощения и безусловной любви, на которую мне указывает Иисус. Сдержанность моего суждения о другом не означает, однако, *tout comprendre c'est tout pardonner*, не придает тем или иным образом правоту другому. Здесь не получают права ни я, ни другой, но единственно Бог дает право, возвещая Свою благодать и Свой суд.

Судить – это сделаться слепым, любовь же делает зрячим. Судя, я становлюсь слеп в отношении моего собственного зла и благодати, относящейся к другому. В любви же Христа ученик знает обо всех мыслимых грехах и вине, ибо знает о страданиях Христа, познавая заодно любовь другого как прощенного у Креста. Любовь видит другого у Креста, и именно в этом она истинно зрячая. Если бы, когда сужу, речь шла об уничтожении зла, то я стал бы искать зло там, где оно мне, собственно, и угрожает, а именно во мне самом. Но если я ищу зло в другом, то ясно, что я сужу другого затем, что ищу свое личное право не быть взысканным в моем зле. Так что предпосылка всяческого суждения есть опаснейший самообман, а именно что я отношу к себе Слово Божье не так, как к ближнему. Я створюю для себя особое право, если говорю: ко мне относится прощение, к другому же – осуждение. Но поскольку ученики не получили от Христа личного права, которое они могли бы применить к другому, поскольку они не получили ничего, кроме приобщения к Богу, то ученику всецело отказано в том, чтобы судить, – а если он судит, то это самомнение, порожденное ложным правом на ближнего.

Но ученику не только запрещено судить словом; благовествующее спасительное слово прощения другого человека также имеет свой предел. Ученик Иисуса не имеет власти и права навязывать это слово каждому в любое время. Любой нажим, вовлечение, вербовка приверженцев, каждая попытка добиться чего-то от другого человека при помощи личной власти – все это тщетно и опасно. Тщетно – так как свиньи не знают, что перед ними разбросан жемчуг; опасно – так как это не только оскверняет слово прощения, не только превращает того, кому я хочу служить, в грешника у святыни, – но и сами проповедующие ученики без нужды и пользы подвергаются

опасности пострадать от слепой ярости закоснелых и помраченных. Разбазаривание обесцененной благодати приведет мир к пресыщению. Это в конце концов силой повернет ее против тех, кто хочет навязать ее, пусть даже они этого и не хотят. Для учеников это означает серьезное ограничение их действенности, которое соответствует указанию у Матфея в гл. 10-й: отряхнуть прах с ног там, где слово о мире не ко двору. Подгоняемое беспокойство кучки учеников, не желающей знать границ своей действенности, и рвение, пренебрегающее сопротивлением, путает слово Евангелия с победоносной идеей. Идея требует фанатиков, которые не обращают внимания на сопротивление и не хотят знать о нем. Идея сильна. Слово же Бога так слабо, что люди его презирают и отбрасывают. Слово встречает на своем пути закоснелые сердца и закрытые двери и познает сопротивление, наталкиваясь на которое, страдает. Это жесткий опыт: для идеи нет ничего невозможного, для Евангелия же есть невозможное. Слово слабее идеи. Равно как и свидетели Слова с этим Словом слабее пропагандистов какой-либо идеи. Но в их слабости, претерпевании вместе со Словом они свободны от болезненного беспокойства фанатиков. Ученики могут уклониться, могут спастись бегством, если только они уклоняются и бегут вместе со Словом, если только их собственная слабость есть слабость слова, если только они в своем бегстве не отступятся от слова. Ведь они всего лишь слуги и инструменты Слова и не ищут силы там, где Слово желает быть слабым. Если бы они хотели в любых обстоятельствах, любыми средствами навязать слово миру, то они сделали бы из живого Слова Божия – идею; и мир с полным правом стал бы защищаться от идеи, которая ему ни в чем не может помочь. Но именно как слабые инструменты они принадлежат не к уклоняющимся, а к остающимся – конечно, там, где остается слово. Ничего не узнав об этой слабости слова, ученики не узнали бы тайны невысокого положения Бога. Это слабое слово, претерпевающее противодействие грешников, – единственно сильное, милосердное, обращающее грешников к их сердечной основе. Его сила таится в слабости, если бы слово явилось в неприкрытой силе, то это был бы день суда. Большая задача, поставленная перед учениками, – это познать границы их миссии. Ибо злоупотребление словом обернется против них.

Что делать ученикам перед видом запертых сердец? Там, где не найти подступа к другому? Им надо осознать, что у них нет никаких прав или власти над другими, что им также не дано непосредственного доступа к другим, так что путь для них лежит единственно к Тому, в руке Которого они пребывают и они сами, и те, другие. Отсюда вытекает следующее. Ученики направлены к молитве. Им говорится, что нет никакого другого пути к ближнему, кроме молитвы, обращенной к Богу. Суд и прощение находятся в руке Божьей. Он запирает, Он и открывает. Ученики же должны просить, искать, стучаться – и они

будут услышаны. Ученики должны знать о том, что забота и беспокойство о других должно вести их к молитве. Обетование, дарованное им в молитве, есть величайшая власть, которую они имеют.

От богоискательства язычников поиски учеников отличаются тем, что последние знают, что ищут. Искать Бога может тот, кто уже знает Его. Иначе как он мог бы искать, чего не знает? Как он мог бы найти, не зная, чего ищет? Таким образом, ученики ищут Бога, которого они нашли в обетовании, данном им Иисусом Христом.

В итоге становится ясно, что ученик в обращении с другими не имеет ни личных прав, ни личной власти. Он целиком и полностью живет силою единения с Иисусом Христом. Иисус дает ученику простое правило, по которому даже простодушнейший может проверить, правильно ли его обхождение с другими; ему нужно только перевернуть соотношение «я» и «ты», ему нужно поставить себя на место другого, а другого – на свое место. «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». В это мгновение ученик утрачивает всякое особое право по отношению к другому; он не может извинить себе то, в чем обвиняет другого. Отныне он так же тверд против зла в самом себе, как и против зла в другом, и так же снисходителен ко злу в другом, как в себе самом. Ибо наше зло есть не что иное, как зло другого. Существует *один* суд, *один* закон, *одна* благодать. Таким образом, ученик может встретить другого, только будучи прощен в грехах и живя единственно любовью Божьей. «В этом закон и пророки» – ибо это не что иное, как высочайшая заповедь: любить Бога превыше всего и ближнего как самого себя.

Великое разделение

«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие».

(Матф. 7:13-23)

Община Иисуса не может произвольно отделить себя от общества тех, кто не слышит призыва Иисуса. Она через обетование и заповедь призвана своим Господом к следованию Ему. И этого ей достаточно. Весь суд и все разделения она предоставляет Тому, Кто избрал ее по Своей воле – не за их заслуги, но по Своей благодати. Разделение осуществляет не община – оно должно произойти в призывающем слове.

Итак, небольшая кучка, последователи отделены от множества людей. Ученики – это немногие и пребудут немногими. Слово Иисуса лишает их ложной надежды на их действенность: Последователь Иисуса никогда не должен питать доверия к числу. «Немногие...»; других же много и всегда будет много. Но они идут к гибели своей. Что может быть утешением учеников в такой опасности, если не то одно, что им обетована жизнь, вечное единение с Иисусом?

Путь последовавших узок. Мимо него легко пройти, легко миновать его, легко потерять его, даже если уже идешь по нему. Его трудно найти. Путь и вправду узок, падение угрожает с обеих сторон: быть призванным к подвигу, совершать его – и все-таки не видеть и не знать, что делаешь, – это узкий путь. Свидетельствовать и исповедовать истину Христову – и, тем не менее, любить врага этой истины, своего и нашего врага безоговорочной любовью Христовой – это узкий путь. Верить обетованию Иисуса, что последовавшие за Ним получают землю,

– и, тем не менее, беззащитно встречать врага, предпочитая пострадать от несправедливости, нежели творить несправедливость, – это узкий путь. Видеть другого человека, познавать его в его слабости, несправедливости, никогда не судить его, направиться к нему посланником – и, тем не менее, не бросать жемчуга перед свиньями – это узкий путь. Это непереносимый путь. Каждый момент грозит падением. Пока я познаю его как путь, по которому мне указано идти, и иду, спасаясь от самого себя, он в самом деле невозможен. Но если я шаг за шагом вижу впереди себя Иисуса Христа, смотрю единственно на Него и шаг за шагом следую Ему, то я защищен на этом пути. Если я замечаю опасность моих дел, если я смотрю на путь вместо того, чтобы смотреть на Того, Который впереди меня, то моя нога уже скользит. Ведь Он уже и есть путь. Он – узкий путь и тесные врата. Это значит найти его. Если мы это знаем, то мы пойдем к жизни узким путем через тесные врата Креста Господня, – в таком случае подтвердится узость пути. И как же может быть широк путь Сына Божия на земле, по которой мы, граждане двух миров, ходим на грани между миром и Царством Небесным? Узкий путь и должен был быть истинным путем.

Стихи 15-20. Разделение между общиной и миром произошло. Но слово Иисуса движется вперед, судя и разделяя, – в общину. И среди учеников Иисуса снова и снова должно совершаться разделение. Ученики не должны думать, что им можно попросту убежать от мира и пребывать в безопасности на узком пути, в небольшой горстке. Среди них объявятся лжепророки, и от путаницы возрастет отчуждение. Вот один подле меня – по внешности член общины; это пророк, проповедник; по внешности, слову и деянию христианин; но из его нутра до нас доносятся темные основы; по нутру он – хищный волк; его слово ложь, и дело его обман. Он знает, как хранить свою тайну, но скрытно делает свое темное дело. Он среди нас не потому что к нам его влечет вера в Иисуса Христа, но потому, что дьявол гонит его в общину. От своих мыслей и пророчеств он, возможно, ищет властей и влияния, денег, славы. Он ищет мира, а не Господа нашего Иисуса Христа. Он прячет свои темные намерения под христианскими одеждами и знает, что христиане – народ легковверный. Он рассчитывает, что останется неразоблаченным в своем невинном платье. Он ведь знает, что христианину нельзя судить, и в нужное время не преминет напомнить об этом! Ведь не каждый смотрит в сердце другого. Так он многих собьет с верного пути. Может, сам он всего этого и не знает, может быть, дьявол, его пославший, от него самого скрывает, кто он таков.

Это установление Иисуса могло повергнуть Его учеников в большой страх. Кто знает другого? Кто знает, не прячется ли за христианской видимостью ложь и не подстерегает ли соблазн. Это могло бы привести общину к глубокому взаимному недоверию,

мнительности и духу трусливой рефлексии. Это могло бы привести к бессердечному осуждению каждого брата, впавшего в грех, – со ссылкой на слова Иисуса. Но Иисус освобождает Своих последователей от этого недоверия, способного подорвать общину. Он говорит: Худое дерево приносит и плоды худые. Оно даст знать о себе в свое время. Нам нет нужды заглядывать в душу. Нам надо подождать, пока дерево принесет плоды. По плодам различите деревья в свое время. Плоды же не заставят себя долго ждать. Здесь подразумевается не различие между словом и делом лжепророков, но различие между видимостью и действительностью. Иисус говорит нам, что человек не может долго жить видимостью. Приходит время плодоношения, приходит время разделения. Рано или поздно станет ясно, что за ним стоит. Дерево не может не плодоносить. Плод явится сам. И настанет момент, когда станет ясно, как отличить одно дерево от другого, – время плодоношения, которое все проясняет. Когда наступает время разделения между миром и общиной – а оно может наступить в любой день, не только в больших, но и в незначительных, повседневных разделениях, – тогда становится очевидным, что ложно и что хорошо. И здесь выдержит только действительность, но никак не видимость.

Иисус ясно требует от Своих учеников – отличать в такие моменты видимость от действительности и проводить разделение между собой и теми, кто христианин лишь по внешности. Это избавляет их от всяческих любопытствующих исследований другого, потребует правдивости и решимости в признании нисходящего решения Господа. В каждое мгновение может случиться так, что среди нас вынырнут христиане только по видимости, что мы будем разоблачены как кажущиеся христиане. Поэтому ученики и призваны к крепкому единению с Иисусом, к истинному следованию Ему. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. И никакая пышность ему не поможет.

Стих 21. Но через призыв Иисуса следовать Ему разделение идет много глубже. После размежевания между миром и общиной, между кажущимися христианами и настоящими христианами размежевание вторгается и в исповедующую горстку учеников. Ап.Павел говорит: Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (1Кор 12:3). Никто не может исходя из своего разума, силы и решения вручить свою жизнь Иисусу, назвать Его своим Господом. Но здесь заметна возможность того, что кто-то называет Иисуса своим Господом, но не Святым Духом, т.е. не услышав призыва Иисуса. Это тем более непостижимо, что если кто прежде называл Иисуса своим Господом, то это никоим образом не приносило мирской прибыли; напротив, было сознание, что это ведет к высшей опасности. «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное...» Говорить «Господи! Господи!» относится к исповеданию

общины. И не всякий, кто исповедует, таким образом, войдет в Царство Небесное. Разделение проходит посреди исповедующей общины. Исповедание никоим образом не дает прав на Иисуса. Никто не может призвать себя к исповеданию. То, что мы являемся членами Церкви истинного исповедания, – не есть право перед Господом. Мы принимаем блаженство не на основе этого исповедания. Если мы так полагаем, то совершаем грех Израилев, который благодать призвания превратил в свое право перед Богом. Так мы согрешаем против благодати Призывающего. Бог не будет ожидать момента, чтобы спросить, были ли мы евангельскими, но – исполняли ли волю Его. Он спросит об этом всех, в том числе и нас. Границы Церкви – это границы не привилегии, но благодатного выбора и призвания Божия. *πάς ὁ λέγων* и *ἀλλ' ὁ ποίῳν* – «говорить» и «делать» – здесь это, имея в виду и дальнейшее, толкуется как отношение между словом и делом. Более того, речь здесь была о двояко различающемся поведении человека перед Богом. *ὁ λέγων κύριε* «тот, кто говорит: «Господи! Господи!» – здесь это человек, который на основе своего поддакивания притязает на свое право. *ὁ ποίῳν* – «делатель» – здесь это тот, кто в деле послушания смиреннейший. Первый здесь оправдывает себя через свое исповедание; другой же, делатель, – устроенный по Божьей благодати, послушный человек. Здесь, таким образом, речь человека становится коррелятом его самооправдания, дело же – коррелятом благодати, как раз в сравнении с которой человек не может ничего другого, кроме как смиренно повиноваться и служить. Тот, кто говорит: «Господи! Господи!», призвал себя к Иисусу сам, без Святого Духа; либо же он превратил призыв Иисуса в свое личное право. Другой же, делатель воли Божией, призван, благодатен, он послушен и воспоследовал. Он понимает свой призыв не как право, но как суд и обретение благодати, как волю Бога, единственно Которому он хочет повиноваться. Благодать Иисуса требует делателя, дело становится истинным смирением, истинной верой, истинным признанием благодати Призывающего.

Стих 22. Исповедующий и делающий отделяются друг от друга. И теперь разделение проводится до конца. Теперь здесь говорят только те, кто устоял до сих пор. Они принадлежат к делающим, только вместо исповедания призывают себя именно на это – их – дело. Они творили чудеса именем Иисуса. Они знают, что исповедание не оправдывает, поэтому пошли туда и стали велики между людьми чудесами, сотворенными именем Иисуса. И теперь предстают перед Иисусом, указывая на свои свершения.

Иисус открывает тут Своим ученикам возможность демонической веры, которая призывает себя к себе же, которая производит чудесные деяния, до неузнаваемости напоминая деяния истинных учеников Иисуса, дело любви, чудо, может быть, самоосвящение, – и, тем не

менее, отрицает Иисуса и путь следования Ему. Это не что иное, как то, о чем Павел говорит в главе 13-й 1-го Послания к коринфянам – о той возможности проповедовать, пророчествовать, иметь всякое познание и даже всю веру, так что можно и горы передвигать, – но без любви, т.е. без Христа, без Духа Святого. Да больше того: Павлу приходится явственно подчеркнуть, что сами деяния христианской любви, от раздачи имени до мученичества, могут быть совершены без любви, без Христа, без Духа Святого. Без любви – т.е. именно что в этом деянии не осуществляется дело следования, это дело, чьим Делателем в конце концов является не кто иной, как Призывающий, Иисус Христос. Это глубочайшая, непостижимейшая возможность сатанинского в общине, последнее разделение, которое произойдет лишь в день Страшного суда. Но оно будет окончательным. Последователи, однако, должны спросить, где же все-таки последнее мерило этому, кто будет принят Иисусом и кто – нет. Кто пребудет и кто не пребудет? Ответ Иисуса этим отверженным исчерпывающ: «Я никогда не знал вас». Итак, вот она, эта тайна, сохраняющаяся от начала до конца Нагорной проповеди. Вот единственный вопрос – знал нас Иисус или нет. Чего мы должны держаться, если слышим, как слово Иисуса производит до дня Страшного Суда разделение между общиной и миром и затем в общине, если нам ничего больше не остается: ни нашего исповедания, ни нашего послушания? Тогда остается только Его слово: Я знал тебя. Его вечное слово, Его вечный призыв. Здесь конец Нагорной проповеди смыкается с ее первыми словами. Его слово на Страшном Суде – оно настигает нас в Его призыве следовать Ему, Но единственно Его слово, Его призыв сохраняются с начала до конца. Кто, следуя Христу, не держится ни за что, а только цепляется за это слово, кто отказывается от всего другого, того это слово пронесет до Страшного Суда. Его Слово – это Его благодать.

Вывод

«Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое. И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фариисеи».

(Матф. 7:24-29)

Мы услышали Нагорную проповедь, мы, может быть, поняли ее. Но кто ее услышал правильно? На этот вопрос Иисус отвечает в конце. Иисус отпускает Своих слушателей не просто так, чтобы они делали из Его слов то, что им понравится, чтобы отыскивали то, что им покажется ценным для жизни, чтобы они проверяли, как это учение относится к «действительности». Иисус не отдает Свое слово на усмотрение слушателей, чтобы они могли злоупотребить им своими нечистыми руками, но дает его так, чтобы оно получило власть над ними. Почеловечески посмотреть, так имеется бездна возможностей понимания и истолкования Нагорной проповеди. Иисус знает только одну возможность: просто идти и повиноваться. Не толковать и применять, но делать и повиноваться. Единственно так слышится слово Иисуса. Но опять-таки следует не говорить о деле как об идеальной возможности, а действительно начинать с дела.

Это слово, которое я отношу к себе, это слово, которое исходит из «Я знал тебя», которое немедленно ставит меня в дело, в послушание, – есть камень, на котором я могу построить дом. Этому слову Иисуса из вечности соответствует только простое дело. Иисус сказал; Его слово – наше послушание. Только в деле слово Иисуса получает среди нас свою славу, свою силу и власть. Теперь над домом может пройти и буря – единение с Иисусом, сотворенное Его словом, ей разорвать не под силу.

Рядом с делом есть еще неделание. Но так не бывало, чтобы была воля к делу и, тем не менее, дела, не было бы. Кто обращается со словом Иисуса как-то иначе, чем через дело, тот лишает Иисуса правоты, говоря «нет» Нагорной проповеди, не исполняя Его слова. Вопросы, теоретизирование и толкование есть неделание. Тут вновь возникают богатый юноша, законник из Евангелия от Луки, гл.10. И пусть я еще очень уверяю в моей вере, в моем основополагающем признании этого слова, Иисус называет это неделанием. Слово же,

которое я не хочу исполнять, для меня не камень, на котором я могу построить дом. Здесь нет единства с Иисусом. Он никогда не знал меня. Потому, если сейчас случится буря, то это слово будет мной быстро потеряно, тогда я узнаю, что на самом деле никогда не верил. У меня всегда было не слово Христово, но слово, которое я отнял и сделал своим — именно потому, что я об этом размышлял, но не исполнял. Тогда у моего дома, не покоящегося на слове Христа, будет падение великое.

И «народ дивился...». Что произошло? Сын Божий говорил. Он взял суд над миром в Свои руки. И Его ученики стояли на Его стороне.

ПОСЛАННИКИ (Евангелие от Матфея, гл. 9:35 – 10:42)

Жатва

«И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою».

(Матф.9:35-38)

Взгляд Спасителя, сжалившись, падает на Его народ, на Божий народ. Ему недостаточно было того, чтобы немногие слышали Его призыв и последовали Ему. Он и думать не мог о том, чтобы аристократически обособиться со Своими учениками и на манер великих основателей религий, уединившись от толпы народа, передавать им учение, высочайшие познания. Иисус явился, Он работал и страдал за весь Свой народ. И ученикам, которые хотели бы Его приберечь исключительно для себя, которые хотели уберечь Его от осаждения детьми, приносимыми к Нему, и от нищих попрошайек у обочины дороги (Мк 10,48), придется теперь узнать, что Иисус не желает ограничить Свое служение ими одними. Его Евангелие Царства Божия и Его сила Спасителя принадлежала бедным и больным, когда он встречал их в Своем народе.

Вид народной толпы, который, может быть, вызывал в Его учениках неудовольствие, гнев или осуждение, наполнил сердце Иисуса глубоким состраданием и жалостью. Ни упрека, ни обвинения! Возлюбленный народ Божий пребывал, истязаемый, на земле, и вина за это лежала на тех, кто должен был служить для него Богу. Это причинили не римляне, но призванные служители слова, злоупотребившие словом Божьим. Более не было уже пастырей! Стадо, чья жажда не утихает, ведут не на водопой; измученная и израненная Овца, более не защищаемая пастухом от волка, ужасающаяся и страшась под суровой палкой своих пастырей, – таким застал Иисус народ Божий. Вопросы – но без ответа, нужда – но без помощи, терзания совести – но без избавления, слезы – но без утешения, грех – но без отпущения! Где был добрый пастырь в котором нуждался этот народ? Помогало ли ему то, что были законоучители, которые принуждением загоняли народ в синагоги, что пекущиеся о законе жестоко осуждали грешников вместо того, чтобы им помочь; а чем

помогали сами правоверные проповедники и толкователи слова Божия, если не исполнялись жалостью и состраданием к народу Божию, над которым чинились несправедливости и издевательства? Чем были законоучители, законопослушные, проповедники, если община не имела пастырей? Стадо нуждается в добрых пастырях, «пасторах». «Паси овец, моих» – последнее поручение Иисуса Петру. Добрый пастырь борется с волком за свое стадо, добрый пастырь не убежит, но отдаст за овцу жизнь. Он знает всех своих овец по имени и любит их. Он знает их нужду, их слабость. Он излечит пораненное, он напоит жаждущее, поправит клонящееся упасть. Он пасет их дружелюбно и не жестокосердно. Он ведет их по правильному пути. Он ищет заблудшую овцу и приносит в стадо. Злые же пастыри владывают силой, они забывают про свое стадо, ища своей, выгоды. Иисус ищет добрых пастырей, но поглядите, нет никого.

Это поражает Его в сердце. Его Божественное сострадание обнимает это потерянное стадо, толпу народа, что вокруг Него. Почеловечески глянуть – безнадежная картина. Но не так это для Иисуса. Он видит здесь народ Божий, измученный, нуждающийся, убогий, стоящий перед Ним, спелое жниво Божье. «Жатвы много»; Урожай созрел, пора ему в закрома. Настал час, чтобы эти нищие и убогие были приведены в Царство Божье. Иисус видит восходящее над массами народа обетование Божье. Законники и ревнители закона видели здесь только потоптанное, сожженное, истомленное поле. Иисус видит спелое, колосющееся поле, созревшее для Царства Небесного. Жатвы много! Одно лишь Его милосердие видит это!

Теперь нечего терять время. Жатва не терпит промедления. «А делателей мало». Это чудо, ибо ведь столь немногим подарен этот милосердный взгляд Иисуса. Кто мог бы приняться за работу, как не тот, кто принял в сердце частицу Иисуса, кто принял глаза, смотрящие Его глазами?

Иисус ищет помощи. Он не может в одиночку сделать дело. Кто сотрудники, помогающие Ему? Один Бог знает их, давая им Своего Сына. Кто мог бы, исходя из себя только, предложить себя Иисусу в помощники? Сами ученики этого не смогли бы. Они должны молить Господа о жатве, чтобы послать делателей в нужный час, поскольку пора наступила.

Апостолы

«И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь. Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искарот, который и предал Его».
(Матф.10:1-4)

Молитва услышана. Отец открыл Сыну Свою волю. Иисус Христос призывает двенадцать Своих апостолов и посылает на жатву. Он делает их «апостолами», Своими посланниками и сотрудниками. «Он дал им власть». Здесь речь в самом деле идет о власти. Апостолы получают не только слово, не только учение, но действительную власть. Да и как бы они выполнили свою работу, не имея власти?

Это должна быть такая власть, которая больше власти того, кто господствует на земле, дьявола. Ученики знают, что дьявол имеет власть, хотя коварство дьявола в том и состоит, чтобы отрицать свою власть, морочить людей тем, будто его не существует. Должно поразить как раз это опаснейшее использование его власти. Дьявол должен быть выведен на свет и побежден властью Христа. С этим апостолы и ступили к Иисусу Христу. Ведь они обязаны помогать Ему делать Его дело. Итак, Иисус в этом задании не лишает их высшего дара, а именно: быть причастниками Его власти над нечистыми духами, над дьяволом, который завладел человечеством. В этом задании апостолы уравнились со Христом. Они делают дело Христово.

Имена этих первых посланников сохраняются миром до последнего дня. Народ Божий имеет двенадцать колен. Это двенадцать посланников, которые должны исполнить дело Христа для Него. Для них, как для судей Израиля, приготовлены двенадцать престолов (Мф 19:28). Небесный Иерусалим будет иметь двенадцать ворот, в которые будет входить святой народ и на которых будет читать имена двенадцати колен. Стена города имеет двенадцать оснований, и они будут носить имена апостолов (Откр 21, 12-14).

Эти двенадцать объединены единственно только избирающим призывом Иисуса. Симон, каменщик, Матфея, мытарь, Симон, зилот, ревнитель закона и права против языческого притеснения, Иоанн, которого любил Иисус и который приклонился к груди Его, и другие, от которых остались только имена, и наконец, Иуда Искарот, который предал Его. Ничто в мире не могло связывать этих людей для этих деяний, кроме призыва Иисуса. Здесь были преодолены все прежние

размолвки и основано новое, крепкое единение во Христе. А то, что Иуда ушел, чтобы сделать дело Христа, остается неразъясненной загадкой, страшным предостережением.

Деятельность

«Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева»;
(Матф.10:5:6)

Ученики, будучи помощниками Иисуса Христа, действовали, исполняя ясное повеление своего Господа. Им не дано было свободно понимать и воспринимать свою работу. Дело Христа, которое им надлежит исполнять, заставляет посланников всецело принять волю Иисуса. Блажен тот, кто имеет такое повеление как обязанность и свободен от личных усмотрений и расчетов!

У же первое слово налагает на апостолов ограничение в их деятельности, которая будет небезопасна и трудна. Они не могут сами выбирать поле деятельности. Не куда влечет их сердце, но куда они посланы – вот что решающее. При этом совершенно ясно, что они должны исполнять не свое дело, но Божье. Не естественнее ли им было идти к язычникам и самарянам, поскольку те особенно нуждались в радостном посланничестве? Если бы было так, на то не понадобилось бы повеления. Божьи дела не могут, однако, делаться без повеления; иначе они делались бы без обетования. Но разве обетование и повеление проповедовать Евангелие вообще не имеют силы? Оба имеют силу только там, где Бог повелел это. Не осуществляет ли преисполняющая нас любовь Христова безграничное посланничество? Любовь Христова отличается от чрезмерности и усердия некоторых сердец тем, что она блюдет, лишь будучи повелением. Не ради такой уж большой любви к нашим братьям в народе нашем или к язычникам в чужих странах приносим мы им евангельскую весть о спасении, но ради повеления Господа, которое Он дал в Своем приказе о миссионерстве. Только повеление указывает нам место, где находится обетование. Если Христос не хочет, чтобы я проповедовал Евангелие тут или там, то я должен оставить это намерение и оставаться в воле Христовой и слове Его. Так апостолы стали связаны со словом, с повелением. Апостолы должны находиться только там, где слово Христа, где повеление. «На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева».

Мы, принадлежавшие к язычникам, когда-то не были охвачены посланничеством. Христианскую весть должен был вначале услышать – и отвергнуть – Израиль, чтобы она пришла к язычникам и сотворила из язычников христианскую общину по поведению Иисуса Христа. Воскресший дает сначала миссионерский приказ. Это было ограничение задания, которое ученики не вполне могли постигнуть – к благодати

для язычников, которые восприняли весть Распятого и Воскресшего. Этот путь и мудрость – Божьи. Нам же остается только повеление.

«Ходя же проповедуйте что приблизилось Царство Небесное; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф 10,7-8). – Посланничество и действенность посланников ничем не отличается от того же у Иисуса Христа. Они – причастники Его власти. Он повелевает благовествовать о наступлении Царства Небесного и дает знаки, подкрепляющие посланничество. Иисус повелевает излечивать больных, очищать прокаженных, оживлять мертвых, изгонять бесов! Благовествование становится событием, и событие подтверждает Благою Весть. Царство Божье, Иисус Христос, прощение грехов, оправдание грешников по вере – это все не что иное, как уничтожение власти дьявола, спасение, воскрешение мертвых. Слово всемогущего Бога становится делом, событием, чудом. По стране идет Один Иисус Христос в лице Своих двенадцати апостолов и творит Свое дело. Царственная благодать, которой наделены ученики, есть творящее и спасающее Слово Вожье.

«Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания» (Мф 10:9-10). – Поскольку миссия и сила посланников состоят единственно в слове Иисуса, то посланникам Иисуса не должно быть видно то, что в этом царственном послании может быть для них неясным или сомнительным. Посланники должны в царственной нужде свидетельствовать о Царстве их Господа. То, что они получили от Иисуса, не является их собственностью, с помощью которой они могли бы приобрести прочие блага. «Даром получили». Быть посланником Иисуса никоим образом не означает быть наделенным личным правом, притязанием на почести или власть. Равно как и если где из свободных посланников Иисуса выйдет священник-чиновник – это то же самое. Права человека с высшим образованием, общественные притязания на какое-то место более не относятся к тому, кто стал посланником Иисуса. «Даром получили»! Разве не один только призыв Иисуса без всякой нашей заслуги привел к служению Ему? «Даром давайте»! Надо уяснить себе, что, раздав свое богатство, вы не помогаете ничему для себя: ни собственности, равно как ни веса, признания, ни благодарности даже! Откуда бы взяться подобным притязаниям? Все, что выпадает нам в качестве почестей, мы ведь похищаем у Того, Кому это на самом деле принадлежит, – у Господа, пославшего нас. Свобода посланников Иисуса должна являть себя в их бедности. Если Марк и Лука, перечисляя то, что ученикам воспрещено или разрешено взять с собой, несколько отличаются от Матфея, то из этого не извлечешь никаких далеко идущих выводов. Иисус повелел

жить в бедности тем, кто находится в Его власти. Хорошо бы не прозевать, что речь идет о *заповеди* Иисуса. Да, наличие имущества у учеников предусмотрено вплоть до мелочей. Не как попрошайки они должны выглядеть, не должны изношенной одеждой бросаться в глаза другим и становиться им в тягость как нахлебники. Они должны следовать в униформе бедности. Они должны столь мало иметь при себе, как тот, кто идет по стране в уверенности, что вечером окажется в доме друзей, где ему дадут приют и позаботятся о его пропитании. Такие надежды они должны возлагать не на людей, но на Того, Кто послал их, и на Отца Небесного, Который позаботится о них. И таким образом они сделают достоверной свою весть, которую благовествуют, а именно: приближение Царства Божия на земле. С той же свободой, с которой они совершают свое служение, они получают кров и пропитание – не как нищенский кусок, но как еду, которой оценивается работник. Иисус называет своих посланников «делателями» (в лютеровском переводе Библии «Arbeiter» – «работник». – *Прим. пер.*). Способности, конечно же, не оцениваются едой. Но что есть работа, как не эта борьба с силами сатаны, эта борьба за сердца людей, этот отказ от личной славы, от благ и радостей мира ради служения бедным, униженным, нуждающимся? Бог Сам имел хлопоты и работу с человеком (Ис 43:24), душа Иисуса трудилась вплоть до Его смерти на кресте для нашего спасения (Ис 53:11). Посланники участвуют в этой работе, в благовествовании, в одолении сатаны и в испрашиваемой заповеди. Кто не признает этой работы, тот ничего не постиг в служении верных посланников Христовых. Они без устыжения могли бы получать ежедневную плату за работу и при этом без устыжения оставаться бедными служения своего ради.

«В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому».
(Матф.10:11-15)

Работа в общине берет своим исходным пунктом дом, который «достоин» дать приют посланникам Иисуса. Бог еще имеет повсюду молящую и ожидающую общину. Учеников принимают здесь смиренно и охотно во имя их Господа. Здесь их работа вдохновлена молитвой, здесь их малая горстка предстательствует за всю общину. Чтобы охранить учеников от раздоров в общине, ложных побуждений или

податливости. Иисус велит апостолам оставаться в одном и том же доме, пока они находятся в каком-то месте. Приходя в дом и город, посланники безотлагательно приступают к делу. Время дорого, его мало. Многие еще ожидают вести. Уже первое приветственное слово, которым они, как их Господь, приветствуют дом: «Мир дому сему!» (Лк 10:5), – не есть пустая формула, но приносит силу мира Господня тем, «кто достоин». Возвещение посланников коротко и ясно. Они сообщают о приближении Царства Божия, они призывают обратиться к вере. Они приходят во всемогуществе Иисуса из Назарета. Исполняется приказ, будучи уполномоченным свыше, делается предложение. И этим все совершено. Поскольку все предельно ясно и просто и поскольку дело не терпит промедления, не требуется долгих приготовлений, дискуссий, агитации. Царь стоит перед дверью, он может войти в любое мгновение: забудьте о себе и смиренно примите Его – или вы хотите, чтобы Он во гневе своем уничтожил и умертвил вас? Кто хочет слышать, тот здесь услышал все; тот не может удерживать посланника, которому надо держать путь дальше, в следующий город. Но кто не хочет слушать, того минует благодатная пора, он сам произнес приговор себе. «Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших!» (Евр 4:7). Это евангельская заповедь. Это немилосердная спешка? Нет ничего немилосерднее, чем морочить людей, что, мол, у них еще есть время для обращения. Нет ничего милосерднее, нет более радостной вести, чем эта, торопящая дело, возвещающая, что Царство очень близко. Посланник не может ждать и каждый раз заново обращаться ко всякому на его языке. Язык Бога достаточно ясен. Посланник также не распоряжается тем, кто будет его слушать и кто нет. Бог знает только тех, «кто достоин». Эти услышат Бога, если только это будет сказано через учеников. Но горе городу и дому, который не примет посланников Иисуса! Ибо приговор будет вынесен ужасный. Содом и Гоморра, города блуда и разврата, ожидает более милостивый суд, чем города Израиля, которые отвергнут слово Иисуса. Слово Иисуса может простить тягости и грехи, но кто сам отвергнет слово спасения, тому больше не спастись. Нет более тяжкого греха, чем неверие в Евангелие. Посланникам здесь ничего не остается, как покинуть эту местность. Они идут дальше; поскольку слово здесь не может остаться. С боязнью и удивлением узнают они равно присущую слову силу и слабость. Но поскольку ученики ни в чем не должны и не смогут принуждать ни по отношению к слову, ни исходя из слова, поскольку по отношению к их миссии речь идет не о героической борьбе, не о фанатичном насаждении великой идеи, «благого дела», – они остаются только там, где остается слово Божье. Если оно отвергается, они отвергаются вместе с ним. Они же отрясают прах со своих ног в знак проклятия, которое еще придет на это место и к которому они не причастны. Мир же, который они принесли этой местности,

возвратится к ним. «Это утешение церковным служителям, думающим, что они ничего не совершили. Не чувствуйте себя виноватыми; если другие чего-то не хотят, то пусть это будет вам тем большим благословением. Таковым Господь сказал так: «Если те отказались от этого, значит, оно остаётся вашим». (Bengel).

Страдания посланников

«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец - сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий. Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?»

(Матф.10:16-25)

Неуспешность и враждебность не заставят посланников усомниться в том, что они посланы Иисусом. Иисус повторяет это как крепкую опору и утешение: *«Вот, Я посылаю вас»!* Это не личный путь и не личное предприятие; это посылание. При этом Господь обещает, что останется со Своими посланниками, когда они будут как овцы среди волков, беззащитны, немощны, уstraшены – и будут в большой опасности. С ними не произойдет ничего, что неизвестно Иисусу. *«Итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».* Как часто служители Иисуса злоупотребляли этим высказыванием! Как это тяжело для послушных посланников Иисуса – правильно все понять и оставаться в послушании! Ибо кто же всегда способен различить духовную мудрость и мирскую изворотливость? Как часто налицо готовность к тому, чтобы отринуть каждое «мудрствование» и только быть в простоте подобным голубю – и именно в силу этого стать непослушным. Кто скажет нам, где мы избегнем страдания из боязни и где мы ищем его из бесстрашия? Кто покажет нам скрытые границы, проведенные тут? Это ведь то же самое непослушание, с которым мы призываем себя к заповеди быть мудрыми против простоты, как и наоборот – простоты против мудрости. Поскольку тут никакое человеческое сердце не способно разобраться само в себе, исходя только из себя, и поскольку Иисус никогда не призывает Своих учеников к неопределенности, а всегда к высшей определенности, – это

напоминание Иисуса не может звать ни к чему другому, как только к тому, чтобы оставаться там, где слово. Где слово, там должен быть и ученик, в этом его истинная мудрость и истинная простота. Если слову приходится уступить, когда его отвергают, тогда со словом вместе отступит и ученик; если же слово остается в открытой борьбе, пусть остается и ученик. В обоих случаях надо поступать одновременно мудро и просто. Но пусть ученик никогда не идет путем, исходя из «мудрости», не основанной на слове Иисуса. «Духовной мудростью» ему никогда не оправдать пути, не соответствующего слову. Только правда слова даст ему узнать, что мудро. Но никогда не бывает «мудро» отламывать истину крошечными частями – ради какой-либо человеческой перспективы или надежды. Не наша оценка положения, но только истина слова Божьего может показать, что мудро. Быть всегда мудрым – это пребывать в правде Божьей. Единственно здесь и есть обетование на Божью верность и помощь. Для всех времен оказывалось верно, что для ученика быть «мудрейшим» в тот или иной момент означает единственно оставаться со словом Божиим.

Посланники получили от слова верные познания о людях. «Остерегайтесь же людей». Не страх перед людьми, не злобное недоверие, а того пуще не человеконенавистничество, однако и не легкомысленную доверчивость, веру в доброту людей, – нет, ученики должны показать верное знание, отношение слова к человеку и человека к слову. Если они здравы в этом, тогда они смогут перенести то, что предсказывает им Иисус: что их путь среди людей станет путем страдания. Но страданиям учеников присуща чудесная сила. Если преступник претерпевает свое наказание в неизвестности, то мученический путь приведет учеников к правителям и царям, «за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками». Весть будет преподана через страдания. Так как существует план Бога и воля Иисуса, то ученикам, когда придет час отвечать перед судами и престолами, будет дана сила для благого исповедания, для бесстрашного свидетельства. Сам Дух Святой будет при них. Это свершится неодолимо. Он даст им «премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам» (Лк 21:15). Поскольку ученики, страдая, остаются при Слове, Слово остается – при них. Если мученичества ищут, оно не имеет этого обетования. Страдание же вместе со Словом определенно дает его.

Ненависть к слову посланников Иисуса останется до конца. Она обязывает учеников говорить обо всех разрывах, которые придут на города и дома. Иисус и Его ученики будут осуждены всеми как разрушители семей, как соблазнитель народа, как безрассудные фанатики. Теперь перед учениками возникает искушение отпасть. Но близок также и конец. А до тех пор имеет смысл оставаться верным, выстоять до конца, упорствовать. Блажен будет лишь тот, кто до конца

останется с Иисусом и Его словом. Но если приходит конец, если вражда по отношению к Иисусу и Его ученикам станет открытой повсеместно, тогда и только тогда посланники должны бежать из одного города в другой, чтобы еще успеть сказать слово там, где еще могут быть услышаны. В этом бегстве они не отделяют себя от слова, но крепко остаются с ним.

Обетование Иисуса о скором пришествии дано нам для сбережения общины в вере в то, что оно истинно. Его исполнение неясно, и здесь не подобает искать человеческие ходы. Но для нас сегодня ясно и единственно важно, что пришествие Иисуса будет скоро и что оно тем вернее, пока мы можем совершать нашу работу по служению Ему, что оно неминуемое, чем наша смерть. Посланники Иисуса ни в чем не могут найти большего утешения, кроме как в уверенности, что в своих страданиях они уподобились Господу. Как учитель, так и ученик, как господин, так и слуга. Если Иисуса назовут дьяволом, насколько же больше слуг дома Его. Итак, Иисус будет с ними, и они во всем будут подобны Христу.

Решение

«Итак не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узно. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без [воли] Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц. Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку - домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее».

(Матф.10:26-39)

Посланник остается при слове, и слово остается при посланнике ныне и присно. Иисус трижды укрепляет Своих посланников призывом: «Не бойтесь». Что случается с ними в тайне, не останется в тайне, но станет явным перед Богом и людьми. Выпадающему им скрытому страданию обетовано, когда придет день, стать явным – для суда над гонителями, для прославления посланников. Свидетельство же посланников не должно оставаться во тьме, но стать открытым свидетельством. Евангелие должно стать не тайным сектантством, но открытой проповедью. Но если сегодня ему приходится жить тут и там, по углам, то в последние времена эта проповедь заполнит весь свет ко спасению и к отвержению. В Откровении Иоанна Богослова, однако, пророчествуется: *«И увидел я другого Ангела, летящего по средине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу» (14:6).* Поэтому: *«Не бойтесь»!*

Не людей надо бояться. Они не имеют оснований много обвинять учеников Иисуса. Их власть прекращается с телесной смертью. Ученики должны преодолеть страх перед смертью через страх перед Богом. Не людской, но Божий суд, не гибель тела, но вечная погибель

тела и души вот в чем опасность для ученика. Кто еще боится людей, тот не боится Бога. Кто боится Бога, тот уже не боится людей. Это положение достойно ежедневного упоминания проповедниками Евангелия.

Власть, данная людям на краткое время на этой земле, дана не без Божьего ведома и соизволения. Если мы попадаем в человеческие руки, если нас настигают страдания и смерть от человеческого насилия, мы, однако же, уверены в том, что все от Бога. Он, Который не даст упасть на землю и воробью без Своей воли и ведома, Он же не даст произойти ничему со Своими, если это им и вещам, за которые они стоят, не будет нужно и ко благу. Поэтому – **«Не бойтесь»!**

Время коротко. Вечность долга. Настало время решений. Кто здесь останется при слове и при исповедании, рядом с тем в час суда будет находиться Иисус Христос. Он узнает его и станет к нему, если жалобщик потребует своего права. Весь мир будет свидетелем, если Иисус назовет наше имя перед Своим Отцом Небесным. Кто в жизни своей держался Иисуса, того Иисус будет держаться в вечности. Но кто стыдится Господа и имени Его, кто отрекается от Него, того устыдится и Иисус в вечности, от того тоже отречется.

Это последнее разделение должно начаться уже на земле. Мир Иисуса Христа есть Крест. Но Крест есть меч Божий уже на этой земле. Он створяет рознь. Сын против отца, дочь против матери, домашние против главы семейства, и все ради Царства Божия и Его мира – это дело Христа на земле! Удивительно, что Его, принесшего людям любовь Божию, мир считает виновным в ненависти к людям! Ибо кто может так говорить об отцовской и материнской любви, о любви к сыну и дочери, как не разрушитель всей жизни или же, напротив, Творец новой жизни? Кто может притязать на любовь и жертву людей только для себя, как не враг человечества или, напротив, Спаситель Человечества? Кто принесет меч в дома, кроме дьявола или Христа, Князя мира! Божья любовь к людям и любовь людей к себе подобным сильно различаются. Божья любовь к людям зовется Крестом и следованием, но как раз в этом она жизнь и воскресение. «Потерявший душу свою ради Меня сбережет ее». Это обещает Тот, Кто имеет власть над смертью, – Сын Божий, Который идет на Крест и к Воскресению и берет с Собой Своих.

Плод

«Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня; кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей».
(Матф.10:40-42)

Носители Слова Иисуса получают последнее слово обетования для своих деяний. Они сотрудники Христа, они должны стать подобными Христу во всем и для людей, к которым они идут, они должны стать «как Христос». Сам Христос вместе с ними посещает дом, в котором их принимают. Они носители Его присутствия. Они несут людям ценнейший подарок, Иисуса Христа, и с Ним – Бога, Отца, то есть прощение, спасение, жизнь, блаженство. Это награда и плоды их работы и их страданий. Всякое служение, которое им предстоит, уже сделано Самим Иисусом Христом. Это равным образом благодать для общины и для посланников. Тем охотнее община будет делать добро посланникам, славить их и служить им; ибо вместе с ними приходит Сам Господь. Ученики, однако, должны знать что их посещение дома не проходит впустую и напрасно, но что они приносят несравненный дар. Это закон Царства Божьего, что каждый – причастник дара, послушно принимаемого как исходящий от Бога. Кто принимает пророка, зная то, что он делает, тот достоин своего дела, своего дара и своей награды. Кто принимает праведника, тот получит награду праведника, ибо участвует в его праведности. Но кто протянет только чашу с водой одному из малых сих, этих нищих, не имеющих почетных титулов, этих посланников Иисуса Христа, тот служит Самому Иисусу Христу, и ему выпадет награда от Иисуса Христа.

Так последняя мысль посланников направляется не на их личный путь, личные страдания и личную награду, но на цель их трудов, на спасение общины.

II

ЦЕРКОВЬ ИИСУСА ХРИСТА И СЛЕДОВАНИЕ ЕМУ

Предварительные замечания

При первых учениках Иисуса Он присутствовал Сам, со Своим словом. Но Этот Иисус умер и воскрес. Как же достигает нас сегодня Его призыв следовать? Иисус уже более не идет передо мной телесно, как перед мытарем Левием, чтобы призвать: следуй за Мной! Собственно, даже если бы я был готов, услышав сердцем, оставить все и следовать, что дает мне право на это? То, что для кого-то было таким недвусмысленным, для меня является решением в высшей мере сомнительным, не поддающимся проверке. Как мне прийти к тому, чтобы призыв Иисуса к мытарю мог быть действительным и для меня? Не Иисус ли говорил другим и по другим поводам совершенно другое? Разве расслабленного, которому простил грехи и которого спас, разве Лазаря, которого воскресил из мертвых, Он любил меньше, чем Своих учеников – и, тем не менее, не призвал их, бросив ремесло, следовать Ему, но оставил дома, в семье, при деле? Кто я такой, чтобы предлагать себе совершить нечто необычное, подвиг? Кто говорит мне и кто говорит другим, что я действую не по своему произволу, не прекраснодушествовую? Ведь это, напротив, никак не было бы следованием! Все эти вопросы – надуманные; задаваясь ими, мы снова и снова ставим себя вне живительного присутствия Христа. Все эти вопросы не считаются с тем фактом, что Иисус не мертв, но жив сегодня и через свидетельство Св.Писания по-прежнему обращается к нам. Он для нас ныне рядом, воплощен, со Своим Словом. Если мы хотим услышать Его призыв следовать, то мы должны слышать Его там, где Он Сам. Призыв Иисуса Христа совершается в Церкви через ее слово и таинство. Проповедь и таинство Церкви есть место присутствия Иисуса Христа. Если ты хочешь слышать призыв Иисуса к следованию Ему, тебе для этого не надо никакого личного откровения. Слушай проповедь и воспринимай таинство! Слушай Евангелие Распятого и Воскресшего Господа! Здесь Он весь, Тот же Самый, Который встречался с учениками. Да, здесь Он уже Воссиявший, Победитель Живой. Никто, кроме Него, не может призывать следовать. Но поскольку в следовании речь никогда по существу не идет о решении по тому или иному делу, но всегда о решении за или против Иисуса Христа, – именно поэтому ситуация для ученика или мытаря, который был Им призван, не более однозначна, чем для нас сегодняшних. Ведь следование было также послушанием тех первых призванных единственно потому, что Христос был опознан теми, кого Он зовет.

Призыв как таковой многозначен. Он всецело зависит от Призывающего. Но Христос познается только в вере. К ним это относится так же, как и к нам. Те видели равви и чудотворца и верили Христу. Мы слышим Слово и веруем Христу.

Но не счесть ли преимуществом тех первых учеников то, что они там, где узнали Христа, восприняли Его недвусмысленную проповедь, то что они слышали ее из Его уст, что надо делать, – и не оставлены ли мы в этом решающем месте христианского послушания? Не обращается ли Тот же Самый Христос к нам иначе, нежели к ним? Будь это так, мы оказались бы, конечно, в безнадежном положении. Но это ничуть не верно. Христос говорит с нами не по-другому, нежели говорил в то время. Ведь во времена первых учеников дело обстояло не так, что они сначала признавали в Нем Христа, а потом воспринимали Его заповедь. Напротив, они узнавали Его не иначе, чем через Его слово и заповедь. Они верили Его слову и заповеди и признавали в Нем Христа. Ученикам не было дано другой возможности познания Христа, кроме как через Его ясное слово. Поэтому нужно было придерживаться того, что верное познание Иисуса как Христа одновременно включает познание Его воли. Познание Личности Иисуса не освобождает ученика от уверенности в своем деле, но, напротив, творит ее. Другого же познания Христа вообще не дано. Если Христос – живой Господин моей жизни, тогда во встрече с Ним я узнаю Его слово, обращенное ко мне, тогда, несомненно, я узнаю Его не наяву, но через Его ясное слово и заповедь. Возражение, по видимости уместное, что мы, мол, и хотели бы вполне познать Христа и веровать в Него, но не можем познать Его воли, свидетельствует о смутном, искаженном познании Христа. Познать Христа означает познать Его в Его слове как Господа и Спасителя. Но это предполагает познание Его ясного слова, обращенного ко мне.

Говоря же, наконец, что заповедь должна быть для учеников недвусмысленной, мы все же склонны иной раз сами решать, какие из Его слов относятся к нам, а значит, опять же превратно понимаем не только положение учеников, но и свое собственное. Заповедь Иисуса всегда направлена на то, чтобы потребовать веры от неразделенного сердца, чтобы требовать любви к Богу и к ближнему – от всего сердца и из всей души. Заповедь однозначно заключалась единственно в этом. Каждая попытка осуществить заповедь Иисуса без того, чтобы это уяснить, стала бы опять-таки превратным толкованием и непослушанием по отношению к слову Иисуса. С другой стороны, однако, мы не лишены познания конкретной заповеди. Более того, в каждом благовествуемом слове, где мы слышим Христа, ясно сказано – конечно, так, что мы знаем, – что ее исполнение осуществляется только и исключительно в вере в Иисуса Христа. Итак, дары Иисуса Его ученикам сохранены для нас во всем, ведь они становятся к нам даже

ближе через смерть Иисуса, через наше знание о Его Преображении и о ниспослании Св.Духа.

При этом должно быть совершенно ясно, что мы не можем противопоставлять историю призвания учеников остальным рассказам. Речь никогда не идет о том, чтобы мы были или стали подобны ученикам или кому другому из Нового Завета, но только о подобии Иисусу Христу и Его призыву тогда и сейчас. Ведь Его слово осталось тем же, в земной ли Его жизни, ныне ли, было ли оно обращено к ученикам или к расслабленному. Оно сейчас, как и тогда, остается исполненным благодати призывом к Его Царству и Его власти. Вопрос, надо ли мне сравнивать себя с учеником или с расслабленным, поставлен опаснейше ложно. Я вообще не могу себя сравнивать ни с одним из них. Более того, я должен слушать и исполнять единственно слово и волю Христа, как я воспринимаю их через то или иное свидетельство. Св.Писание не представляет нам череду разных христианских типажей, которым мы могли бы уподобиться по собственному выбору, но в каждой строке оно проповедует нам Единого Иисуса Христа. Я должен слушать единственно Его. Он всюду Тот же самый и Единый.

Итак, на вопрос, где же нам нынче услышать призыв Иисуса к следованию Ему, нет другого ответа, кроме: ***Слушай проповедь, воспринимай таинства, слушай в этом Его Самого, и ты услышишь Его призыв!***

КРЕЩЕНИЕ¹⁵

Понятие следования, которое у Матфея, Марка и Луки было выражено почти целокупностью отношений ученика к Иисусу Христу, у Павла резко отодвинуто на задний план. Павел благовествует нам в первую очередь не историю Господа и Его земные дни, но присутствие Воскресшего и Преображенного и Его воздействие на нас. Для этого он испытывает потребность в новых, собственных понятиях. Его понятийность исходит из особенностей сюжета и нацелена на целостное благовествование о Едином Господе, Который жил, умер и воскрес. Различная понятийность соответствует полному свидетельству о Христе. Таким образом, понятийность Павла должна была подтверждать синоптиков и наоборот, и ни одна не имеет преимуществ перед другой; ибо мы не: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «я Христов», но мы даем свою веру единству свидетельств Св.Писания о Христе. Мы разрушим единство Св.Писания, сказав, что Павел, дескать, благовествует о Христе, Который в такой же степени и нам, современен, а свидетельство синоптиков якобы говорит о присутствии Иисуса Христа, Которого мы уже более не знаем. Говорить таким образом будто бы означает пойти дальше исторического реформаторского мышления, но в действительности же, наоборот, это есть опаснейшее своеволие. Кто сказал нам, что еще сегодня мы находимся в присутствии Христа, возвещенного Павлом? Кто говорит это иначе, чем Св.Писание? Или тут следует толковать о свободном, не со словом связанным познании Христова присутствия и воздействия? Но если есть только Писание, свидетельствующее о присутствии Христа, то оно делает это именно в качестве целого, как таковое, подтверждающее нам присутствие синоптического Иисуса Христа. Синоптический Христос нам не дальше и не ближе, чем Христос Павла. Нам современен Христос, о котором нам свидетельствует Св.Писание в целом. Вочеловечившийся, Распятый, Воскресший и Преобразившийся, Он встречает нас в Своем Слове. Различная понятийность, в которой синоптики и Павел передают это свидетельство, не наносит никакого ущерба единству свидетельства Св.Писания¹⁶.

¹⁵ Автор придерживается здесь учения о крещении Лютеранской Церкви. Существуют и другие толкования. – Ред.

¹⁶ Смешение онтологического высказывания и возвещаемого свидетельства есть сущность всякого духа своемыслия. Высказывание: Христос воскрес и присутствует, – понятие онтологически, есть как отмена единства Писания. Ибо оно заключало бы в себе высказывание об образе жизни Иисуса Христа, который, напр., отличается от Иисуса у синоптиков. То, что Иисус Христос воскрес и сейчас присутствует, становится здесь высказыванием как таковым, с собственным онтологическим значением, высказыванием, которое могло бы быть критически применено к другим онтологическим высказываниям. И стало бы богословским принципом. Аналогом здесь является, напр., своевольный перфекционизм, проистекающий из такого онтологически ложного понимания высказываний Св.Писания о священном. Здесь, напр., выска-

Призыв и начало следования имеют у Павла свои соответствия в *крещении*.

Крещение является не предложением человека, но *предложением Иисуса Христа*. Оно основано только благодатной призывающей волей Иисуса Христа. Крещение означает крещаемость, оно есть переживание призыва Христа. Человек переходит во владение Христа. Имя Иисуса Христа произносится над крещаемым, человек становится участником этого имени, он крестится в «Иисуса Христа» (εἰς Рим, 6:3; Гал 3:27; Мф 28:19;). Теперь он принадлежит Иисусу Христу. Он вырван из власти мира и стал владением Христа.

Таким образом, крещение означает *разрыв*. Христос наступает на сферу власти сатаны и простирает Свою руку над Своими, создает Свою общину. При этом разрываются прошлое и будущее. Старое миновало, все обновилось. Разрыв происходит не так, что человек рвет свои цепи, охваченный неутолимой жаждой нового, свободного порядка вещей и своей жизни. Прежде всего этого Христос Сам произвел этот разрыв. Теперь в крещении этот разрыв распространяется и на мою жизнь. У меня отымается непосредственное отношение к данностям мира, поскольку Христос, Посредник и Господь, ступил между мной и миром. Кто крещен, уже более не принадлежит миру, не служит ему, не поработен им. Он принадлежит только и исключительно Христу и относится к миру только через Христа.

Разрыв с миром доходит до предела. Он требует и добивается *смерти человека*¹⁷. В строгом смысле эта смерть должна пониматься как событие, связанное со страданием. Не сам человек, отдавая себя смерти через всяческое отречение и отказ, должен делать невозможную попытку. Такая смерть никогда не стала бы той смертью ветхого человека, которой требует от нас Христос. Ветхий человек не может умереть сам. Он не может хотеть своей смерти. Человек умирает только во Христе, через Христа, со Христом. Христос – это его смерть. Ради единения со Христом и только ради него умирает человек. Приобщаясь

звание, что кто в Боге, тот не грешит, – делается исходным онтологическим пунктом мышления; высказывание же при этом оторвано от Св.Писания и возведено до уровня самостоятельной, познаваемой истины. Ему абсолютно противостоит характер возвещаемых свидетельств. Высказывание: Христос воскрес и присутствует – строго понимаемое как свидетельство Св.Писания, верно только как слово Св.Писания. И этому слову я отдаю свою веру. Для меня здесь не существует других мыслимых подступов к этой истине, кроме как только через это слово. Но этим словом мне в равной мере показано присутствие и Павлова, и синоптического Иисуса, так что близость к одному или другому определяется не через что иное, как только через слово, через свидетельство Св.Писания. При этом никогда не оспаривалось, что Павел имеет отличное от синоптиков свидетельство о предмете и понятийности, но и то и другое понимались в строгой связности всего хода Св.Писания.

Все это не только априорное сознание, протекающее из строгого канонического понимания: в каждом конкретном случае нужно снова доказывать на деле правильность этого понимания Св.Писания. В дальнейшем будет показано, как понятие следования и свидетельства Павла воспринималось в измененной понятийности и было поведено дальше.

¹⁷ Уже Иисус назвал Свою смерть Крещением и обещал Своим ученикам это крещение смертью (Мк 10:39; Лк 12:50;).

ко Христу в благодати крещения, принимает он свою смерть¹⁸. Эта смерть есть благодать, которую сам человек никогда не сможет сотворить для себя. Хотя в нем творится суд над ветхим человеком и его грехами, из этого суда, однако, возникает новый человек, который погибает для мира и для греха. Так что эта смерть – не последнее гневное отвержение созданного Творцом, но благодатное принятие созданного – через Творца. Это крещение смертью есть благодатная смерть, обретаемая нами через смерть Христа. Это смерть в силе и приобщении к Кресту Господню. Кто переходит в удел Христов, тот ступай под Его Крест. Он должен страдать и умереть вместе с Ним. Кто получает приобщение к Иисусу Христу, тот должен умереть благодатной смертью крещения. Это творит Крест Господень, под который Христос ставит Своих учеников. Крест Господень и смерть Его были мучительны и тяжелы; бремя нашего креста кротко и легко благодаря приобщению к Нему; Крест Господень есть наша однократная смерть в крещении, исполненная благодати; наш крест, к которому мы призваны, есть ежедневное умирание в силе произошедшей смерти Христа. Таким образом, крещение превращается в снискание крестного единения с Иисусом Христом (Рим 6:3; и след.; Кол 12:12;). Уверовавший приходит ко Кресту Господню.

Смерть в крещении есть *искупление грехов*. Грешник должен умереть, чтобы стать свободным от своих грехов. Кто умер, тот искуплен от грехов (Рим 5:7; Кол 2:20;). На мертвых грех более не имеет права, со смертью его притязание сокращается и прекращается. Так единственно через смерть совершается искупление от (ἀπό) греха. Отпущение грехов означает не пренебрежение ими или их забвение, но действительное умерщвление грешника и отделение от (ἀπό) греха. Но то, что смерть грешника – к оправданию, а не к осуждению, имеет единственную основу в том, что эта смерть претерпевается в приобщении к смерти Иисуса Христа. Крещение в смерть Христову творит прощение грехов и искупление, оно творит полнейшее отделение от греха. Приобщение к Кресту, к которому призывал Иисус Своих учеников, есть для них дар искупления, смерти и прощения грехов. Ученик, который последовал, приобщившись к Кресту, получает не иной дар, чем верующий, получающий крещение по учению Павла.

Что крещение, при всей пассивности, к которой оно вынуждает, все же не может быть понимаемо как механический процесс, делается ясным через связь *крещения и Духа* (Мф 3:11; Деян 10:47; Ин 3:5; 1Кор 6:11; 12:13). Дар крещения есть Св.Дух. Дух же Божий, однако, есть живущий в сердцах верующих Христос (2Кор 3:17; Рим 8:9-11; и след.;

¹⁸ Шлаттер соотносит с крещением муками также 1Кор 15:29;

Еф 3:16; и след.). Крещение есть дом, в котором Св.Дух сотворил себе жилище (οἶκεῖ). Святой Дух обнаруживает нам сохраняющееся присутствие Иисуса Христа и связь с Ним. Он дает нам истинное познание Его сути (1Кор 2:10;) и Его воли, он учит и напоминает нам обо всем, что сказал нам Христос (Ин 14:26;), он ведет нас к полноте истины (Ин 16:13;), чтобы нам не было недостатка в познании Христа, чтобы мы могли узнать, что нам дано Богом (1Кор 2:12; Еф 1:9;). Святой Дух творит в нас не неопределенность, но определенность. Поэтому мы можем жить по духу (Гал 5:16; 8:25; Рим 8:1,4;) и сделать определенные шаги. Меру определенности, которую ученики имели во время земного единения с Ним, Христос не отобрал у них после Своей смерти. Через ниспослание Св.Духа в сердца крещеных уверенность познания Иисуса Христа не только сохраняется, но и усиливается – и укрепляется через близость единения (Рим 8:16; Ин 16:12; и след.).

Если Иисус призывал к следованию, то Он требовал *зримого акта послушания*. Следовать Иисусу означало действовать открыто. Совершенно так же крещение есть событие открытое; ибо в нем совершается включение в зримую общину Иисуса Христа (Гал 3:27; и след.; 1Кор 12:13;).

Осуществляющийся во Христе разрыв с миром уже более не может оставаться втайне, он должен стать зримым внешне через принадлежность к служению Богу и к жизни в общине. Христианин, держащийся общины, делает шаг из мира, из ремесла, из семьи, он стоит, зримый, в единении с Иисусом Христом. Он сам, один делает этот шаг. Но он вновь обретает то, что оставил, братьев, сестер, дома, пашню. Крещеный живет в видимой общине Иисуса Христа. Что это означает и включает в себя, должно быть показано в следующих частях о «Теле Христовом» и о «зримой общине».

Крещение и его дар есть нечто *единичное*. Никто не может быть крещен во Христа дважды¹⁹. В Послании к евреям ап.Павла неповторимость и единственность этого благодатного деяния Божия возвещается в том неясном месте, в котором для крещеного и обращенного отрицается возможность повторного покаяния (Евр. 6:4; и след.). Кто крещен (по вере), тот соучаствует в смерти Христовой. Он получил через эту смерть свой смертный приговор и умер. Как Христос умер за каждого (Рим 6:10;) и как не дано повторения Его жертвы, так крещеный претерпевает вместе со Христом свою смерть – один за всех. Теперь он умер. Ежедневное умирание христианина есть всего лишь следствие смерти через крещение, как умирает дерево, у которого отрезали корни. Отныне к крещеному относится: «Так и вы почитайте себя мертвыми для греха» (Рим 6:11;). Крещеные познают себя только как умерших, как тех, для кого уже все совершено во спасение. Это

¹⁹ Крещение Иоанна, правда, должно было быть обновлено крещением во Христа (Деян.19:5;).

припоминаемое повторение веры в исполненное благодатью дело смерти Христовой в нас, но отнюдь не реальное повторение снова совершающегося благодатного деяния этой смерти, которой живет тот, кто крещен. Он живет в своем крещении неповторимостью смерти Христа.

От строгой неповторимости крещения здесь падает свет, исполненный значения, на крещение детей²⁰. Не то сомнительно, есть ли крещение ребенка крещение, но именно поскольку крещение ребенка есть крещение, неповторимое и единственное крещение, потому теперь следует найти определенные границы этого обряда. Хотя это определено не было знаком здоровой жизни общины, когда верующие христиане во втором и третьем веках часто принимали крещение только в старости или на смертном одре, но попутно обнаруживается ясность во взгляде на вид благодати крещения, который впоследствии нами был совершенно утрачен. Для крещения ребенка это значит, что крещение должно проводиться только там, где может быть обеспечено повторяющееся напоминание веры в спасительный акт, совершаемый за всех, т.е. в живой общине. Крещение детей без общины есть не только злоупотребление таинством, но, кроме того, сюда вкладывается облегченный смысл в вопросе о спасении души детей, который должен быть отвергнут; ибо крещение остается неповторимым.

Равным же образом призыв Иисуса имел единственное и неповторимое значение для призванных. Кто следовал Ему, умирал для своего прошлого. Во имя этого Иисус требовал от Своих учеников, чтобы они оставили все, что имели. Становилась ясной и категорическая неповторимость решения, и полнота дара, который они получили от своего Господа. «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» Единственность дара Иисуса не могла быть выражена острее. Он взял у них их жизнь, но теперь Он захотел приготовить для них жизнь, целую, наполненную жизнь, и Он послал им Свой Крест. Это был дар крещения первым ученикам.

²⁰ К известным местам, в которых крещение детей приписывается уже новозаветной эпохе, надо добавить, может быть, из Первого соборного послания Иоанна (2:12 и след.). Двукратная последовательность: дети, отцы, юноши – допускает предположение, что *τεκνία* ст.12 есть не общее обозначение для общины, но что под этим действительно надлежит понимать детей.

ТЕЛО ХРИСТОВО

Первые ученики жили в телесном присутствии Иисуса и единении с Ним. Что означает это и в чем продолжается для нас это приобщение? Через крещение мы становимся членами тела Христова, говорит Павел. Это высказывание, чуждое и недоступное для нас, требует основательного разъяснения.

Это сказано нам с тем, чтобы те, кто принял крещение после смерти и Воскресения Господа, могли жить в телесном присутствии Иисуса и приобщении к Нему. Смерть Иисуса означает для исповедующих Его не потерю, но, напротив, новый подарок. Первые ученики в телесном присутствии Иисуса могли иметь не более и не что-то иное, чем мы имеем сегодня, нам это единение дано даже крепче, полнее, определеннее, чем им. Мы живем в полном единении, в телесном присутствии Преображенного Господа. Для нашей веры величина этого дара не должна оставаться неосознанной. Тело Иисуса Христа есть основа нашей веры, в нем ее определенность, тело Иисуса Христа есть единственный и совершенный дар, в котором мы становимся причастными к спасению, тело Иисуса Христа есть наша новая жизнь. В теле Иисуса Христа мы приняты Богом в вечности.

С грехопадением Адама Бог послал грешному, человечеству Свое Слово – искать людей и *принимать*. Слово Божье в нас – для того, чтобы снова принять назад потерянное человечество. Слово Божье пришло как обетование, оно пришло как закон. Оно было слабым и малым – ради нас. Но люди отвергали Слово и не хотели принять его. Они приносили жертвы, они творили дела, которые должны были заменить Бога, чтобы самим при этом откупиться.

И вот происходит чудо из чудес. Сын Божий становится Человеком. Слово стало плотью. Тот, Кто явился из вечности и был в славе Отца, Кто имел образ Божий, Кто в начале всех начал был Посредником сотворения, так что сотворенный мир может быть познан только в Нем и через Него, Сам Бог (1Кор 8:6; 2Кор 8:9; Фил 2:6; и след.; Еф 1:4; Кол 1:6; Ин 1:1; и след.; Евр 1:1; и след.) принимает человечество и сходит на землю. Он принимает человечество тем, что Он принимает человеческую сущность, человеческую «природу», «греховную плоть», человеческий образ (Рим 8:3; Гал 4:4; Фил 2:6; и след.). Бог принимает человечество теперь уже не через проповедуемое только Слово, но в Теле Иисуса. Божье сострадание посылает Его сына в плоть, чтобы Он принял в ней на Себя и нес все человечество. Сын Божий, воплотившись, принимает все человечество, которое отвергло невидимое слово и Божию бестелесную плоть, находясь в богоненавистничестве, в гордыне. Теперь оно принято в теле Иисуса

Христа – воплощенно и истинно – таким, какое оно есть, из сострадания Божия.

Отцы Церкви при рассмотрении этого чуда, мучаясь, спорили о том, что же здесь должно было быть сказано: что Бог принял человеческую природу, но не то, что Бог выбрал единственного совершенного человека, чтобы объединиться с ним. Бог стал Человеком. Это значит: Бог воспринял всю болезненную, греховную природу человека, Бог принял все падшее человечество; но не: Бог придал к людям Иисуса. Правильное понимание спасительного послания зависит от этого ясного различия. Тело Иисуса Христа, в котором мы приняты вместе со всем человечеством, есть, таким образом, основа этого спасения.

Это грешная плоть, Он несет ее – но без греха (2Кор 5:21; Евр 4:15;). Где Его человеческое тело, там принятие всей плоти. «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни» – в силу этого одного Иисус мог исцелять немощи и болезни человеческой природы, поскольку Он в Своем теле нес все наши немощи и болезни (Мф 8:15-17;). «Он был уязвлен нашими злодеяниями и заклан за наши грехи». Он нес наши грехи – поэтому Он может отпустить грехи, ибо в Его теле «принята» наша грешная плоть. Потому Иисус принял грешников (Лк 15:2;), что Он перенес их телесно. С Иисусом наступило «Лето Господне» (Лк 4:19;).

Итак, вочеловечившийся Сын Божий был в двух ипостасях – Он Сам и новое человечество. То, что Он делал, делал Он одновременно и для нового человечества, которое Он нес в Своем теле. Итак, Он – второй Адам, «последний» Адам (1Кор 15:45;). И Адам был единственным, и все человечество в одном. И Адам нес все человечество в себе. В Нем пало все человечество «в Адаме» (человеке), пал «человек» (Рим 5:19;). Христос есть второй Человек (1Кор 15:47), в Котором сотворено новое человечество. Он – «новый человек».

Отсюда мы постигаем прежде всего сущность телесного единения, которое было даровано ученикам с Иисусом. Что единение учеников в следовании было телесным, не случайно, но необходимо для человеческого становления. Пророк или учитель не нуждаются в последователях, им нужны ученики и слушатели. Вочеловечившийся Сын Божий, пришедший в человеческой плоти, нуждается в общине последователей, которые причастны не только к Его учению, но и непосредственно к Его телу. Последователи имеют единение с телом Иисуса Христа. Они живут и страдают в телесном единении. Общность с телом Христовым возлагает на них крест. Ибо они все приняты и несомы в Нем.

Земное тело Иисуса распято и умирает. Новое человечество сораспято в Его смерти и умирает с Ним. Поскольку Христос принял не

человека, но человеческий «образ», греховную плоть, человеческую «природу», то с Ним страдает и умирает все, что Он нес. Это все наши болезни и все наши грехи, которые Он несет на Крест; мы – те, кто с Ним распят и умирает. Хотя земное тело Христа умирает, но как нетленное, преображенное тело оно восстает из смерти. Это же самое тело – гробница была пуста! – и оно же – новое тело. Так Он несет человечество, с которым Он умер, – в воскресение. Так в преображенном теле Он несет человечество, которое Он принял на земле.

Как достигаем мы живительного участия в этом теле Христа, Который сделал это все за нас? Ведь ясно, что не дано другого единения с Иисусом, кроме приобщения к Его Телу, в котором мы только и приняты, в котором одном и лежит наше спасение! Мы приобщаемся к телу Христову через оба таинства тела Христова, через крещение и причастие. Евангелист Иоанн усматривает элементы обоих таинств, воду и кровь, исходящими из распятого тела Христа (Ин 19:34-35;). Это свидетельство подтверждается Павлом: он всецело связывает членство в теле Христовом с обоими таинствами²¹. Цель и источник таинства есть тело Христово. Поскольку тело Христово – явлено, постольку единственно оно и даёт таинства. Не только слово проповеди созидает наше единение с телом Иисуса Христа – сюда должно быть добавлено таинство. Крещение есть включение в единство тела Христова, причастие – получение единения (κοινωνία) в теле. Крещение сотворяет для нас членство в теле Христовом. Мы «вкрещены» во Христа (Гал 3:27; Рим 6:3;), мы «крестились в одно тело» (1Кор 12:13;). Мы посвящаемся Св.Духом в крещение смертью, что получил Христос Своим телом для всех. Приобщение к телу Христову, которое мы получаем, означает, что мы теперь «со Христом», «во Христе» и что «Христос в нас». Эти выражения получают верный смысл от правильного понимания тела Христова.

Именно «со Христом» все люди оказываются в силе человеческого становления. Иисус всецело несет человеческую природу. Поэтому Его жизнь, Его смерть и Воскресение есть реальное событие во имя всех людей (Рим 5:18; и след.; 1Кор 15:22; 2Кор 5:14;). Но «со Христом» христиане связаны особым образом. Что другим ко смерти, то им к милости. При крещении им говорится, что они «умерли со Христом» (Рим 6:8;), «ветхий наш человек распят с Ним» (Рим 6:6; Кол 2:20), они «погреблись с Ним» (Рим 6:4; Кол 2:12;), «соединены с Ним подобием смерти Его» (Рим 6:5;) и что именно поэтому они с Ним будут жить (Рим 6:8; Еф 2:5; Кол 2:12; 2Тим 2:11; 2Кор 7:3;). «Мы со Христом» – это имеет свою основу в том, что Христос Еммануил, «с нами Бог» – есть. Только тому, кто так познает

²¹ Писание к Ефесянам (3:6;) так же включает все Св.Дары: слово, крещение, причастие.

Христа, это к благодати – быть-со-Христом. Он становится «крещеным во Христа» (εἰς), в единение с Его страстями. И так сам он становится членом этого тела, и общность крещаемых превращается в тело, которое есть собственное Тело Христа. Итак, они «во Христе» (ἐν) и «Христос в них». Они более уже не «в законе» (Рим 2:12; 3:19;), «во плоти» (Рим 7:5; 8:3; 8:9; 2Кор 10:3;), «в Адаме» (1Кор 15:22), но всем своим существованием и всеми жизненными проявлениями они отныне «во Христе».

Павел выражает чудо воплощения Христа в почти неисчерпаемом богатстве отношений. Все сказанное подталкивает нас подытожить его в таком предложении: Христос – «для нас», не только в слове и образе мыслей, но и Своей жизнью во плоти. Он стоит Своим телом там, где мы должны стоять перед Богом. Он ступил на наше место. Он страдает и умирает за нас. Он может это, поскольку Он несет нашу плоть (2Кор 5:21; Гал 3:13; 1:4; Тит 2:14; 1Фес 5:10;). Тело Христово есть в собственнейшем смысле «для нас» – на кресте, в слове, в крещении, в причастии. В этом основа телесного единения с Иисусом Христом.

Тело Иисуса Христа есть, собственно, Им принятое новое человечество. Тело Христово есть Его община. Иисус Христос есть Он Сам и Его община одновременно (1Кор 12:12;). Иисус Христос с Пятидесятницы живет на земле в теле Своем, в общине. Здесь Его тело, распятое и воскресшее, здесь – принятое человечество. Поэтому принять крещение означает стать членом общины, членом Тела Христового (Гал 3:28; 1Кор 12:13;). Поэтому быть во Христе означает – быть в общине. Но если мы в общине, то мы по-настоящему и во плоти в Иисусе Христе. Тогда понятие Тела Христового становится зримым во всей своей полноте.

Пространство Иисуса Христа после Его смерти принято Его Телом – Церковью. Церковь есть присутствие Христа. Припомним же в связи с этим изрядно позабытые мысли о Церкви. Мы привыкли думать о Церкви как об институте. Но Церковь следует понимать как воплощенную *Личность*, разумеется, как одну-единственную личность.

Церковь есть единое. Все крещенные – «одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28; Рим 12:5; 1Кор 10:17;). Церковь есть «человек». Она – «новый человек» (*καὶνὸς ἀνθρώπος*). И как таковая она создана Господней смертью на кресте. Здесь упразднена вражда между иудеями и язычниками, которая раздирала человечество, «дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир» (Еф 2:15;). «Новый человек» есть один, это не множество. Вне Церкви, которая есть новый человек, остаются только ветхие, изношенные люди.

Этот «новый человек», который есть Церковь, создан «по Богу, в праведности и святости истины» (Еф 4:24;). Он «обновляется в познании по образу Создавшего его» (Кол 3:10;). Тут речь идет не о Ком другом, но о Самом Христе как образе Божиим. Адам был первый

человек, созданный по образу Творца. Но он утратил этот образ, когда пал. Теперь по образу Божию сотворен «второй человек», «последний Адам»; это Иисус Христос (1Кор 15:47;). Итак, «новый человек» есть одновременно Христос и Церковь. Христос есть новое человечество в новом человеке: Христос есть Церковь.

Отдельный человек относится к «новому человеку» так, что последний его «облекает»²². «Новый человек» есть одежда, которая должна прикрыть отдельного человека. Отдельный человек должен одеть себя в образ Божий, который есть Христос и Церковь. Кто крестится, тот облачается во Христа (Гал 3:27;), что в свою очередь означает включение в Его Тело, в Единого Человека – не в эллина, не в иудея, не в свободного, не в раба, но именно в общину. Получается новый человек не как таковой – он будет отныне в общине, через Тело Христово. Кто в одиночку хочет стать новым человеком, останется ветхим. Стать новым человеком означает прийти в общину, стать членом Тела Христова. Не праведный и святой одиночка есть новый человек, но община, Тело Христово, Христос.

Распятый и Воскресший Христос существует через Духа Святого как община, как «новый человек», и так же истинно Он есть Вочеловечившийся и пребывает в вечности, так же истинно Его тело есть новое человечество. И как воплотилась в Нем полнота Божественности и сотворено жилище, так и те, кто в Его уделе, наполнены Христом (Еф 1:22; Кол 1:18; 2:19;). Да, они сами суть эта Божественная полнота, потому что они суть Его тело и потому что единственно Он исполняет все во всем.

Единство Христа со Своей Церковью, Своим Телом, требует наряду с этим, чтобы Христос был познан как Господин Своего Тела. Поэтому при дальнейшем изложении понятия тела Христос назван Главой тела (Еф 1:22; Кол 1:18; 2:19;). Соблюдается ясное предстояние: Христос есть Господь. Факт Священной истории, делающий это предстояние неизбежным, и мистическое слияние никогда не смешиваются; есть Вознесение Христа и Его возвращение. Тот же Христос, Который присутствует в общине, снова и снова сходит с небес. Это – тот же Господь, здесь и там, это – та же Церковь, здесь и там, это – одно и то же Тело Того, Кто присутствует здесь, и Того Кто снова на

²² В образе ἐνδύσκειν налицо в некотором смысле пространственное представление о жилище, облекании. Быть может, так же следует в этой связи интерпретировать 2Кор 5:1; и след. Здесь ἐνδύσκειν встречается в связи с небесным οἰκῆτήριον. Без этого οἰκῆτήριον человек γυμνός гол и раздет и должен страшиться Бога. Он не покрыт и имеет потребность быть прикрытым. Это происходит через одевание небесным οἰκῆτήριον. Или «одеванию» οἰκῆτήριον Церкви в этом мире не следует находить соответствие в одевании небесной Церковью, по которой тоскует Павел? И здесь, и там одна Церковь, которой мы покрыты, шатер Божий, пространство Божественного присутствия и прикрытия – и тут и там это Тело Христово, которое нас прикрывает.

облаках. Но серьезное различие – здесь мы или там. Итак, единство и различие необходимо обусловлены друг другом.

Церковь есть единое, она есть Тело Христово, но она к тому же есть множество и единение членов (Рим 12:5; 1Кор 12:12; и след.). Тело имеет многие члены, и каждый: глаз, рука или нога – есть и остается тем, что есть, – в этом смысл Павловского сравнения! Рука не станет глазом, и глаз не станет ухом. Каждый остается тем, что он есть. Но все-таки они только то, что они суть как члены единого тела, как единение, служащее в единстве. Только в единстве общины каждый отдельный человек есть то, что он есть, и единение каково оно есть; так же как община только во Христе и Его теле есть то, что она есть. Здесь ясно выступает роль Святого Духа. Он – то, что Христос приносит отдельным людям (Еф 3:11; 1Кор 12:3;). Через собрание отдельных людей Он выстраивает Свою Церковь, целое которой завершается, однако, уже только во Христе (Еф 2:22; 4:12; Кол 2:2;). Он творит общину (2Кор 13:13;) членов тела (Рим 15:20; 5:5; Кол 1:8; Еф 4:3;). Господь есть Дух (2Кор 3:17;). Церковь Христова есть присутствие Христа в Св.Духе. Так жизнь Тела Христова стала нашей жизнью. Во Христе мы живем уже не нашей жизнью, но Христос живет в нас Своей жизнью. Жизнь верующих в общине есть воистину *жизнь Иисуса Христа в них* (Гал 2:20; Рим 8:10; 2Кор 13:5; 1Ин 4:15;).

В единении с распятым и преображенным телом Христа мы принимаем участие в страданиях и преображении Христа. Крест Господень лежит на теле общины. Страдание под этим крестом – это страдание Христа. Это прежде всего претерпевание смерти на кресте в крещении, впредь это «каждодневная смерть» христиан (1Кор 15:31;) в силе своего крещения. Но вдобавок к этому есть еще одно страдание о неизъяснимом обетовании: Хотя только Христос в собственном страдании несет примиряющую силу, Он страдал «за нас» и Он победил «для нас», но в силе Своего страдания Он дает безмерную благодать тем, кто не стыдится единения с Его телом, чтобы они смогли теперь пострадать «за Него». Он не смог бы даровать Своим большей славы, придать христианину более непостижимого достоинства, чем дать ему возможность страдать «за Христа». Что глубоко противоречит закону, здесь становится истинным. По закону мы можем претерпеть наказание только за свои собственные грехи. Человек не мог даже что-то делать и страдать за себя, насколько же меньше за другого, насколько же меньше за Христа! Тело Христово, данное нам, претерпевшее наказание за наши грехи, освобождает нас, чтобы стать за Христа тут, в смерти и страдании. Теперь можно работать и пострадать за Христа, за Него, Который за нас сделал все! Это чудо и благодать единения с Телом Христовым (Флп 1:25; 2:17; Рим 8:35; и след.; 1Кор 4:10; 2Кор 4:10; 5:20; 13:9;). Хотя Иисус Христос претерпел всё примиряющее страдание, за нас, однако же Его страдания на этой земле не кончены. В

Своей благодати Он оставил для этих последних времен и до Своего пришествия Своей общине остаток (ὀστερηματα) страданий, которые еще предстоит перенести (Кол 1:24;). Это страдание должно пойти на пользу Телу Христову, Церкви. Неясным остается, можем ли мы в связи с этим думать, что и это страдание христиан имеет грехопоглощающую силу (ср. 1Петр 4:1;). Но ясно то, что страдающий страдает в силе тела Христова, предстательствуя «за» общину, за Тело Христово, что он может нести то, от чего другие избавлены. «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей. Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (2Кор 4:10-12; ср. 1:5-7; 13:9; Флп 2:17;). Телу Христову отпущена мера страдания. Бог дает одному благодать – вместо другого перенести особенное страдание. Страдание должно, конечно, быть перенесено и преодолено. Блажен, кто удостоен Богом страдать за тело Христово. Такое страдание есть радость (Кол 1:24; Флп 2:17;). В таком страдании верующий может похвалиться, что он переносит смерть Иисуса Христа, что он несет язвы Христа на своем теле (2Кор 4:10; Гал 6:17;). Отныне верующий может служить тому, что «возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью» (Флп 1:20;). Такое предстательствующее деяние и страдание членов Тела Христова и есть, собственно, жизнь Христа, Который хотел получить в Своих членах Свой образ (Гал 4:19;).

Но притом мы пребываем в общности с первыми учениками и последователями Иисуса.

Завершение этого рассмотрения должно, таким образом, состоять в том, чтобы мы вновь и вновь находили свидетельство о теле Христовом в совокупности Св.Писания. Здесь оказывается, что в теле Христовом находит свое исполнение великое ветхозаветное пророчество о Храме Божиим.

Понятие этого образа следует воспринимать не в связи с эллинистическим употреблением этого образа, но от ветхозаветного пророчества о Храме. Давид хотел выстроить храм Богу. Он спросил пророка. Тот передал Давиду слово Божие о его намерении: «Ты ли построишь Мне дом для Моего обитания (...). Господь возвещает тебе, что Он устроит тебе дом» (2Цар 7:5,11;). Храм Божий может быть выстроен только Самим Богом. К тому же Давид в странном противоречии со всем до того сказанным получает обетование, что один из семени его должен выстроить дом для Бога и что Его царство утвердится навеки (ст.12-13). «Я буду ему отцом, и он будет мне сыном» (ст.14). Соломон, «сын мира» Бога с домом Давидовым, принял это обетование на свой счет. Он строил храм и тем утверждал себя перед Богом. И все-таки пророчество не исполнилось в этом храме; ибо он был выстроен людскими руками и обречен на разрушение. Так

пророчество пребывало неисполненным. Народ Израиля еще ждет храма, который выстроит сын Давида, царство которого утвердится навеки. Храм в Иерусалиме был многократно разрушен – знак, что это не есть обетованный храм. Где же истинный храм? Христос Сам говорит нам об этом, относя пророчество к Своему телу. «На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме Тела Своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус» (Ин 2:20-22;). Храм которого ждет Израиль, есть Тело Христово. Ветхозаветный храм есть только тень Его Тела (Кол 2:17; Евр 10:1; 8:5;) Иисус подразумевает Свое человеческое тело. Он знает что храм Его земного тела будет разрушен, но воскреснет и новым храмом, вечным храмом будет Его воскресшее преображенное тело. Это дом, который Бог Сам строит Своему Сыну, и который и Сын строит Отцу. В этом доме воистину живет Бог и вместе с Ним новое человечество, Община Христа. Он соответствует тому, что Откровение Иоанна Богослова говорит о новом Иерусалиме: что там нет храма, «ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец» (21:22;).

Храм есть место благодатного присутствия и жилища Бога среди людей. Он – и место, в котором Богом принята община. И то и другое сбылось только в вочеловечившемся Иисусе Христе. Здесь истинно и воплощенно присутствие Бога. Здесь истинно и воплощенно человечество; ибо Он принял его в Свое собственное Тело. Таким образом, Тело Христово есть место принятия, примирения и мира между Богом и людьми. Бог находит в Теле Христовом людей, и человек оказывается, принят Богом в Теле Христовом. Тело Христово есть духовный храм (οἶκος πνευματικός) который выстроен из живых камней (1Петр. 2:5; и след.). Христос есть единственное основание и краеугольный камень этого храма (Еф 2:20; 1Кор 3:11;), Он и Сам есть Храм («οἰκοδομή», Еф 2:21;), в котором живет Святой Дух и исполняет и святит сердца верующих (1Кор 3:16; 6:19;). Храм Божий есть святая община во Христе. Тело Христово есть живой Храм Бога и нового человечества.

ЗРИМАЯ ОБЩИНА

Тело Иисуса Христа занимает место на земле. С вочеловечением Христос требует места среди людей. Он вступил в Свою собственность. Но они дали ему при Рождестве ясли, «потому что не было им места в гостинице», они отвергли Его при Его смерти, чтобы Его тело висело между землей и небом на виселице. Однако же воплощение включает право на собственное место на земле. Что занимает место, то зримо. Так что тело Христа может быть только зримым телом, либо же оно не тело. Зрим Человек Иисус, уверованный как Сын Божий. Зримо тело Иисуса, уверовали же в него как в тело вочеловечившегося Бога. Это зримо, Иисус был во плоти, уверовано, что Он нес нашу плоть. «На этого Человека должен ты указывать и говорить: это Бог» (Лютер).

Истина, религия не нуждается в собственном месте. Она бестелесна. Она услышана, изучена, постигнута. Это все. Но вочеловечившийся Сын Божий нуждается не только в ушах и сердцах – он нуждается в реальных людях, которые следуют Ему. Поэтому Он призывает Своих учеников в Свое телесное следование, и Его единение с ними было видно для всякого. Оно было основано и скреплено Иисусом Христом, Вочеловечившимся, Самим; воплощенное слово призвало, создало телесную зримую общину. Призванные уже больше не могли оставаться втайне, они были свет, который должен светить, город на горе, который должен стать зримым. Над их единением зримо стоял Крест и Страсти Христа. Ученики ради единения с Ним должны были от всего отказаться, они должны были страдать и быть гонимы, и все-таки посреди гонений они зримо получали в единении с Ним то, что потеряли, – братьев и сестер, пашни и дома. Община воспоследовавших обнаружилась для мира. Тут были тела, действовавшие, работавшие и страдавшие в единении с Иисусом.

Тело возвеличенного Господа также есть зримое тело в образе общины. Как это тело становится зримым? Сперва в *проповеди слова*. «И они постоянно пребывали в учении Апостолов» (Деян 2:42;). Каждое слово в этом предложении полно значения. Учение (*δίδαχῆ*) означает проповедь, в данном случае в противоположность любому другому роду религиозного высказывания. Здесь подразумевается сообщение об имевших место фактах. Значение сказанного покоится крепко, оно нуждается только в опосредовании «учением». Но сообщение ограничивает себя по самому своему существу неизвестным. Если неизвестное выясняется, то продолжать сообщение бессмысленно; а то оно заключалось бы в понятие «учения», делая само себя излишним. Это странное противоречие означает здесь, что первая община «постоянно» держится этого учения, что, таким образом, делает это учение не излишним, но требует как раз постоянства.

Целесообразное принуждение в связи с этим «учением» должно сочетаться с «постоянством». Это выражено в том, что оно есть «учение апостолов», о котором здесь идет речь. Что значит – «учение апостолов»? Апостолы суть Богом избранные фактические свидетели откровения в Иисусе Христе. Они жили в телесном единении с Иисусом, они видели Вочеловечившегося, Распятого и Воскресшего и осязали Его тело своими руками (1Ин 1:1;). Они свидетели, которыми, как орудием, воспользовался Бог, Святой Дух, чтобы передать слово. Апостольская проповедь есть свидетельство воплощенного события откровения Божия в Иисусе Христе. Церковь была выстроена, имея основанием апостолов и пророков, и ее краеугольный камень есть Иисус Христос (Еф 2:20;). Любая дальнейшая проповедь должна стать собственно апостольской проповедью благодаря тому, что она выстроена на этом основании. Так через слово апостолов установлено единство между нами и первой общиной. В какой мере это апостольское учение делает необходимым постоянство слушания? Апостольское слово в слове человеческом есть действительно слово Божие (1Фес 2:13;). В силу этого оно есть слово, желающее принять людей и имеющее силу сделать это. Слово Божие ищет общину, чтобы принять ее. Оно существенно в общине. Оно само входит в общину. Оно обладает самопроизвольным движением внутри общины. Не так что с одной стороны слово, истина, а с другой – община; и проповеднику достаточно взять это слово, воспользоваться им, взволновать им, чтобы внести его в общину, приложить его к общине. Напротив, слово идет этим путем само по себе, проповедник не должен и не может сделать ничего другого, кроме как служить этому самодвижению слова, не ставя препятствий ему на пути. Слово исходит, чтобы принять людей; это знали апостолы, и это составляло их проповедь. Они ведь сами видели слово Божье, как оно пришло, как оно приняло плоть и в этой плоти – все человечество. И отныне им не надо было свидетельствовать ни о чем, кроме того, что слово Божье стало плотью, что оно пришло принять грешников, простить их и спасти. Это – слово, которое ныне входит в общину; слово воплоти, которое уже несет в себе все человечество и уже не может быть вне принятого им человечества, – оно приходит в общину. Но в этом слове приходит сам Святой Дух, который показывает и одному человеку, и общине то, что уже давно даровано во Христе. Он вызывает в слушающих веру, что в слове проповеди Христос Сам ступает среди нас в силе Своего тела и что Он приходит, чтобы сказать мне, что Он принял меня и сегодня снова примет меня.

Слово апостольской проповеди есть слово, которое воплощенно несет грехи всего мира, оно есть присутствующий Христос в Духе Святом. Христос в Своей общине – вот «учение апостолов», апостольская проповедь. Это учение никогда не делается излишним, но

сотворяется общиной, которая постоянно остается при нем, поскольку она принята Словом – крепко и на каждый день. Это слово создает зримую общину. К зримости тела Христова в проповеди слова присовокупляется зримость в *крещении и причастии*. И то и другое происходит из реального человеколюбия нашего Господа Иисуса Христа. И в том и в другом Он воплощенно встречает нас и делает нас причастниками Своего тела. Благовествование принадлежит к обоим действиям. В крещении, как и в причастии, есть возвешение смерти Христовой за нас (Рим 6:3; и след.; 1Кор 11:26;). В обоих дар тела Христова. В крещении нам даровано членство в теле, в причастии – телесное единение (κοινωνία) с телом Господа, получаемое нами, и именно в этом – телесное приобщение к членам этого тела. Так через дары Его тела мы становимся одним с Ним телом. Ни дар крещения, ни дар причастия не объемлют всего, ибо мы обозначаем их как прощение грехов. Дар тела, ниспосланный в таинствах, дарит нам Господа, воплощенного в Его общине. Но прощение грехов заключено в даре Тела Христова как общины. Отсюда понятно, что изначально раздача крещения и причастия – в прямой противоположности нашему сегодняшнему его применению – не связана со служением апостольскому благовествованию, но исполняется самой общиной (1Кор 1:1,14 и след.; 11:17; и след.). Крещение и причастие принадлежат исключительно общине Тела Христова. Слово устремлено к верующим и неверующим. Таинства принадлежат только общине. Таким образом, христианская община в собственном смысле есть община крещения и причастия и только после этого – проповедническая община.

Теперь ясно, что община Иисуса Христа домогается в мире *места для благовествования*. Тело Христово зримо в общине, собравшейся во имя слова и таинства.

Эта община есть составленное целое. Тело Христово как община включает подразделение и упорядочение общины. Последняя же сопосажена с телом. Несочлененное тело находится в состоянии разложения. Облик живого тела Христова есть, по учению Павла, сочлененный облик (Рим 12:5; 1Кор 12:12; и след.). Здесь невозможно различие между содержанием и формой, между сущностью и видимостью. Оно означало бы отрицание тела Христова, т.е. воплощенного Христа (1Ин 4:3;). Итак, тело Христово с пространством для *благовествования* требует также пространства для *устроения общины*.

Порядок общины – Божественного происхождения и сущности. Но, конечно же, она ставится для службы, а не для господства. Служащие общине есть «слуги» (διακονίαι) (1Кор 12:4;). Они Богом (1Кор 12:28;), Христом (Еф 4:11;), Духом Святым (Деян 20:28;) поставлены в общине, т.е. не *через* нее. Равно и там, где община сама

распределяет служения, она делает это всецело под руководством Св.Духа (Деян 13:2; и др.). Служение и община равно происходят от триединого Бога. Служащие служат общине, они получают от нее духовное право только в этом служении. Поэтому в различных общинах это должно привести к различным служениям, «диаконии» (благотворительная деятельность в христианской общине. — *Прим. пер.*), напр., у некоторых в Иерусалиме в качестве Павловских миссионерских общин. Хотя составление общины установлено от Бога, но облик ее изменчив и всецело подчинен духовному суждению общины, которая распоряжается служением своих членов. Харизма, которую некоторым дарует Св.Дух, также ставится в строгое подчинение диаконии в общине, ибо Бог не есть Бог неустройства, но мира (1Кор 14:32; и след.). И именно в том Св.Дух делается зримым (φανέρωσις 1Кор. 12:6;), что все творит к нуждам общины. Апостолы, пророки, учителя, чудотворцы, дьяконы, старейшины, представители и руководители (1Кор 12:28; и след.; Еф 2:20; и 4:11;) суть служители общины, Тела Христова. Они поставлены к служению общине, так что их служение — Божественного происхождения и сущности. Только община может освободить их от служения. Так что хотя община и свободна в упорядочении себя самой, смотря по своим нуждам, но если на ее порядок посягают извне, то этим посягают на зримый облик Тела Христова.

Во все времена особого внимания служащих в общине заслуживает забота о даянии слов и таинств. При этом надо поразмыслить над следующим: Благовествование, соответствуя заданию и дарам благовествователя, будет все же для него многогранным и различным. Но Павлов ли, Петров ли, Аполлосов ли, Христов ли — во всех непременно должен узнаваться Неделимый Христос (1Кор 1:11;). Один для другого делает ручную работу (1Кор 3:6;). Школьное образование ведет к школярским спорам, в которых каждый ищет своего (1Тим 6:5; и 20; 2Тим 2:10; 3:8; Тит 1:10;). Здесь слишком легко из «божественного блаженства» проистекает земная выгода, будь то почести, власть или деньги. Равно как и склонность к спорам ради споров, легко возгораясь, отклоняется от ясной, простой истины (2Тим 3:7;). Она подбивает к своеволию и непослушанию Божиим заповедям. По отношению к этому здоровое, благотворное учение есть цель благовествования (2Тим 4:3; 1Тим 1:10; 4:16; 6:1; Тит 1:9; и 13:2;) и гарантия правильного порядка и единства.

Не всегда легко распознать переход между допустимым школярским мнением и лжеучением. Так, в некоторых общинах учение, будучи в других уже выбраковано как ересь, еще терпится как школярское мнение (Откр. 2:6; и 15 и след.). Но если ересь стала явной, тогда необходимо полное размежевание. Еретика же настигает исключение из христианской общины и отказ от личного общения с

ним (Гал 1:8; 1Кор 16:22; Тит 3:10; 2Ин.10 и след.). Таким образом, слово чистого благовестия надлежит связывать и видимым образом подразделять. *Место благовестия и упорядочение* общины становится, таким образом, ясным в своей Богоустановленной необходимости.

Теперь вопрос: описан ли сим зримый облик общины Тела Христова, или она еще включает дальнейшее притязание на место в мире? Ответ Нового Завета недвусмысленно ведет к тому, что община притязает на место на земле не только в своем богослужении и упорядочении, но и в повседневной жизни ее членов. И потому теперь нужно обговорить *жизненное пространство* зримой общины.

Единение Иисуса со Своими учениками было полным жизненным единением в целокупных жизненных условиях. Целая жизнь отдельного человека развернулась в общине учеников. Это единение есть живое свидетельство реального вочеловечения Сына Божия. Телесное присутствие Сына Божия требует для Него и с Ним телесного участия в ежедневной жизни. Человек со всей своей живой телесной жизнью принадлежит Тому, Кто ради него принял человеческое тело. Ученик, следуя, составляет одно неразлучное целое с Телом Иисуса.

Об этом также засвидетельствовано в первом сообщении о молодой общине в Деяниях Апостолов (2:42; и след.; 4:32; и след.). «И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах». «Все же верующие были вместе и имели все общее». Поучительно, что здесь единение (κοινωνία) между словом и причастием находит свое место. Это не случайное определение его сущности, ибо оно вновь и вновь должно иметь свое происхождение в слове, а свою цель и исполнение – в Тайной Вечере. Все христианское единение живет между словом и таинством, оно берет начало и заканчивается в богослужении. Оно ожидает последнего Господнего причастия в Царстве Божьем. Единение, имеющее такое происхождение и такую цель, есть полное единение, которому подчинены и вещи и блага этой жизни. В свободе, радости и в силе Духа Святого здесь вырабатывается совершенное единение, в котором «никакого нуждающегося» и «каждому давалось в чем кто имел нужду», в котором также «и никто ничего из имения своего не называл своим». В каждодневности этого свершения проявляется полная евангельская свобода, которая не нуждается в стеснении. Ведь они были «одно сердце и одна душа».

Зримо стояла эта юная община у всех на виду – и на редкость достаточно! – «находясь в любви у всего народа» (Деян 2:47;). Слепота ли это народа Израилева, более не видевшего за полным единением Креста Господня? Предвосхищение ли дня, когда весь народ должен славить народ Божий? Или это приветливость Божья, в которой Он во время роста, серьезной борьбы и размежевания на верующих и врагов располагает общину в окружении человеческой благосклонности,

человеческого сочувствия к участи общины, – или это народ, при котором община снискала любовь, народ, который восклицает «осанна», а не только «распни»? «Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви». Эта зримая община, исполненная полнейшего живительного единения, вторгается в мир и отнимает у него его детей. Ежедневное возрастание общины доказывает силу живущего среди нее Господа.

Это относится к первым ученикам: Где их Господь, там должны быть и они, и где будут они, там пребудет их Господь до конца света. Все, что делает ученик, он делает в единении с общиной Иисуса как ее член. Отныне любое дело, пусть даже мирское, совершается в общине. Это относится к Телу Христову. Где член, там и все тело, и где тело, там также и его член. Нет сферы жизни, в которой член нуждался бы или хотел уклониться от тела. Где бы ни находился тот или другой, что бы он ни делал, все происходит «в теле», в общине, «во Христе». Целая жизнь вместилась «во Христе». Христианин силен или немощен во Христе (Флп. 4:13; 2Кор 13:4;), он работает и трудится или радуется «во Господе» (Рим. 16:9; и 12; 1Кор 15:58; Флп. 4:4;), он проповедует и увещевает во Христе (2Кор 2:17; Флп 2:1;), он гостеприимен во Христе (Рим 16:2;), он сочетается браком во Господе (1Кор 7:39;), он в узах во Господе (Флп. 1:13,23;), он раб, [призванный] в Господе (1Кор 7:22;). Вся полнота человеческих отношений между христианами обнимается Христом, общиной.

Крещение в Тело Христово предоставляет каждому христианину совершенную жизнь во Христе, в общине. Было бы злым, противным Новому Завету обкрадыванием дар крещения ограничить участием в проповеди и причастии, т.е., значит, принятием Св.Даров, ну, может быть, еще также службой и служением общине. Напротив, с крещением каждому крещеному безоговорочно раскрывается пространство единой жизни членов Тела Христова в целокупных жизненных отношениях. Кто предоставляет крещеному брату участие в богослужении, отказывая ему при этом в общении в ежедневной жизни, пренебрегает им или презирует, тот виновен перед Телом Христовым. Кто признает право крещенных братьев на дар спасения, отказывая им в даре земной жизни, или сознательно оставляет их в земной нужде и бедственном положении, тот издевается над даром спасения, тот обманщик. Кто там, где говорил Святой Дух, присовокупляет еще голос своей крови, своей природы, своих симпатий и антипатий, тот грешит против таинств. Крещение в Тело Христово изменяет не только вопрос о личном спасении крещаемого, но и все его жизненные отношения.

Раб Онисим, убежал от своего верующего господина Филимона и сильно ему навредил, но Филимон должен после своего крещения «принять его навсегда» (Флм 15;) «не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного [...] и по плоти и в Господе» (Флм 16;). «По плоти»

брат, подчеркивает Павел, и предостерегает при этом от того опасного лжетолкования всех «привилегированных» христиан, которые допускают единение с христианами, уважая их и признавая их право лишь в богослужении, а далее его не распространяя. По плоти брат Филимона! Филимон должен по-братски принять раба, как если бы это был сам Павел (ст. 17), не вменять ему в вину причиненный вред (ст.18). Филимон должен сделать это добровольно, хотя Павел мог бы возыметь и дерзновение попросить его здесь (ст.8-14), и Филимон определенно сделал бы больше, чем потребовалось бы (ст.21). По плоти брат, поскольку крещен. Останется ли отныне Онисим в рабах своего господина Филимона – их отношения друг к другу станут теперь уже другими. Благодаря чему? Свободный и раб стали членами Тела Христова. Отныне в их общности живет, как в маленькой келье, Тело Христово, община. «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:27; и след.; Кол 3:11;). В общине один для другого более не свободный или раб, мужчина или женщина, но член Тела Христова. Конечно, это не означает, что раб отныне уже не раб и что мужчина перестал быть мужчиной. Но это еще далеко не значит, что отныне и впредь в общине каждый будет рассматриваться на основании этого как иудей или эллин, свободный или раб. Как раз это и должно быть исключено. Мы рассматриваем друг друга только как участников в Теле Христовом, разумея, что мы вместе – единое в нем. Иудей и эллин, свободный и раб, мужчина и женщина теперь едины как часть общины Тела Христова. Где они совместно живут, говорят, действуют – там община, там они во Христе. Но при этом также решительно определяется и изменяется их единение. Жена повинуется мужу «в Господе», раб служит Богу, если служит своему господину, господин знает, что он также имеет Господа на небесах (Кол 3:18; – 4:1;), но отныне они братья «и по плоти и в Господе».

Так община вторгается в жизнь мира и завоевывает место для Христа; ибо что «во Христе», уже более не во власти мира, греха и закона. В этом новообретенном единении ни один закон мира не может определить ничего. Область христианской братской любви находится под Христом, а не под миром. Община уже никогда не позволит ограничивать служение брату любовью, служение – милосердием. Поскольку где брат, там Собственное Тело Христа, и где Тело Христово, там всегда Его община, – там должен быть и я.

Кто принадлежит Телу Христову, тот освобожден от мира и призван из него, тот должен стать зримым для мира не только через единение богослужения и общинного устройства, но и через новое единение братской жизни. Где мир презирает христианского брата, там христианин будет любить его и служить ему; где мир чинит над ним

насилие, он будет помогать и успокаивать; где мир бесчестит его и оскорбляет, он отдаст свою честь за позор брата. Где мир ищет пользы, он отказывается; где мир корыстолюбит, он устраняется; где мир подавляет, он подчинится и выпрямится. Если мир отклоняет праведность, то он будет упражняться в милосердии, если мир окутается ложью, то он заговорит за немых и засвидетельствует истину. Ради брата, будь он иудей или эллин, раб или свободный, сильный или немощный, знатный или незнатный, он отречется от всей мирской общности; ибо он служит общности Тела Христова. Так что он не может, находясь в этой общности, оставаться сокрытым перед миром. Он – вызван и последовал.

Но «каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся» (а именно: останься рабом!); «Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб-Христов. Вы куплены *дорогою* ценою; не делайтесь рабами человеков». В каком *звании кто* призван, братия, в том каждый *и* оставайся перед Богом» (1Кор 7:20-24;). Неужели здесь сделалось все по-иному, чем тогда, при первом призыве Иисуса следовать? Там ученики должны были все оставить, чтобы идти с Иисусом. Здесь это означает: Каждый оставайся в том звании, в каком призван! Как, чем разрешается это противоречие? Только тем, что мы узнаем, что в призыве Иисуса, как и в наставлении апостолов, речь идет лишь о том, что обратившийся приходит в единение с телом Христовым. Первые ученики должны были идти с Иисусом для телесного единения с Ним. Теперь - же тело Христово через слово и таинство уже более не связано с каким-то определенным и единственным местом на земле. Воскресший и возвеличенный Христос ближе придвинулся к миру, тело Христово вторглось прямо в мир – в виде общины. Кто крещен, тот крещен в тело Христово. К нему пришел Христос, принял его жизнь и тем лишил мир того, что принадлежало ему. Крещен ли кто рабом, так он теперь в качестве раба становится причастником тела Христова. В качестве раба он вырвался из мира, став свободным Христа. Так пусть же раб остается рабом! Ведь как члену общины Христовой ему уже выпала свобода, которая не для того, чтобы ввергать его в протест или в революцию! Воистину не для того, чтобы прочнее привязаться к миру, не для того, чтобы еще и «религиозно укрепить» свою жизнь в мире, не для того, чтобы сделать из него лучшего, верного гражданина этого мира, увещевает Павел раба оставаться рабом! Воистину не ради оправдания, не ради христианского украшения темных социальных порядков говорит Павел. Не потому, что профессиональное устройство мира так уж хорошо и божественно, что его не следовало бы опрокинуть, но единственно потому, что мир уже перевернут свершением Иисуса Христа, освобождением, которое и

раб и свободный познали через Иисуса Христа. Не может ли революция, переворот в общественных порядках только затемнять взгляд на новое божественное устройство всех вещей благодаря Иисусу Христу и основанию Его общины? Не следует препятствовать, тормозить всякую такую попытку сокрушения всего мироустройства, сокрушения Царства Божия? Так что, конечно, не потому, чтобы в мирском профессиональном устройстве усматривается исполнение христианской жизни, но потому что в отказе от протеста против порядков мира сего заключается подобающее выражение того, что христианин не ожидает от мира ничего, но всего от Христа и Его Царства, – поэтому раб оставайся рабом! Поскольку мир сей не нуждается в реформах, но готов обрушиться, – поэтому раб оставайся рабом! Он имеет лучшее обетование! Разве не достаточен для раба суд над миром и утешение, что Сын Божий принял «образ раба» (Флп 2:7;), когда Он пришел на эту землю? Не является ли христианин, который призван рабом, как раз в своем рабском бытии в мире достаточно отдаленным от мира, которого он мог бы желать и домогаться, чтобы заботиться о нем? Поэтому пусть раб страдает не как строптивец, но как член общины и Тела Христова! И в этом мир готов обвалиться.

«Не делайтесь рабами человеков». Это, однако, могло бы случиться двояким образом: через сопротивление и переворот существующих порядков, с одной стороны, и через религиозное преображение данных порядков – с другой. «В каком звании *кто* призван, братия, в том каждый *и* оставайся перед Богом». «Перед Богом» – и потому «не делайтесь рабами человеков», ни через протест, ни через ложную покорность. Оставаться в том же звании перед Богом как раз означает оставаться среди мира в Теле Христовом, в зримой общине, являть в служении Богу и в жизни-следовании живое свидетельство о победе над миром.

Потому «всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим 13:1; и след.). Не наверх, к власти имущим должна быть устремлена душа христианина, но вниз, чтобы оставаться в своем звании. Начальствующие – над (ὕπέρ) ним, ему же оставаться ниже (ὕπό). Мир господствует, христианин служит, и в этом имеет единение со своим Господом, Который стал рабом. «Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними; но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом; ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк 10:42-45;). «Ибо нет власти не от Бога» – Это сказано христианину – а не тем, кто начальствует! Христиане должны знать, что они всегда там, внизу, куда их послали начальствующие, чтобы познать и выполнить волю Божью. Христиане должны утешаться тем, что Бог

через начальство Сам хочет сделать на благо им, что их Бог есть и Бог начальствующих. Это, однако, не должно сделаться общим местом и сознанием о сущности начальства (ἐξουσία – единственное число!), но оно должно найти применение в позиции христианина по отношению к фактически имеющимся властям (αἱ δὲ οὐσαι). Кто противится им, тот противится установлению Бога, (διαταγῆ τοῦ θεοῦ), Который так того захотел, чтобы господствовал мир и чтобы Христос, служа, победил – и с Ним Его христиане. Христианин, не желающий этого усвоить, подпадает под суд (ст.2); ибо он вновь уподобился бы миру. Отчего же так легко возникает противление христиан против властей? Оттого, что они недовольны ошибками и несправедливостями властей. Но с такими рассуждениями христиане оказываются в высшей опасности – внимать чему-либо другому, кроме воли Божьей, которую они сами должны исполнять. Если бы они всюду могли думать только о добре и делать его так, как велит им Бог, то они могли бы жить и «не бояться» власти. «Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (ст.3). Как же может бояться христианин, стоящий перед своим Богом и делающий добро? «Хочешь не бояться власти? Делай добро». – Делай добро! в этом только и дело. Не то, что делает другой, но что ты будешь делать сам, вот что будет для тебя важно. Делай добро, без страха, без оговорок, без условий! Как ты можешь бранить начальство за его ошибки, если сам не делаешь добра? Как ты можешь судить другого, если сам того и гляди подпадешь под его суд? Хочешь не бояться – делай добро! «И получишь похвалу от нее (власти. – *Прим. Пер.;*) ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро». – Не то чтобы это могло быть мотивом наших добрых дел в целях снискания похвалы, не то чтобы всего лишь в этом была цель; это нечто дополнительное, если в нем заключено правильное отношение к властям. Павел думает настолько изнутри христианской общины, настолько много ему надо сделать для христианской общины, для ее спасения и образа жизни, что он должен предостеречь христиан от собственных несправедливостей и зла, оставляя начальство без укора. «Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (ст.4). Все дело в том, чтобы зло не творилось в христианской общине. Это обращено к христианам, но опять-таки не к начальству. Чтобы христиане пребывали в покаянии, в послушании, где бы они ни были, какие бы конфликты им ни грозили, – и вовсе не для того, чтобы оправдать или отвергнуть светские власти, – вот что важно для Павла! Никакая власть из этих слов не может сделать вывод о божественном оправдании своего существования. Если же когда-нибудь это слово действительно подвернулось бы начальству, то оно было бы для него в той же мере призывом к покаянию, как оно здесь воистину призыв к покаянию для общины. Начальствующий (ἀρχων) который услышал это слово, никогда бы не смог вывести отсюда

заклучения о божественных полномочиях на исполнение службы, но, напротив, должен был бы услышать повеление быть Божьим слугой, который на пользу христианскому миру, творящему добро. И с этим повелением он должен был бы идти к покаянию. Конечно, не потому, что мирские порядки настолько уж хороши, но потому что мирская доброта или низость неважны по сравнению с единственно важным: чтобы в общине царила и блюлась воля Божья, – так говорит Павел христианам. Не о задачах начальства хочет он поучать христианский мир, а лишь о *задачах христианского мира по отношению к властям* говорит он.

Похвалу должен получать христианин от начальства! А если он ее не получает, то, подлежа вместо похвалы наказанию и гонению, – что он переносит, будучи виноват в этом? Ведь не ради похвалы он действовал так, что это привело теперь к наказанию. Ведь он делает добро не из страха наказания. Если ему выпадает страдание вместо похвалы, он, тем не менее, свободен перед Богом и не страшится, он же не навлекает позора на общину! Он повинует начальству не ради какой-то выгоды, но «по совести» (ст.5). Таким образом, ошибка начальства не может задеть его совесть. Он свободен и не страшится – и в безвинном страдании может оказывать надлежащее повиновение. Ведь он знает, что в конце концов правит не начальство, а Бог, что начальствующие суть Божьи слуги. Начальник – Божий слуга, говорит апостол, и сам часто претерпевавший несправедливое заключение от тех же властей, трижды получавший от них жестокое телесное наказание, знавший о высылке из Рима императором Клавдием всех иудеев (Деян 18:1; и след.). Начальник – Божий слуга; так говорит тот, кто знает, что все власти и начальства мира уже давно лишены могущества, что Христос явил его в триумфе на Кресте и что осталось еще немного времени до того, когда все это станет явным.

Все сказанное, однако, подпадает здесь под предостережение, которым Павел оговаривает высказывания о начальстве. «Не будь побежден злом, но побеждай добро злом» (Рим 12:21;). Речь идет не о добром или злом начальстве, но об одолении всего зла христианами.

В то время как для иудеев было чисто искусительным вопросом, должны они платить цезарю подать или нет, поскольку они связывали с этим свою надежду на сокрушение римской императорской власти и на установление собственного господства, – для Иисуса и Его последователей этот вопрос лишен страстности. «Отдавайте кесарю кесарево» (Мф 22:21;), – говорит Иисус. «Для сего вы и подати платите» (Рим 13:6;), – так заканчивает Павел свои высказывания. Эта обязанность не только не приводит христиан к какому бы то ни было конфликту с заповедью Иисуса, ибо они возвращают кесарю то, что ему и так принадлежит, но, более того, как «Божьих слуг» (λειτουργοί) должны они рассматривать тех, кто взыскивает с них подати, и

настаивать на этом (ст.6). Конечно, здесь не должно быть недоразумения: не в том служение Богу, что христиане платят подати, говорит Павел, но они платят подати, и в этом – для них! – служение Богу. И, конечно, не к такому служению Богу зовет Павел христиан, но к такому, чтобы подчиниться и не задолжать никому ничего, причитающегося ему (ст.7-8). Любой протест, любое сопротивление вместо этого ясно обнаружили бы, что христиане путают Царство Божье с царством мира сего.

Поэтому пусть раб остается рабом, поэтому пусть христианин подчинится властям, которые имеют власть над ним, поэтому пусть христианин не покидает мира (1Кор 5:11;). Но, конечно же, живя как раб, пусть он живет как свободный Христа; под властями – как творящий добро; в мире – как член Тела Христова – новообретенного человечества; все это пусть он делает без оговорок, дабы, находясь в мире, свидетельствовать о потерянности мира и о новом сотворении его в общине. Пусть он страдает только за то, что он есть член Тела Христова.

Пусть христианин останется в мире. Не ради Богом данных благ мирских, даже не ради своей ответственности за то, каким он был в этом мире, но ради тела Христа Вочеловечившегося, ради общины. Пусть он останется в мире ради фронтального наступления на мир, пусть он проживет «трудом в мире», чтобы с самого начала сделать явной свою «неотмирность». Это, однако, происходит не иначе, как через зримое членство в общине. Расхождения с миром должны быть претерпеваемы в мире. Ради этого Христос стал Человеком и умер среди Своих врагов. Ради этого – единственно ради этого! – пусть раб остается рабом, пусть христианин подчиняется начальству.

Лютер в решающие годы ухода из монастыря не иначе отзывался о мирских занятиях. Он отверг не высшие требования, которые предъявлялись в монастыре, но то, что послушание заповеди Иисуса понималось некоторыми как личное достижение одиночек. Не на «неотмирность» монастырской жизни нападал Лютер, но на то, что эта неотмирность превратилась в монастырском пространстве в новое мирское образование, скандальное искажение Евангелия. «Неотмирность» христианской жизни уходит в мир, в общину, в повседневную жизнь – так считал Лютер. Поэтому христиане, занимаясь своим ремеслом, должны исполнять свою христианскую жизнь. Поэтому они в своей профессии должны умереть для мира. Профессия тем и ценна для христиан, что христианин в ней может жить благодаря благам Божьим и тем основательнее проводить наступление на мирскую суть. Не «позитивная оценка» мира или полный отказ от раннехристианского ожидания близкого пришествия положили основу возвращению Лютера в мир. Оно имело, напротив, чисто критическое значение протеста против обмирщения христианства в монастырском

существовании. В том, что Лютер зовет христианский мир назад, в мир, он зовет его сперва к верной неотмирности. Это Лютер познал сам, своим собственным телом. Лютеровский призыв в мир был всегда призывом к зримой общине Вочеловечившегося Господа. Но не иначе это обстояло и при Павле.

Поэтому теперь ясно также, что жизнь в мирской профессии имеет для христианина свои совершенно определенные *границы* и что, выходит, за призывом в мирскую профессию должен последовать призыв из мирской профессии. Это находится в согласии и с Павлом, и с Лютером. Границы же даны в самой принадлежности к зримой общине Христовой. Где сталкиваются пространство богослужения, церковных служб, истребованное и принятое в этом мире Телом Христовым, и пространственное притязание мира, там достигается граница. То, что она достигнута, станет ясно в одно мгновение – из необходимости зримого и открытого исповедания Христа со стороны членов общины, со стороны мира, но через умное возвращение или через акт насилия. Здесь христианин вступает в открытое страдание. Он, умерший в крещении вместе с Христом, он, чьи тайные страдания с Христом не узнать миру, теперь в этом мире открыто выброшен из профессии. Он вступает в зримое приобщение к страданиям своего Господа. Отныне он и подавно нуждается в полном единении и в братской помощи общины.

Но не всегда и не только мир выбивает христианина из профессиональной жизни. Уже впервые века Церкви были профессии, несовместимые с принадлежностью к христианской общине. Актер, который должен изображать языческих богов и героев; учитель, преподававший в языческих школах языческую мифологию; гладиатор, игравший человеческой жизнью; солдат, владеющий мечом; жандарм; судья – все они должны были, отказаться от своих языческих профессий, если хотели креститься. Позднее Церкви – и соответственно миру! – удалось снять запрет с большинства этих профессий. Теперь все больше и больше оборона переходила со стороны общины на сторону мира.

Но чем старше становится мир и чем острее разгорается борьба между Христом и Антихристом, тем основательнее пытается мир избавиться от христиан. Первым христианам мир всегда предоставлял место, где они могли трудами рук своих добывать себе на пропитание и одежду. Становящийся вполне антихристовым мир уже не желает, предоставлять христианам даже и этой частной сферы для профессиональных занятий и работы для хлеба насущного. За каждый кусок хлеба, который они хотят съесть, он потребует от них отречения от их Господа. Итак, христианам в конце концов остается еще бегство от мира или тюрьма. Но конец приблизится тогда, когда у христианского мира будет отнято последнее место на земле.

Хотя Тело Христово глубоко проникло в жизненное пространство мира, но, с другой стороны, остается явным полнейшее размежевание, которое всегда должно оставаться явным. Однако внутри мира ли размежевание, с ним ли самим, – и то и другое происходит в послушаний слову: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь (μεταμορφώσθε) обновлением ума вашего, чтобы вам познавать чтобы (есть) воля Божия» (Рим 12:2;). (Одно из немногих мест, где синодальный перевод Библии, совпадая по смыслу, не совпадает дословно с лютеровским переводом Библии. Приведем дословный перевод Лютера: «Не сообразуйтесь с миром сим, но преобразуйте ваш образ через обновление ума, чтобы вы могли проверить, что есть воля Божия». – *Прим. пер.*) Есть сообразование-с-миром-сим в мире, но есть также и лично избранный духовный мир монастыря. Есть непозволительное пребывание в мире и непозволительное бегство от мира. В обоих случаях мы сообразуемся с миром. Но община Христова имеет другой «образ», нежели мир. Она должна неустанно обновляться в этот образ. Это образ Самого Христа, Который пришел в мир и в бесконечном милосердии нес и принял людей, не сообразуясь с миром, но был отброшен и отвергнут. Он был не от мира сего. В правильной встрече с миром зримая община должна сообразовываться с образом страждущего Господа.

Итак, братья должны знать: «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; И плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; И пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. А я хочу, чтобы вы были без забот» (1Кор 7:29-32;). Это жизнь Христовой общины в мире. Христиане живут, как и прочие люди. Они женятся, плачут и радуются, они покупают и пользуются миром для ежедневной жизни. Но то, что они имеют, – они имеют единственно через Христа, во Христе и ради Христа, и потому это их не связывает. Их сердце привязано не к этому. Они полностью свободны. Если они таковы, то они могут пользоваться миром и не должны устраниваться из него (1Кор 5:13;). И, поскольку они свободны, они могут бросить мир, если где он препятствует следовать их Господу. Они женятся; конечно, по мнению апостола, блаженнее тот, кто остается свободным, – если он при этом может обретаться в вере (1Кор 7:7,33-40). Они покупают и занимаются торговлей, но это происходит по потребностям повседневной жизни. Они не собирают себе никаких сокровищ, к которым привязывается их сердце. Они работают, ибо им нельзя бездельничать. Но, конечно, труд для них не самоцель. Новый Завет не знает работы для работы. Каждый, трудясь, должен зарабатывать свое. Он также должен что-то иметь, чтобы было чем поделиться со своими братьями (1Фес 4:11; и след.; 2Фес 3:11; и след.; Еф 4:28;). Он должен быть независимым «пред внешними»,

язычниками (1Фес 4:12;); как Павел устанавливает себе в заслугу – надо добывать на хлеб трудом рук своих и быть независимым даже от своей общины (2Фес 3:8; 1Кор 9:15;). Эта независимость придает благовествующему особую силу доказательства того, что его проповедь вершится не ради выгоды. Все это всецело поставлено на службу общине. Рядом с заповедью трудиться выступает следующая: «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания перед Богом» (Флп 4:6;). Христиане знают: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести *из него*. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти» (1Тим 6:6-9;). Таким образом, христиане нуждаются в благах мира сего, понимая, что «все истлевает от употребления» (Кол 2:22;). Они делают это в молитве перед Творцом и с благодарением за всякое творение, которое – хорошо (1Тим 4:4;). Но они все-таки свободны. Они могут быть сытыми или голодными, пребывать в изобилии или терпеть нужду. «Все могу в укрепляющем меня (Иисусе) Христе» (Флп 4:12; и след.).

Христиане находятся в мире, они нуждаются в мире, ибо они суть плоть и ради их плоти пришел Христос в мир. Они делают мирские вещи. Они женятся, но их брак выглядит иначе, чем брак мира. Он «в Господе» (1Кор 7:39;). Он освящен служением телу Христову и состоит в послушании заповеди и в умеренности (1Кор 7:5;). В этом он подобен самоотверженной любви Христа к Своей общине. Да, их брак становится частью Тела Христова. Он становится Церковью (Еф 5:32;). Христиане покупают и продают, занимаются торговлей и ремеслами, но они делают это всё иначе, чем язычники. Они не только не станут обманывать друг друга (1Фес 4:6;), но и будут делать непостижимое для мира: пусть лучше обманут и поступят несправедливо с ними, чем ради «временных благ» отстаивать свое право, представ перед языческим судом. Они будут, если уж на то пошло, решать свои конфликты внутри общины, перед собственным судом (1Кор 6:1-8;).

Итак, христианская община ведет свою жизнь среди мира, каждое мгновение всем своим существованием и делами давая свидетельство о том, что «проходит образ мира сего» (1Кор 7:31;), что время уже коротко (1Кор 7:29;) и Господь близко (Флп 4:5;). Это преисполняет ее высочайшей радостью (Флп 4:4;). Мир для нее мал, пришествие Господа для нее всё. Она еще во плоти. Но ее взгляд устремлен на небо, откуда придет Тот, Кого она ждет. Здесь она далеко от родины, колония в чужой стране, община чужаков, пользующаяся гостеприимством страны проживания, повинующаяся закону этой страны и почитающая ее власти. Она благодарно пользуется тем, что относится к телесным и жизненным потребностям, проявляя себя благопристойно, праведно,

непорочно, кротко, тихо и с готовностью к услугам. Всем людям она дарит любовь своего Господа, «а наипаче своим по вере» (Гал 6:10; 2Петр 1:7;). В страдании она терпелива и радостна, прославляя себя в скорби. Она живет своей собственной жизнью под чужими властями и чужим законом. Она совершает прошения за всех начальствующих и этим делает им большую услугу (1Тим 2:1;). Но она только на перелете, как птицы. Каждое мгновение может снизойти сигнал идти дальше. Тогда она отправляется, оставляя все мирские радости и родство, и следует единственно голосу, который призвал. Она оставляет чужбину и следует на родину, которая находится на небесах.

Они, бедные и страждущие, голодные и жаждущие, кроткие, милосердные, миролюбивые, гонимые и опозориваемые миром, и все же единственно ради них еще сохраняется мир. Они защищают мир от гневного суда Божия. Они страдают, чтобы мир мог еще жить терпением Божиим. Они гости и чужаки на земле (Евр 11:13; 13:14; 1Петр 2:1;). Они стремятся к тому, что наверху, а не к тому, что на земле (Кол 3:3;). Ибо их истинная жизнь еще не открылась, она еще сокрыта со Христом в Боге. Здесь для них полная зримая противоположность по сравнению с тем, чем они станут. Здесь будет явной только их смерть, их тайная каждодневная смерть в ветхом человеке и их открытая смерть перед миром. Они еще втайне и от самих себя. Левая рука не знает, что делает правая. Именно как зримая община остаются они совершенно неведомыми и самим себе. Они смотрят единственно на своего Господа. Который на небе и у Которого их жизнь, коей они ожидают. Но если Христос, их жизнь, явится, тогда они также явятся с Ним в славе (Кол 3:4;).

*Бредут по земле, обитая на небе,
Слабы они – но защищают весь мир.
Изведать всего довелось им; хоть нищи,
Всего у них вдосталь, что по сердцу им.
Страдание радости их не лишает.
Забитыми кажутся; но воскрешает.
Их вера; по жизни ведет и ведет.*

*И если Христос, Повелитель их жизни,
Предстанет когда-нибудь в славе Своей,
С Ним станут они на земле, словно князи,
Во славе являсь к удивлению мира,
И править с Ним будут, и с Ним ликовать.
И небо расцветится светом чудесным,
И чистая явится радость тогда.*

(Х.Ф.Рихтер «Свет внутренней жизни живет в христианах».)

Это община призванных, экклесия, Тело Христово на земле, последователи и ученики Иисуса.

СВЯТЫЕ

Церковь Христова, община учеников вырвана из власти мира, хотя остается жить в мире. Но она соделалась единым телом, она имеет собственный удел, пространство в мире. Она – святая Церковь (Еф 5:27;), община святых (1Кор 14:34;), ее члены суть призванные святые (Рим 1:7;), которых Иисус Христос освятил (1Кор 1:2;), избрал и предуготовил прежде начала мира (Еф 1:4;). В этом была цель их призвания к Иисусу Христу, их предызбранности, чтобы они были святы и непорочны (Еф 1:4;), за то пролил Христос Свою кровь на кресте, дабы представить Своих незапятнанными и безгрешными (Кол 1:22;); в этом плод того освобождения от рабства греху, которое приобретено Христовой смертью, чтобы те, кто прежде предоставлял свои члены в удел неправды, теперь употребили их только для правд, во спасение (Рим 6:19-22;).

Свят только Бог. Он пребывает как в полной Своей непричастности к грешному миру, так и среди мира – в Своих святых. Так Моисей слагает песню Богу вместе с сынами Израиля после гибели египтян: «Кто, как Ты, Господи между богами? Кто, как Ты, величествен святостью, досточтим хвалами, творец чудес? Ты простер десницу Твою; поглотила их земля. Ты ведешь милостью Твоею народ сей, который Ты избавил; сопровождаешь силою Твоею в жилище святыни Твоей. [...] Введи его и насади его на горе достояния Твоего, на месте, которое ты соделал жилищем Себе, Господи, во святилище, *которое* создали руки Твои, Владыка!» (Исх 15:11; и след.). В том и святость Божья, что Он посреди мира устроил Себе жилище, и из этого жилища исходит суд и спасение (Пс 99 и др.). В святыне, однако, святой соединяется со своим народом. Это происходит через примирение, которое достигается не иначе, как в святыне (Лев 16:16; и след.). Бог заключает завет со Своим народом. Он выделяет его, Он делает его Своим достоянием. «Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев 19:2;), и «свят Я Господь, освящающий вас» (Лев 21:8;). – Это то основание, на котором зиждется Завет. Все дальнейшие установления, которые даны народу и которые он должен хранить, имеют предпосылкой и целью святость Божью и общины Его.

Как Бог в святости Своей чужд греха, так и община святых. Он Сам их избрал. Он сделал их Церковью Своего завета. Он соблюл их в святости и чистоте. Святость – храм, а храм – это тело Христово. Так в теле Христовом исполняется воля Божья об общине святых. Взятые из греховного мира в удел Бога, тело Христово – святыня Божия в мире. В ней живет Бог с Духом Святым.

Как это происходит? Как Бог создает из грешных людей общину святых, неподвластных греху? Как Бог отводит упрек в неправедности,

когда Он соединяется с грешником? Как оправдаться грешнику и как оправдаться Богу?

Бог оправдывается Сам, принося доказательство Своей праведности. В кресте Христовом происходит чудо самооправдания Божия перед Собой и перед людьми (Рим 3:21; и след.). Грешник должен отступить от греха, представ перед Богом. Но разделение с грехом дается грешнику лишь в смерти. Так велики грехи его жизни, что он должен умереть, освободиться от греха. Только так Бог восстанавливает справедливость – Он убивает грешника. И что же – грешник должен жить и быть святым перед Богом? Как это возможно?

Бог Сам становится Человеком, Он облачается нашей плотью в Иисусе Христе, Своем Сыне; в теле Своем Он несет нашу плоть на смерть и на крест. Бог убивает Своего Сына, несущего нашу плоть, и в Сыне Своем убивает все, что есть плотского на земле. И ясно, что никто не благ, кроме Единого Бога, что никто не праведен, единственно кроме Бога. Теперь Бог приводит (ἐνδείξις τῆς δικαιοσύνης αὐτοῦ Рим 3:26;) страшное доказательство Своей праведности смертью Своего Сына. Бог, гневаясь и верша суд, должен был обречь все человечество на крестную смерть, ибо *единственно* Он праведен. Божья праведность открылась в смерти Иисуса Христа. Смерть Иисуса Христа – та вершина, где Бог дает милосердное доказательство Своей праведности. Кто хочет участвовать в этой смерти, тот также становится причастником праведности Божьей. Итак, Христос принял *нашу* плоть и на Кресте перенес *наши* грехи (1Петр 2:24;). Что произошло с Ним, произошло со всеми нами. Если Он имел часть в нашей жизни и смерти, то мы имеем часть в Его жизни и смерти. Если Божья праведность доказывается крестной смертью, то мы всегда с Ним там, где живет Божья праведность, у креста Господня, ибо Он нес нашу плоть. Так мы, мертвые, становимся причастниками праведности Божьей в смерти Иисуса. Праведность Божья, убивающая нас, грешников, обнаруживается в смерти Иисуса Его праведностью для нас. Бог доказывает свою праведность тем, что «явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса» (Рим 3:26;). В том и состоит оправдание грешника, что праведен *только* один Бог, а грешник нисколько не праведен, – а не в том, что рядом с Богом он станет праведным. Любое хотение, само по себе хотя бы и верное, удаляет нас от оправдания всеобщим искуплением Божьим. Один Бог праведен. Это явлено на кресте как приговор нам, грешникам. Кто находит себя в вере в крестную смерть Христа, тот находит там, где он как грешник приговорен к смерти, правосудие Божье, торжествующее у креста. Он ощущает себя неспособным к самооправданию и не желает его; но только Бог, абсолютно праведный в Себе, способен оправдать его. Ибо человек может оправдаться перед Богом не иначе, как в осознании того, что праведен только Бог, а сам он целиком грешен. Вопрос, как мы,

грешники, можем оправдаться перед Богом, есть в сущности вопрос о том, как Бог может оправдаться *единственно* перед нами. Наше оправдание имеет основание в оправдании Божьем: «Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем» (Рим 3:4;).

Речь идет лишь о победе Божьей над нашей несправедностью, потому что Бог остается праведным перед Самим Собой, потому что единственно Он и праведен. Эта победа достигнута в Кресте. Поэтому Крест есть не только суд, но и примирение (*ἰλαστήριον* ст.25) для всех, кто верит, что в Христовой смерти Бог являет Свою праведность, и кто видит свои грехи. Божья праведность сама творит примирение (*próētheto* ст.25). «Бог во Христе примирил с Собою мир» (2Кор 5:19;), «не вменяя людям преступлений их» – Он нес их на Себе и претерпел за это смерть грешника. «И дал нам слово примирения». Это слово должно обрести веру, веру, что только Бог праведен и что лишь в Иисусе наша праведность. Но между Христовой смертью и проповедью креста лежит Его Воскресение. Только как Воскресший Он обретает над нами власть – властью Своего Креста. Посланничество от Распятого – всегда посланничество от Того, Кто прошел смерть. «Итак мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом». Проповедь примирения – собственное слово Христа. Он – Воскресший, в слове апостола засвидетельствованный для нас Распятым; обретем же снова себя в Христовой смерти, в великой праведности Божьей, которая дарована нам. «Ибо не знавшего греха Он [Бог] сделал для нас *жертвою* за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными перед Богом». Невинный убивается, поскольку Он несет наше греховное тело, он проклинаем и ненавидим Богом и людьми, брошен ко греху ради нашей плоти. Но в Его смерти мы обретаем Божью праведность.

Мы в Нем в силе Его вочеловечивания. Он умер за нас, чтобы мы, грешники, сподобились в Нем Божьей правды именно как грешники, и очистились бы от своих грехов праведностью Божьей. Если Христос есть как бы наш грех перед Богом, грех, который должен быть осужден, то мы обретаем в Нем праведность, но не нашу личную праведность (*idia dikaiosynē* Рим 10:3; Флп 3:9;), а в самом строгом смысле собственно Божью праведность. Божья праведность такова, что мы, грешники, становимся Его праведностью и это наша, т.е. Его праведность (Ис 54:7;), такова что праведен единственно Бог, а мы – принятые Им грешники. Божья праведность – Сам Христос (1Кор 1:30;). Христос же – «С нами Бог», «Еммануил», Бог нашей праведности (Иер 33:16;).

Возвешение смерти Христовой есть для нас проповедь прощения. Включение в тело Христово, т.е. в Его смерть и Воскресение, – это крещение. Единожды умер Христос, единожды мы получаем крещение и отпущение грехов. Они в строгом смысле *неповторимы*. Повторимо

только воспоминание о том, что с нами произошло раз и навсегда, и это воспоминание не только можно, но и должно повторять ежедневно. Тем не менее, воспоминание представляет собою нечто иное, нежели само дело. Кто забывает о деле, для того уже нет повторения. Здесь уместно напомнить о Послании к Евреям (6:5; и след.; 10:26;). Когда соль потеряет силу, чем солить? Для крещеных это значит: Неужели не знаете...? (Рим 6:3; 1Кор 3:16; и 6:19;) и: Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе (Рим 6:11;). Все свершилось не только на кресте Господнем, но и в вас самих. Вы очищены от своих грехов, вы умерли для греха, вы оправданы. Так Бог свершил спасение. Праведностью Он утвердил святыню на земле. Эта святыня – Христос, Его тело. Очищение от грехов совершается смертью грешника в Иисусе Христе. Бог владеет одной общиной, искупленной от греха. Это – община учеников Иисуса, община святых. Они взяты в его удел, они Его святыня, Его храм. Они взяты от мира и живут в новом собственном пространстве в миру.

Отныне в Новом Завете христиане зовутся еще и «святыми». Другое имя, которое можно было бы домыслить, – «оправданные» – не имеет места. Оно не может в полном объеме описать полученный дар. Оно указывает лишь на однократное событие крещения и искупления. Хотя припоминание об этом событии повторяется ежедневно. Хотя святые являются оправданными грешниками. Но в однократном даре крещения и оправдания, который должен припоминаться ежедневно, и одновременно в Христовой смерти заложен дар сохранения жизни оправданного – до Страшного суда. Вот это хранение жизни и есть спасение. Оба дара имеют одно основание – Христа Распятого (1Кор 1:2; и 6:1;). Оба дара имеют одно содержание – единение с Христом. Оба дара неотделимы друг от друга. Но они не одинаковы. В то время как искупление (оправдание) христиан Богом является совершённым делом, их освящение (спасение) Богом – дело настоящего и будущего. Если в искуплении верующий вступает в единение с Иисусом через единократную смерть для греха, то освящение оставляет его на том месте, где он был взят, – во Христе в общине. Если в искуплении (оправдании) на первый план выступает отношение человека к закону, то для освящения решающим оказывается устранение от мира – вплоть до грядущего царства Христа. Если искупление отдельных людей расчленяет общину, то освящение хранит общину в целостности. Искупление отрывает верующего от его греховного прошлого – освящение же позволяет ему пребывать с Христом и, веруя в Него, возрастать в Его любви. Искупление и освящение позволительно будет сравнить с творением и промыслием. Искупление – это творение нового человека, освящение – это сбережение его до дня Господня.

В освящении исполняется Божья воля: «Будьте святые, ибо Я свят», «Я свят Господь, освящающий вас». Это исполняет Господь, Дух

Святой. В Нем завершается Божье попечение о человеке. Это «печать», которая предаёт верующих Богу и сберегает их до дня Избавления. Как до сих пор они были заключены под стражей закона, словно в запертой темнице (Гал 3:23;), так теперь верующие заключены «во Христе», запечатленные Божьей печатью – Духом Святым. Никто не может нарушить печати. Бог Сам запечатал, и ключ в руке Его. Это значит, что Бог целиком владеет тем, кого Он призвал в Свой удел. Круг замкнулся. В Духе Святом человек переходит в Божий удел. Отделенная от мира нерушимой печатью, община святых ожидает окончательного спасения. Церковь идет путями мира, как plombированный вагон по чужой стране. Как Ноев ковчег был осмолен «смолою внутри и снаружи» (Быт 6:14;), чтобы спастись в потопе, – так же и путь запечатленной Церкви есть путь ковчега по бушующей стихии. Цель – искупление, спасение, освящение (Еф 4:30; 1:14; 1Фес 5:23; 1Петр 1:5; и др.) при втором пришествии Христа. Но тот дар, который приоткрывает запечатленным цель, есть Сам Дух Святой. «Дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа; в Нем и вы, услышавши слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовавши в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его» (Еф 1:12-14;).

В том освящение общины, что она отделена Богом от нечестивых, от греха. В том ее спасение, что она в этой запечатленности Божьей стала Его избранным уделом, жилищем Божьим на земле, местом, от которого исходит суд и примирение для всего мира. Спасение в том, что христиане всецело устремлены и попечительствуемы к грядущему пришествию Христа.

Для общины святых это имеет три последствия. Ее спасение совершается в явственном *отстранении от мира*. Ее спасение совершается в *преображении, достойном* Божьей святости. Их спасение *сокрыто в ожидании* Дня Господня.

Поэтому спасение дается – и это *первое* – только в зримой общине. Зримость общины есть решающий признак спасения. Право общины на пространство в мире и одновременное ограничение этого пространства указывает, что община освящена. Печать Духа Святого отделяет общину от мира. Силой этой печати община, притязая на весь мир, занимает в мире определенное место и уточняет границы между миром и собой. Поскольку община (Церковь) – это Самим Богом основанный город на верху горы – «полис» (Мф 5:14;), – поскольку она в таком качестве является запечатленным уделом Божьим, постольку ее святости присущ «политический» характер. Ее «политическая этика» имеет свое единственное основание в ее святости, в том, что мир миром, а Церковь Церковью; и что все же слово Божье возвещается Церковью как проповедь о том, что земля и все, что на ней, – Господне; в этом «политический» характер Церкви. Личное освящение, которое

происходит путем этого зримого отделения общины от мира, соединяет благочестивые желания религиозной плоти с осуществившимся в смерти Христовой спасением печатью Божьей. Ложная гордыня и обманчивая духовная мания ветхого человека состоит в том, что он хочет быть свят без видимой общины братьев. Это презрение к телу Христову как к зримой Церкви, к общине оправданных грешников – оно таится внутри, будучи по виду смиренным. Презрение к Телу Христову, поскольку именно Ему выпало зримо принять мою плоть и претерпеть ее на Кресте; презрение к соборности, ибо я хочу спастись без братьев; презрение к грешникам, ибо отворачиваюсь от греховного облика моей Церкви в самосвятии. Спасение без зримой общины есть прелесть.

Освящение печатью Духа Святого всегда повергает Церковь в борьбу. В своей основе это борьба за эту печать, чтобы она не была нарушена ни снаружи, ни изнутри; чтобы ни мир не стал Церковью, ни Церковь – миром. Это борьба Церкви за место в мире, поскольку Тело Христово дано земле для ее освящения. Отделение мира от Церкви и Церкви от мира – это и есть святая борьба Церкви за святыню Божью на земле.

Святыня дается нам только в зримой общине (Церкви). Но – и это *второе* – именно в отделенности от мира община живет в Божьей святыне, и в общине, этой святыне, живет также часть мира. Поэтому – это значит, что святым надлежит исполнять свое призвание и Евангелие во всех частностях (Еф 4:1; Флп 1:27; Кол 1:10; 1Фес 2:12;), и достойны они становятся, лишь ежедневно вспоминая Евангелие, которым они живы. Вы «омылись, ...осветились, ...оправдались» (1Кор 6:11;). Каждодневно жить этим воспоминанием – их спасение. Это посланничество, которого они должны быть достойны, что мир и плоть мертвы, что они распяты и умерли со Христом на кресте и в крещении, что грех более не может господствовать, ибо его царство уже разрушено, и потому уже более невозможно, чтобы христианин грешил. «Всякий, рожденный от Бога, не делает греха» (1Ин 3:9;).

Разрыв произошел. «Прежнее» (Еф 4:22;) подошло к концу. «Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе» (Еф 5:8;). Раньше они совершали постыдные и «бесплодные дела тьмы» – теперь Дух приносит в них плод ко спасению.

Итак, христиане не должны более называться «грешниками», поскольку ими именуются те, кто живет под властью греха (ἀμαρτωλοί ср. в качестве единственного исключения 1Тим 1:15;), больше того, то они были грешники, безбожники, враги (Рим 5:8,19; Гал 2:15,17;) а теперь они святые по воле Божьей. В качестве святых и они вспоминают, и им напоминает, кто они есть. Не невозможное требуется: чтобы они, будучи грешниками, стали святы (это было бы

возвращением к страстным испытаниям Христа), но – святые должны быть святы, ибо они освящены во Христе Иисусе Духом Святым.

На страшном фоне проходит жизнь святого. Темные дела плоти обнаруживаются при свете Духа: «прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал 5:19;). Все это более не имеет места в общине Христа. Все это пригвождено ко кресту, и с этим совершенно покончено. С самого начала христианину говорится: «поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал 5:21; Еф 5:5; 1Кор 6:9; Рим 1:32;). Эти грехи отделяют от вечного спасения. Если подобный порок обнаружился в общине, виновный должен быть изъят из общности общины (1Кор 5:1; и след.).

Примечательно, что в так называемых «списках прегрешений» присутствует редкостное единодушие в порядке перечисления грехов. Почти неизменно на первом месте стоит блуд (πορνεία), который несовместим с новой жизнью христианина. Далее чаще всего следует жадность (πλεονεξία 1Кор 5:10; 6:10; Еф 4:19; 5:3,5; Кол 3:5; 1Фес 4:4; и след.), которая может быть объединена с предыдущим в понятие «нечистота» и «идолослужение» (1Кор 5:10; 6:9; Гал 5:3,19; Кол 3:5,8;). Далее следуют грехи против братской любви, наконец, грехи праздности²³. Не случайно, что в ряду грехов блуд стоит на первом месте. В основе этого не особенности исторических отношений, а особенный характер этого греха. В нем оживает грех Адама – желание быть как боги, быть творцами жизни, господствовать, а не служить. В нем человек простирается далее установленных ему Богом границ и посягает на Божье создание. В том был грех Израиля, что он всегда обманывал доверие своего Господа и «блудодействовал идолам». (1Кор 10:7;), цепляясь за них. Блудодействие – прежде всего грех против Бога Творца. Для христианина это еще в особенном смысле грех против тела Христова, поскольку тело христианина есть член Христа. Оно принадлежит только Христу. Плотское же соединение с блудницей разрушает духовное единение с Христом. Кто крадет свое тело у Христа и отдает его греху, тот разлучился с Христом. Блуд – грех против собственного тела. Христианин же должен знать, что его тело – храм Святого Духа, живущего в нем (1Кор 6:13; и след.). Единение тела христианина с Христом так тесно, что своим телом он не может принадлежать еще и миру. Общность с телом Христовым воспрещает грех против собственного тела. Блудника ожидает Божий гнев (Рим 1:29; 1Кор 1:5; и сл.; 7:2; 2Кор 12:21; Евр 12:16; 13:4;). Христианин целомудрен, свое тело он полностью отдает на службу телу Христову. Он знает, что в страданиях и смерти Господней на кресте его тело

²³ В качестве прообраза этого списка грехов могут быть приведены слова Господа (Мк. 7:21; и след.).

поражено и предано смерти. Единение с измученным и сияющим телом Христа избавляет христианина от соблазнов плотской жизни. Дикие плотские вожделения каждодневно умирают в этой общности. В повиновении и умеренности христианин служит своим телом лишь воздвижению Тела Христова, общины. Он совершает это также и в семье, делая ее соучастницей Тела Христова.

С блудом связана жадность. Для обоих едина ненасытность желаний, делающая скупого добычей мира. Не возжелай, гласит Божья заповедь. Блудник и скупец суть не что иное, как похотливцы. Блудник домогается другого человека. Скупой домогается мирских благ. Скупой хочет богатства и власти, но становится рабом мира; отдав ему свое сердце. Похоть и скупость – это печать мира, делающая человека запятнанным нечистым. Блуд и жадность суть идолослужение, поскольку при этом сердце принадлежит уже не Христу, а вожделенным благам мира сего.

Тот же, кто сам творит себе бога и мир, для кого собственная страсть становится богом, тот должен ненавидеть брата, стоящего у него на пути и мешающего его своеволию. Вражда, ненависть, зависть, убийство – все происходят из любострастного источника. «Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших?» (Иак 4:1;). Блудник и корыстолюбец не могут иметь братской любви. Они живут из тьмы сердца своего. Тем, что они прегрешают против тела Христова, они грешат против своих братьев. Блуд и братская любовь исключают друг друга во имя тела Христова. Тело, которое я лишаю общения с Христом, – не может служить и ближнему. За небрежением к собственному телу и телу брата должно последовать наглое, безбожное похотение в еде и питии. Презирающие свое тело подпадают под власть плоти, они «служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву» (Рим 16:18;). Омерзительность этого греха состоит в том, что здесь мертвая плоть угождает сама себе и таким образом повреждается образ Божий в человеке. Блудник не имеет участия в теле Христовом.

Для общины (Церкви) мир этих пороков – в прошлом. Община вновь и вновь должна отделяться от тех, кто живет этими пороками (1Кор 5:9; и след); ибо «что общего у света с тьмою?» (2Кор 6:14; и след.). Там «дела плоти», здесь «плод Духа» (Гал 5:19; Еф 5:9;).

Что значит плод? Есть много «дел» плоти, но есть всего *один* «плод» Духа. Дела делаются человеческой рукой, а плод возрастает без того, чтобы дерево знало об этом. Дела мертвы, плод живет и приносит семена, приносящие новый плод. Дела могут быть ради самих себя, плода же нет без дерева. Плод – всегда нечто чудесное, осуществленное; он не желаемое, а произросшее. Плод духа – единственный действительный дар Божий. Кто несет его в себе, так же мало знает о нем, как дерево о своих плодах. Он знает только о силе

Того, Кем он живет. Здесь никакой похвальбы, но единственно внутреннее единение с началом, с Христом. Святые ничего сами не знают о плоде святости, который они приносят. Левая рука не знает, что делает правая. Если они хотят здесь что-нибудь знать, если они хотят впасть в самосозерцание, тогда они близки ко времени отторжения от корня, и время их плодоношения недалеко. «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал 5:22;). Рядом со святостью общины (Церкви) здесь является в ясном свете святость отдельного христианина. Но источник один и тот же – единство со Христом, единство с Его телом. Как отстранение от мира продолжается в зримой борьбе с ним, так и личностное спасение состоит в борьбе духа с плотью. Святые видят лишь борьбу, нужду, слабость и грехи в их собственной жизни; и чем непорочней они стоят на пути спасения, тем более они сознают себя как умучающихся, смертных во плоти. «Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал 5:24;), они еще во плоти, но именно поэтому вся их жизнь должна стать верой в Сына Божия, Который начал жить в них (Гал 2:20;). Христианин умирает каждодневно (1Кор 15:31;), но хотя тело его страдает и умирает, внутренний его человек обновляется изо дня в день (2Кор 4:6;). Плотское умирание святых имеет единственный смысл в том, что Христос начал жить в них Духом Святым. Святые умирают во Христе и Его жизни. Теперь они более не нуждаются в самочинных страданиях, которыми могли бы только лишний раз утвердиться в собственной плоти. Христос – их ежедневное умирание и их ежедневная жизнь.

Поэтому в них действует та радость, что рожденный от Бога не может больше грешить, что грех больше не властен над ним, что он умер для греха и живет в духе²⁴. «Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут» (Рим 8:1;). Бог любит своих святых, ибо Он есть Тот, Кто действует в их борьбе и умирании, и плод святости, от которого должны быть святые, в том и заключается, что он

²⁴ Я, однако, живу, говорит верующий. Я живу перед лицом Божьим, я живу перед Его престолом и судим в Его милосердии; я живу в Его хвале, в Его свете, в Его любви, грехи мои целиком искуплены; все долги мои оплачены и погашены. Закон ничего более не требует от меня, он более меня не касается, он больше меня не проклинает. Я праведен перед моим Богом, как Он праведен перед Собой; свят и совершенен, как свят мой Бог, как совершенен Отец мой Небесный. Я весь овеваем Божьей благодатью; это моя почва, на которой я стою, и мой покров укрывающий меня. Все блаженство Божье, весь Его покой поднимают и несут меня; я вздыхаю свободно и ощущаю себя вечно-блаженным. У меня больше нет грехов, и я более их не совершаю, я знаю чистой совестью, что хожу по Божьим путям и творю Его волю, что я вест в Его воле – иду я или стою, сижу или лежу, бодрствую или сплю. И то, что я думаю или говорю, – по его воле. Где бы я ни находился: снаружи или внутри, – это по Его милостивой воле. Я ему угоден – действуя или отдыхая. Моя вина навсегда снята, и новых грехов, что не могли бы быть прощены, я не совершу. Я огражден Его милостью и не могу более грешить. Смерть не может умертвить меня, я живу вечно, как ангелы Божьи. Господь более не будет на меня гневаться или укорять меня, я навсегда избавлен от грядущего гнева. Беда более не коснется меня, мир больше не получит меня в свои сети. Кому под силу разлучить нас с Божьей любовью? Если Господь за нас, то кто устоит против нас? (Kohlbrügge).

есть, даже если он глубоко сокрыт. Это не значит, что в общине могут царить блуд, гордость, убийство, презрение к брату, прикрываемые проповедью о прощении. И не так обстоит дело, будто плод спасения может оставаться невидимым. Но именно там, где она будет видна со всех сторон, когда весь мир заговорит об общине, как в первые времена христианства. «Смотрите, как они любят друг друга», – именно там и тогда святые будут одиноко и непоколебимо взирать на Того, Кому они принадлежат, и, в неведении о своем добре, будут просить о прощении своих грехов. Те самые христиане, которые сделались Своими Ему так, что грех уже не господствует над ними и верующий более не грешит, будут исповедовать: «Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас. Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника» (1Ин 1:8-2:1;). Так учил нас молиться Сам Господь. И прости нам долги наши. Так Он учил непрестанно прощать друг другу грехи (Еф 4:32; Мф 18:21; и след.). Тем, что христиане по-братски прощают друг другу, они дают место прощению Христову в их сообществе. Они теперь узнают в ближнем уже не того, кто причинил им обиду, но того, кого Христос искупил на Кресте. Они узнают друг друга как спасенные Крестом Господним. Под этим крестом каждодневной смертью освящаются их мысли, их слова, их тело. Под этим крестом вырастает плод спасения.

Община святых – вовсе не «идеальная» община безгрешных и совершенных. Это не есть община чистых, более не оставляющая грешникам места для покаяния. Она скорее община, исповедующая Евангелие прощением грехов, тем, что здесь действительно возвещается Божье прощение, которое не имеет ничего общего с самооправданием; община тех, кто действительно сподобился дорогой Божьей благодати и стал достоин Евангелия тем, что не разбазаривал и не отбрасывал его.

Отсюда ясно, что в общине святых прощение может проповедоваться только там, где проповедуется также покаяние, где Евангелие не остается без проповеди, где грехи не только прощаются, но и сохраняются. Такова воля Господа, чтобы святыня Евангелия не была брошена псам, но чтобы она оставалась под защитой проповеди покаяния. Община, которая не называет грех грехом, не найдет также веры для того, чтобы принять искупление грехов. Она согрешает на святыню, она делается недостойной Евангелия. Она нечестивая община, ибо она отвергает дорогое искупление Господа. Это не к тому, чтобы толковать об общей греховности человека даже в его добрых делах, это не проповедь покаяния, но – конкретный грех должен быть назван,

наказан и осужден. Это правильное использование *власти ключей* (Мф 16:19; 18:18; Ин 20:23;), которую Господь дал Своей Церкви и о которой с такой настойчивостью говорили реформаторы. Ради святости, ради грешника и ради общины надо в общине применять ключ умирения.

Достоинству поведению общины перед Евангелием служит упражнение в *послушании (воспитании) в общине*. Так же, как освящение содействует отделению общины от мира, оно должно способствовать и отделению мира от Церкви. Одно без другого будет нечестным и недействительным. Община, выделенная из мира, должна содержаться послушанием.

Послушание служит не созданию общины совершенных, но единственно созданию общины тех, кто действительно живет под Божьим всепрощающим милосердием. Грешник в общине должен быть вразумлен и наказан, чтобы он не потерял спасения и чтобы не повредить Евангелию. Таким образом, крещение может принять только тот, кто кается и исповедует свою веру в Иисуса Христа. Только тот может получить благодать Тайной вечери, кто «может различать» (1Кор 11:29;) искупление грехов между действительным телом и кровью Иисуса Христа и какой-нибудь другой трапезой символического и особенного рода. Помимо этого он может испытать исповедание своей веры, а также, «проверяя» себя или подвергаясь проверке другими братьями, воистину ли он жаждет тела Христова и крови и прощения Его. *Допрошанием веры* является *раскаяние в грехах*, в котором христианин ищет и получает уверенность в отпущении своих грехов. Здесь Бог дает грешнику помощь, опасаясь его самообмана и самопрощения. В исповедании грехов перед братом умирает плоть с ее гордыней. Вместе с Христом она отдается поруганию и смерти, и через слово прощения возникает новый человек, познавший милосердие Божье. Такова роль исповеди в жизни святых. Она Божий дар, которым нельзя злоупотреблять безнаказанно. В покаянии воспринимается дорогая благодать Божья. Здесь христианин уподобляется смерти Христовой. «Поэтому, когда я призывал к покаянию, я не делал ничего другого, как призывал быть христианином» (Лютер. Большой катехизис).

Послушание пронизывает всю жизнь общины. Здесь, основанная на служении милосердию, присутствует иерархия. Источником всех упражнений в воспитании остается проповедь Слова. Она не ограничивается молитвенным собранием, более того, для служителя она нераздельна с его личным заданием. «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2Тим 4:2;). Это начало послушания. При этом должно быть ясно, что наказываться могут только те грехи, которые будут явны: «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к

осуждению, а некоторых *открываются* впоследствии» (1Тим 5:24;). Таким образом, общинная дисциплина становится смягчением наказания Страшного суда.

Если отказаться от надзора за послушанием уже здесь, на первой ступени, т.е. в повседневной пастырской службе, то все дальнейшее будет поставлено под вопрос. Вторая ступень – братское увещание членов общины, научайте и вразумляйте друг друга (Кол 3:16; 1Фес 5:11,14;). К увещанию относится утешение малодушных, перенесение слабостей больных и терпение ко всем (1Фес 5:14;). Только так ежедневная рутина может предотвратить ежедневные искушения и разлад в общине.

Где более не живо это братское служение в общине, там труднодостижима следующая ступень. Если брат впал в открытый грех словом или делом, тогда община должна иметь силы применить к нему дисциплинарные меры. Но и это долгий путь: община должна вначале преодолеть себя, отделить себя от грешника, «...не сообщайтесь с ним» (2Фес 3:14;), «уклоняйтесь от них» (Рим 16:17;), «с таким даже и не есть вместе» (причащаться?) (1Кор 5:11;), «Таковых удаляйся» (2Тим 3:5; 1Тим 6:4;). «Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа (!), удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас» (2Фес 3:6;). Такой образ действий общины нужен для того, чтобы «устыдить» грешника (2Фес 3:14;) и благодаря этому заполучить его обратно.

Это уклонение от грешника определенно включает временное исключение его из деятельности общины. Но такое уклонение от явного грешника не должно означать устранения его из всякой общности. Более того, община, отделяющая себя от грешника, впредь должна пестовать его словом вразумления: «Но не считайте *его* за врага, а вразумляйте, как брата» (2Фес 3:15;). Грешник пока еще брат и именно как таковой познает наказание и вразумление общины. Это – милосердное братство, велящее общине упражняться в ее воспитании. Строптивцы должны быть взысканы со всею кротостью, а о злых испрошено, «не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю» (2Тим 2:26;). Путь этого вразумления может быть различным, смотря по грешнику, но он всегда имеет целью покаяние и примирение. Если грех может оставаться сокрытым между тобой и грешником, то ты не должен открывать его, более того, ты должен только взыскивать с него и призывать к покаянию, и таким образом «приобрел ты брата своего». Но если он тебя не слышит, а коснеет в своем грехе, то ты должен не сразу открывать грех, но искать одного или двух свидетелей (Мф 18:15; и след.) Свидетели требуются как против греховного деяния (т.е. если его нельзя доказать и оно отрицается членом общины, то оставь это дело Господу; братья суть свидетели, а не инквизиторы!), так и против

упорства грешника в покаянии. Тайна и упражнение в воспитании (послушании) должны облегчить грешнику возврат. Слушает он сейчас или нет, но если грех так или иначе явен для всей общины, тогда делом всей общины становится вразумить грешника, призвать вернуться (Мф 18:17; ср.: 2Фес 3:14;). Если грешник – носитель священства в общине, то он может быть обвинен только двумя или тремя свидетелями. «Согрешающих обличай пред всеми, чтоб и прочие страх имели» (1Тим 5:20;). Отныне община призвана обладать властью ключей совместно с носителем священства. Открытый приговор нуждается в открытом представительстве общины и служителя. «Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию» (1Тим 5:21;); ибо теперь грешник подлежит лишь Божьему суду. Если он кается искренне, открыто признает свой грех, то он получает прощение всех своих грехов именем Господа (ср. 2Кор 2:6; и след.), а если упорствует в своем грехе, то община именем Бога должна вменить ему этот грех. Это же означает исключение из всякого единения в общине. «Да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф 18:17;). «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе...»; «Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (18:18;). В исключении из общины подтверждается лишь то, что уже стало фактом, а именно что не склонный каяться грешник «развернулся и грешит, будучи самоосужден» (Тит 3:11;). Его осуждает не община – он сам произнес приговор себе. Такое полное исключение Павел называет – «предать сатане» (1Кор 5:5; 1Тим 1:20;). Виновник отдается назад миру, в котором правит сатана, творя смерть. (Что здесь имеется в виду не акт смертной казни, как в Деян 5, показывает сравнение с 1Тим 1:20; и 2Тим 2:17; 2Тим 4:15;). Виновник выдворяется из единения Тела Христова, ибо он сам себя отделил. Ему более не дано притязать на общину. И все-таки это окончательное деяние остается на службе цели спасения смятенных, «чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор 5:5;), «чтобы они научились не богохульствовать» (1Тим 1:20;). Возвращение в общину или достижение спасения остается целью воспитания в общине. Остается делом наставления. Итак, нет сомнения, приговор общины выдержан в вечности; если кто-то не кается, тогда этот приговор, в котором грешник все же должен обрести спасение, – только последняя возможность предложить единение общины, спасение²⁵⁻²⁶.

²⁵ За пределами общинной воспитательной практики, всегда находящейся на службе милосердия, даже если упорствующий грешник предается сатане, Новый Завет признает плодотворным наказанием проклятие, анафему. Оно уже более не связано со спасительной целью. Оно явлено как предупреждение Божьего суда. В Ветхом Завете ему соответствует «херем», к которому приговариваются нечестивцы. Он означает окончательное устранение из общины, изгоняемый подлежал смерти. Этим указывается на двойность: община более ни при каких обстоятельствах не хочет сносить изгоняемого и простить ему. Поэтому он предается лишь

Итак, освящение общины проявляется в ее поведении, достойном Евангелия. Она приносит плод Духа и повинуется слову. В любом случае она, идя навстречу пришествию Христа, остается общиной тех, чье освящение единственно во Христе (1Кор. 1:30;).

С этим мы подходим к *третьему* предназначению истинной святости. Святость всецело нацелена на способность выстоять в день Господень. «Старайтесь иметь ...святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14;). Святость всегда соотносится с концом. Ее цель не в том, чтобы выдержать суд мира или свой собственный суд, но – суд, исходящий от Господа. Перед собой и перед миром их святость

Богу. При этом, однако, изгоняемый хоть и проклят, но спасен, поскольку предан Богу. Но поскольку как проклятый он принадлежит лишь Богу, то община больше не должна считаться с соображениями о спасении. Что анафема означает отъятие от спасения, указывается в Рим 9:3; что анафема имеет эсхатологическую сторону, напрашивается из 1Кор 16:22; Что анафема поражает того, кто своей проповедью преднамеренно нарушает Евангелие, говорится в Гал 1:8; и след. Определенно не случайно, что единственное место, где анафема высказывается об определенных людях, – это о еретиках. Doctrina est coelst, vita terra (Лютер).

²⁶ Учение о послушании (воспитании) отличается от общинного послушания (воспитания) в том отношении, что последнее вытекает из истинного учения, т.е. из истинного использования власти ключей; первое же само направлено против неправильного использования учения. Через лжеучение портится источник жизни общины и общинного послушания. Поэтому прегрешение против учения весит больше, чем прегрешение в поведении. Кто лишает общину Евангелия, заслуживает безграничного осуждения, а кто грешит своим поведением, для того Евангелие еще есть. Учение о послушании распространяется главным образом на носителей священства (служения) в Церкви. Предпосылкой прежде всего должна быть гарантия при вверении служения, состоящая в том, чтобы служитель был «учителен», мог наставлять в учении (1Тим 3:2; 2Тим 2:24; Тит 1:9;), был способен «и других научить» (2Тим 2:2;), чтобы ни на кого поспешно не возлагал рук, ибо иначе вина того вернется к рукоположившему его (1Тим 5:22;). Итак, учение о послушании употребляется еще до призвания к учительному служению. Жизнь и смерть общины зависит здесь от исключительной добросовестности. Учение о послушании, однако, не заканчивается с призванием в учительное служение; напротив, только начинается. И сам надежный служитель – Тимофей – должен в непрестанном служении побуждать к сохранению истинного, спасительного учения. Он должен особо побуждать к чтению Св.Писания. Слишком велика опасность заблуждения (2Тим 3:10; 3:14; 4:2; 2:15; 1Тим 4:13; Тит 1:9; 3:8;). Сверх того должно, однако, быть вразумление о примерном поведении. «Вникай в себя и в учение» (1Тим. 4:13; и след.; Деян. 20:28;). Быть призванным к целомудрию, смирению, беспристрастности, усердию – для Тимофея в этом нет ничего зазорного. Любой практике воспитания в общине предшествует послушание священнослужителю. Задача носителя служения – распространять в своей общине истинное учение и противостоять любым его извращениям. Где налицо тяга к лжеучению, там священнослужитель должен увещевать, «чтобы они не учили иному» (1Тим. 1:3;); ибо он несет учительное служение и должен указывать. Он должен, далее, предостерегать и напоминать, что следует избегать словопрений (2Тим. 2:14;). Если объявился еретик, его надо довести до «первого и второго вразумления». Если он не слушает, то с человеком, предавшимся ереси, следует прекратить общение (Тит 3:10; 1Тим 6:4; и след.); ибо он прельщает общину (2Тим 3:6;). «Всякий, пресупающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога». Такого лжеучителя следует не принимать в дом и отказывать в приветствии (2Ин. 10;). В лжеучителе приходит антихрист. Антихристом зовется не грешник в своем поведении, но единственно лжеучитель (еретик). К нему одному относится анафема в Гал.1:9; Для отношения учения о послушании и общинного послушания имеет значение следующее. Нет общинного послушания без учения о послушании. Но нет, однако, и учения о послушании, которое не вело бы к послушанию общинному. Павел пеняет коринфянам, что в своей надменности они ведут дело к схизме, вместо того, чтобы упражняться в послушании (1Кор 5:2;). Так что подобное отделение вопроса учения от вопроса поведения в общине невозможно.

может быть грехом, их вера неверием, их любовь суровостью, их воспитание немощью. Их истинная святость остается втайне. Но Христос Сам приготавливает Свою общину, так что она может выстоять перед Ним.

«Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5:25-27; Кол. 1:22; Еф. 1:4;). Перед Иисусом Христом может выстоять лишь освященная Церковь (община); примиривший богоненавистников и отдавший Свою жизнь за безбожников, Он сделал это, чтобы Его Церковь была священна до Его второго пришествия. Это происходит через запечатление Духом Святым – святые заключаются в святость Церкви и будут сохранены до дня Иисуса Христа. В тот день они предстанут не как имеющие пятно и позор, но святыми и безупречными в духе, душе и теле (1Фес 5:23;). «Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор 6:9-11;). Поэтому пусть противится Божьей благодати тот, кто хочет пребывать во грехе! Только освященная Церковь будет спасена от гнева в день Иисуса Христа; ибо Господь будет судить по делам, невзирая на личность. Станет явным всякое деяние, и каждому воздастся соответственно тому, «что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2Кор. 5:10; Рим. 2:6; и след.; Мф. 16:26;). Что здесь, на земле, не нашло своего суда, то не останется втайне в день Страшного суда, все выйдет на свет. Кто тогда устоит? Тот, кто пребывал в добрых делах. Будут оправданы не слушатели, но делатели закона (Рим 2:13;). По слову Господа, в Его Царство Небесное войдут только те, кто действовал по воле его Отца Небесного.

Если мы будем судимы по нашим делам, то нам заповедано «доброе дело». Страх перед добрым делом, которым мы стремимся оправдать наши злые дела, Библии, конечно, чужд. Писание нигде не противопоставляет веры доброму делу так, чтобы в добром деле видеть разрушение веры; более того, только злое дело препятствует вере и уничтожит ее. Благодать и деяние соположны. Нет веры без добрых дел, как и доброго дела без веры²⁷. Христианину ради его спасения

²⁷ Различие между Павлом и Иаковом состоит в том, что Иаков смирение веры рассматривает как возможность самовосхваления, а согласно Павлу, смирение в делах лишает возможности самовосхваления. Иаков не хочет оспаривать законность высказывания, что человек оправдывается единственно по вере, но хочет отвести верующего от опасности успокоения в его

необходимы добрые дела; ибо кто пребывал в злых делах, тот не увидит Царства Божия. Поэтому доброе дело есть цель христианского бытия. Поскольку в этой жизни единственно важно то, как именно человек может устоять на последнем суде, и поскольку каждый будет судим по своим делам, то речь идет в целом о приготовлении христианина к доброму делу. Итак, новое сотворение человека во Христе имеет целью добрые дела. «Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы – Его творение, *созданы во Христе Иисусе на добрые дела*, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф. 2:8-10; ср.: 2Тим. 2:21; 3:17; Тит. 1:16; 3:1; 8:14;). Здесь все совершенно ясно. Цель, которой требует Бог, – творить добрые дела. Божий закон остается прям и должен быть исполнен (Рим. 3:31;). Это происходит через доброе дело. Но есть только *одно* доброе дело – это Божье дело во Христе Иисусе. Мы становимся блаженны через дело Бога во Христе, а не через наше собственное дело. Итак, нам никогда не перепадает славы от нашего дела; ибо мы – Его дело. Но мы для того заново созданы во Христе, чтобы мы пришли в Нем к добрым делам.

Все наши добрые дела суть единственно добрые дела Бога, к которым Он нас приготовил. Итак, хотя добрые дела и заповеданы ради спасения, они суть все-таки именно только дела, которые в нас творит Сам Бог. Они – Его дар. Сами же мы призваны исполнять добрые дела, призваны в каждое мгновение к добрым делам, и, тем не менее, мы знаем, что и с добрыми делами мы не сможем устоять перед судом Божиим; но что единственное, чем мы захвачены в вере, – это Христос и Его дело. Итак, тем, кто во Христе Иисусе, Бог обещает добрые дела, с которыми только они и смогут устоять; Он обещает им сохранность в святости до дня Господня. Мы же можем только верить этому обетованию Божию, Его слову и следовать, и творить добрые дела, к которым Он приготовил нас.

Наши добрые дела остаются незримыми для нашего ока. Наше освящение остается для нас втайне до того дня, когда все откроется. Если же кто-то хочет здесь что-то увидеть, кто стремится обнаружить себя, не желая терпеливо ожидать, тот имеет свою награду в этом. Как раз в нашем мнимом прогрессе святости, которому мы непрочь порадоваться, мы прежде всего воистину призываемся к покаянию и познаем наши дела как греховные. Ведь мы же призваны ко все большей радости о нашем Господе. Только Бог знает наши добрые дела, мы знаем только Его добрые дела, и слушаем Его заповедь, и идем под Его благодатью, действуя по Его заповедям, и – грешим. При этом должно быть так, чтобы новая праведность, святость, свет, который должен светить, оставались втайне для нас. Левая рука не знает, что

вере к делу послушания и тем действительно привести его к смирению. Как у Павла, так и у Иакова речь идет о том, чтобы человек действительно жил из благодати, а не из себя самого.

делает правая. Но мы верим этому в благой уверенности, что «начавший в вас *доброе* дело будет совершать (его) даже до дня Иисуса Христа» (Флп. 1:6;). В тот день Христос Сам откроет нам наши добрые дела, о которых мы и не знали. Если мы этого не знали, мы были этим напитаны, напоены, облачены, поражены, а если мы это знали, мы оттолкнули бы Его от нас. И тогда, немало удивясь, мы узнаем, что устояли не наши дела, но дела, которые Бог совершил через нас в свое время без нашего желания и усилий (Мф. 25:31; и след.). Итак, нам опять же ничего не остается, как отвести взгляд от нас на Того, Кто уже все исполнил, и следовать Ему.

Верующий оправдывается, оправдывающийся освящается, освященный спасается на суде – не в силу нашей веры, нашей праведности, нашей святости (насколько может быть нашим что-то, кроме греха), но потому, что Иисус Христос сделался для нас «праведностью и освящением и искуплением, чтоб было, как написано: «Хвалящийся хвались Господом» (1Кор.1:30;).

ОБРАЗ ХРИСТА

«Ибо, кого Он предузнал, тем и предопределил (быть) подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями» (Рим.8:29;). Это неизъяснимо великое обетование, данное тем, кто, вняв призыву, последовал Иисусу Христу, чтобы Христу уподобиться. Они должны носить Его образ как братья первородного Сына Божия. Конечное предназначение ученика в том, чтобы он стал «как Христос». Образ Иисуса Христа, который воспоследовавший всегда имеет перед глазами, когда исчезают все остальные образы, – проникает в него, наполняет его, составляет его, чтобы ученик уподобился учителю и равнялся по Нему. Образ Иисуса Христа запечатлевается в ежедневном единении на образе ученика. Последовавший не может смотреть на образ Сына в мертвом, рутинном созерцании; от этого образа исходит житнетворная сила. Кто всецело отдает себя Иисусу Христу, тот будет носить Его образ. Тот становится сыном Божиим стоя рядом со Христом как незримым Братом в равном образе, как подобие Божье.

Как Свое подобие Бог сотворил вначале Адама. Бог искал в Адаме, венце Своего творения, созвучия Своему собственному образу, «и увидел Бог, что это хорошо». В Адаме Бог узнал Самого Себя. Итак, изначально неразрешимая тайна человека в том, что он должен стать одновременно и творением, и творцом. Сотворенный человек должен носить образ безначального Бога. Адам – «как Бог». Теперь он должен благодатно и в послушании нести тайну свою – быть и творением, и богоуподобленным. Ложь змея, совлекшего Адама, состояла в том, что Адам должен, мол, сперва стать как боги в своих делах и решениях. Так Адам отбросил благодать, предпочтя самочинное деяние. Адам сам хотел разрешить тайну своей сути, творения и богоподобия. Он захотел стать исходя из самого себя тем, чем он уже был от Бога. Это было грехопадение. Адам стал «как боги» – *sicut deus* – на свойственный ему манер. Он уже произвел себя в боги и теперь больше не имел Бога. Он господствовал как Бог Творец в обезбоженном, исторгнутом мире.

Но загадка его бытия остается неразрешимой. Человек утеряти свою собственную, богоподобную сущность, которой был наделен от Бога. Отныне он живет, лишенный своего существенного предопределения – быть подобием Божиим. Человек живет, не будучи человеком. Он должен жить, не будучи способным жить. Вот противоречие нашего бытия и источник всех наших напастей. И с тех пор возгордившиеся дети Адама стремились воссоздать потерянный образ Божий, исходя лишь из самих себя. Но как раз чем серьезнее и напористее их стремление вновь обрести потерянное, чем убедительнее внушает им гордость кажущийся успех, тем глубже противоречие с

Богом. Их уродство, запечатленное на образе сочиненного ими Бога, все больше и больше несет (а они не сознают этого) образ сатаны. И подобие Божие как благодать Творца на этой земле остается утраченной.

Но Бог не отворачивается от Своего потерянного творения. Он вторично хочет создать в нем Свое подобие. Бог снова благоволит к Своему творению. Он ищет в нем Свой образ, дабы возлюбить его. Но Он находит его только тем, что Он Сам принимает образ и вид потерянных людей. Бог должен уподобиться человеческому образу, поскольку человек более не может уподобиться образу Божию.

Образ Божий должен быть восстановлен в людях. При этом речь идет о целом. Дело не в том, чтобы человек вновь обрел правильные понятия о Боге, чтобы он вновь подчинил свои дела слову Божьему, но чтобы как целостность, как живое творение Божье – он стал подобием Божьим; этим и определяется цель. Тело, душа и дух (разум) – вся целокупность человека должна носить образ Божий на земле. Благоволение покоится только на Его совершенном подобии.

Образ возникает из жизни, из живого прообраза. Облик слагается из облика. Или человеческий облик образуется надуманным понятием о Боге, или же это истинное, живое богоприсутствие запечатлевает на облике человека подобие Божие. Должна произойти метаморфоза, «преобразование» (Рим.12:2; 2Кор.3:18;), перемена состояния, чтобы падший человек снова стал образом Божьим. Вопрос в том, как возможно превращение человека в образ Божий.

Поскольку падший человек сам не может вновь обрести и принять образ Божий, то помощь может прийти только *одним* путем. Бог Сам принимает облик человека и приходит к нему. Сын Божий, бывший в Божественной ипостаси рядом с Отцом, отказывается от нее и приходит в виде слуги к людям (Флп.2:5; и след.). Перемена состояния, недостижимая для людей, теперь происходит в Самом Боге. Подобие Божье, вовеки пребывавшее у Бога, теперь принимает образ падшего, грешного человека. Бог посылает Своего Сына в подобии плоти греховной (Рим.8:2; и след.).

Бог посылает Своего Сына – помощь может заключаться только в этом. Ни новая идея, ни лучшая религия не могли бы достигнуть цели. Приходит Человек к человеку. Каждый человек несет образ. Его тело и Его жизнь становятся зримыми в его появлении. Человек не есть голое слово, мысль, воля, но он прежде всего и во всем именно человек, облик, образ, брат. Так в нем возникает не только новое мышление, новое хотение, поведение, но новый образ, новый облик. В Иисусе Христе нам предстает подобие Божие в виде нашей потерянной человеческой жизни, в подобии плоти греховной. В Его учении и Его делах, Его жизни и Его смерти проявился Его образ. В Нем Бог вновь сотворил Свое подобие на земле. Вочеловечение, слово и дело Иисуса и

Его смерть на кресте неотделимо принадлежат к этому образу. Это иной образ, чем таковой же у Адама в его райской славе. Это образ Того, Кто поставил Себя посреди мира греха и смерти, Кто принимает на Себя тяготы человеческой плоти, Кто смиренно покоряется гневу и суду Божию, учиняемому над грешниками, Кто остается послушным Божьей воле в смерти и страданиях; рожденный в бедности, грешников и мытарей друг и сотрапезник, на кресте отвергнутый и брошенный Богом и людьми, – это Бог в человеческом образе, это Человек как новое подобие Божье!

Мы безусловно знаем, что знаки страдания – раны, полученные на Кресте, стали теперь благодатными знаками на теле Воскресшего и Преображенного Христа, что отныне образ Распятого пребывает в славе вечного Первосвященника, молящего Бога за нас. Из рабского положения Иисуса возродилось новое тело в небесном обличье и небесной просветленности. Но кто по Божьему обетованию может сподобиться просветленности и славы Иисуса, тот прежде должен уподобиться образу послушного, страждущего Раба Божия на Кресте. Кто хочет нести просветленный образ Иисуса, тот должен перенести в мире образ опозоренного Распятого. Никто сам не обретет заново утраченного подобия Божия, а только снискав облик Вочеловечившегося и Распятого Иисуса Христа. Только на этом образе покоится Божье, благоволение. Лишь тот, кто стремится обрести себя, равняя себя по этому образу, живет в благоволении Божьем.

Уподобиться облику Иисуса Христа – это не предложенный нам идеал осуществления какого-либо сходства со Христом. Не мы делаемся подобием, но само подобие Божие, сам облик Христа желает изобразиться в нас (Гал.4:19;). Его собственный облик стремится выявиться в нас. Христос, производя в нас работу, не успокоится, пока мы не изобразимся в Нем. Это – весь облик *Вочеловечившегося, Распятого и Просиявшего*, с которым мы должны уравниваться.

Христос принял этот *человеческий облик*. Он стал человек, как и мы. В Его человечности и Его низком положении мы признаем наш собственный облик. Он стал равен людям, чтобы они стали равны Ему. В вочеловечивании Христа все человечество заново удостоивается чести богоподобия. Кто сейчас согрешает против малейшего из людей, тот грешит против Христа, принявшего человеческий облик и воссоздавшего в Себе подобие Божие во всем, что несет в себе лик человеческий. В единении с Вочеловечившимся нам вновь даровано наше собственное человеческое бытие. Тем самым мы вырваны из греховного отъединения и заново одарены человечностью. Если мы причастники Христа, Вочеловечившегося, то мы становимся причастниками и человечества, несомого Им. Поскольку в Иисусе мы были приняты и несомы вместе со всем человечеством, то новая наша человечность состоит отныне в том, что мы переносим лишения и вину

других. Вочеловечившийся делает Своих учеников братьями всех людей. «Человеколюбие» (Тит.3:4;) Божье, явленное в принятии Христом человеческого облика, кладет основание братской любви христиан ко всем, зовущимся на земле людьми. Облик Вочеловечившегося зовет общину стать телом Христовым, на которое падают грехи и лишения всего человечества, с тем чтобы нести человечество.

Облик Христа на земле есть *смертный облик* Распятого. Подобие Божие – это образ Иисуса Христа на Кресте. Жизнь ученика должна быть преобразована в этот образ. Это жизнь в подобии смерти Христовой (Флп.3:10; Рим.6:4; и след.). Это жизнь в сораспятии Христу (Галл.2:19;). В крещении Христос запечатлевает на жизни Своих облик смерти. Христос отмечает жизнь Своих ежедневной смертью в борьбе духа против плоти, ежедневным страданием от смертельной боли, которой дьявол разит христианина. Это страдание Самого Иисуса Христа, и на земле его должны пройти все Его ученики. Только жизнь некоторых последовавших Христос удостаивает теснейшим приобщением к Своим страданиям, мученичеству. Здесь жизнь ученика обнаруживает глубочайшее уподобление с обликом умершего Иисуса Христа. В явном позоре, в страдании и в смерти ради Христа, Христос обретает зримый облик в Своей общине. Но это – от крещения до мученичества – то же самое страдание, та же самая смерть. Это новосотворение подобия Божия в Распятом.

Кто пребывает в единении с Вочеловечившимся и Распятым, в Котором он обрел облик, тот станет подобен также и Воссиявшему и Воскресшему. Мы «будем носить и образ небесного» (1Кор.15:49;). Мы «будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин.3:2;). Как ныне образ Распятого, так потом и образ Воскресшего будет преобразовывать видящих его. Кто видит Христа, тот вовлечется в Его образ, уподобится Его облику, став зеркалом образа Божия. Уже на этой земле отражается в нас слава Христова. Из смертного облика Распятого, в котором мы живем в лишениях, под крестом, уже сияет жизнь Воскресшего; и все глубже преображение в подобие Божие, все яснее образ Христа в нас; так вершится преуспевание от узнавания к узнаванию, от сияния к сиянию, к совершенному подобию образу Сына Божия. «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2Кор.3:18;).

Это – вселение Иисуса Христа в наши сердца. Жизнь Иисуса Христа не подошла к концу на этой земле. Христос ведет ее в жизни Своих последователей. И отныне речь идет не о нашей христианской жизни, но о жизни Иисуса Христа в нас. «...и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Галл.2:20;). Вочеловечившийся, Распятый, Воссиявший вошел в меня и живет мою жизнь, «...для меня жизнь –

Христос» (Флп.1:21;). Со Христом же живет во мне Отец, и Отец и Сын Духом Святым. Это Сама Святая Троица, устроившая Себе жилище в христианине, преисполняя его и ведя к Своему подобию. Вочеловечившийся, распятый и воссиявший Христос принимает обличье отдельных людей, поскольку они – члены Его Тела, Церковь. Церковь несет облик человека, облик смерти и облик воскресения Иисуса Христа. Она прежде всего подобие Его (Еф.4:24; Кол.3:10;), и в этих обликах они все – члены ее. В теле Христовом мы становимся «как Христос».

Теперь становится понятно, почему в Новом Завете всегда говорится о том, чтобы мы стали «как Христос» (*καθως Χριστος*). Поскольку мы сделаны подобием Христа, то мы должны быть как Христос. Поскольку мы уже несем образ Христа, то только поэтому Христос может быть «образцом» («примером»), которому мы следуем. Поскольку Он Сам ведет Свою истинную жизнь в нас, мы можем «поступать так, как Он поступал» (1Ин.2:6;); делать «то же, что Я сделал» (Ин.13:15;); жить «в любви, как и Христос возлюбил» (Еф.5:2; Ин.13:34; 15:12;); чтобы «как Христос простил вас, так и вы» (Кол.3:13;); чтобы были «те же чувствования, какие и во Христе» (Флп.2:5;) – и тогда мы можем следовать примеру, который Он нам оставил (1Петр.2:21;), – нашу жизнь (душу) полагать за наших братьев, как Он положил ее за них (1Ин.3:16;). И только тогда мы можем быть как Он был, поскольку Он был как мы есть. Только тогда мы можем быть «как Христос», поскольку мы *суть* уподоблены ему. Отныне, будучи соделаны по образу Христову, мы можем жить по Его примеру. Здесь действительно творятся дела, здесь в простодушии следования ведется жизнь, подобная Христу. Здесь осуществляется просто послушание Слову. Взгляд больше не падает на мою собственную жизнь, на новый образ, который я несу. Я тотчас ее потеряю, если возжажду узреть ее. Теперь это только зеркало для образа Иисуса Христа, на который сам я смотрю со стороны. Воспоследовавший смотрит только на Того, Кому он следует. О нем же, несущем в следовании образ вочеловечившегося, распятого и воскресшего Иисуса Христа, о нем, ставшем подобием Божиим, надо сказать, заключая, что он призван «подражать Богу». Последовавший Христу есть подражатель Божий. «Итак, подражайте Христу, как чада возлюбленные» (Еф.5:1;).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

I

На экземпляре книги «Следуя Христу», подаренном мне Дитрихом Бонхёффером сразу по выходе ее из типографии, стоит такой автограф:

«Эберхарду от Дитриха. Канун Рождества 1937.

Я благодарю тебя за два с половиной года сотрудничества в Финкенвальде. Пусть наш путь все больше становится путем радостного следования. Слава Христу!»

«Сотрудничество в Финкенвальде» – оно закончилось именно тогда, когда он писал эти строки, 28 ноября.

Многие финкенвальдцы, рядовые «нелегалы» Исповедующей Церкви, прожившие вместе с Бонхёффером рождение многих глав его книги, были уже в тюрьме. В 1937 году 27 из них были арестованы. Ганс Иоахим Иванд, наш сотрудник из Восточной Пруссии, был лишен права преподавать и проповедовать, изгнан из Блёштау и уже находился под стражей вместе с суперинтендентом Дортмундской общины Хойнером, ранее предоставившим Иванду убежище. Что могло подвинуть нас начать все заново, через несколько дней, в качестве нелегального «Временного церковного управления» в церковных округах Кеслин и Шлаве в Нижней Померании? Обстоятельства борьбы за выживание Церкви в этом году не сулили нам ничего хорошего. Мартин Нимёллер находился с 1 июля в тюрьме. (Бонхёффер принес его жене экземпляр своей книги с посвящением: «Мартину Нимёллеру с братской благодарностью! Книга, которую он сумел бы написать лучше, чем автор».) 27 ноября в концлагерь Бухенвальд был брошен Пауль Шнейдер. 150 верных нашей Церкви встречали теперь Рождество Христово в заключении; всего же в 1937 году свыше 800 так или иначе побывали за решеткой.

Финкенвальдский семинар гестапо закрыло 29 сентября, можно сказать, в момент окончания этой книги; Дитрих Бонхёффер и я возложили свои надежды на южнонемецкие города. Мы предприняли последние приготовления к новой попытке развернуть деятельность в сотрудничестве с обоими нижнепомеранскими суперинтендентами. Мы должны были привыкать к частой перемене мест. Мы тогда еще владели подержанным «Мини-Дикси-БМВ» с фальшивым номером, а позже мотоциклом. При их помощи мы перевезли того же 28 ноября наши вещи из Финкенвальдской постройки: одну часть в берлинский

дом родителей Бонхёффера, другую – на чердак дома одного из членов финкенвальдской общины, фрау Фергес, в соседнем Альтдамме.

В этом месте наряду со всеми рукописями берлинских лекций Бонхёффера 1931-1933 годов хранилась также папка с черновиками книги «Следуя Христу». От всего этого ничего не осталось. Только один лист рукописи уцелел в моем экземпляре книги. Тексту этого листа уделялось большое внимание в последующих интерпретациях литературного наследия Бонхёффера (см., например, работы Альтенера «Дитрих Бонхёффер, учитель молитвы», Вюрцбург, 1976, и Штрукка «Следование Христу. Воспоминание об одном евангелическом начинании», Мюнхен, 1981): это цитата о приближении всеобщего гонения на христиан и о любви к врагам (близкая к Мф.5:48;), которую Бонхёффер обнаружил у А.Ф.Вильмара. Это место было повторено Бонхёффером в 23-м окружном послании финкенвальдцам от 26 августа 1937 года, в котором он также оповещает о благополучном завершении рукописи «несмотря на обилие забот». Бонхёффер послал этот отрывок в издательство в качестве страницы «60а» (см. в настоящем издании с.107 и след.).

В те дни Бонхёффер приветствовал финкенвальдцев: «Мы думаем о вас всех, особенно о заключенных, каждодневно. Думайте также о нас в начинаниях ваших» (GS II, 523). Немного позже он писал им:

«Охотно подарил бы каждому из вас к Рождеству экземпляр моей книги. При ее выходе я посвятил ее каждому из вас. И то, что ваших имен нет на обложке, имеет причиной то, что я не хотел, чтобы вы отвечали за мои взгляды. Наше единение строится на иных принципах. Мысль подарить каждому из вас экземпляр моей книги к Рождеству не может, к сожалению, воплотиться по финансовым соображениям. Но вы все равно знаете, что в этой книге» (GS II, 525).

II

Сегодня книга Бонхёффера вызывает противоречивые реакции, причем порой их высказывает один и тот же человек. Например, рейнский протопресвитер Иоахим Бекман считает: «Следуя Христу» Бонхёффера – самое выдающееся теологическое произведение из эпохи борьбы за Церковь; ибо кто еще так прокомментировал Нагорную проповедь; даже в условиях мучительных коллизий, связанных с присягой Гитлеру, мы готовы были любить его в качестве врага! Люди, отделенные от Бонхёффера поколениями, рассказывают, что книга произвела на них такое впечатление, что они готовы были воплощать ее в жизнь. Концепция «пломбированного поезда в чужой стране» (с.215) и ее требования к своим приверженцам в 1937 году вовсе не были лишь «элитарным радикализмом духовенства». То, что финкенвальдцы, находясь в угрожаемом положении, могли осознать как

освободительную силу, а именно неослабевающую энергию призыва к братскому единению в следовании Христу, – стало мощным стимулом духовного и интеллектуального развития Церкви и богословия. Слова Бонхёффера о подчинении и послушании воспринимались вообще с трудом.

Когда книга появилась, а она еще до войны получила сравнительно широкое распространение в кругах Исповедующей Церкви, – тогда же произошла идентификация автора и героя книги: Бонхёффер стал – «Следуя Христу», и соответственно «Следуя Христу» – это Бонхёффер. Таким виделся этот теолог и борец за эмансипацию Церкви по крайней мере два десятилетия. Это привело к тому, что единый писатель как бы распался на «подпольного» Бонхёффера и на автора «Этики» и «Сопротивления и прощения», что весьма проблематично. До сих пор наследие Бонхёффера используется половинчато, в зависимости от принадлежности к лагерю – консервативно-евангелическому или же «прогрессистскому».

Собственно, в жизни Бонхёффера развитие богословия «следования Христу» является решительным выходом из прирожденного круга верований и понятий; всякое смешение буржуазно-культурного протестантизма и либерального пиетизма неорганично в Церкви. Семья придала этому самоутверждению интересующее его направление – она стала одной из форм борьбы с национал-социализмом, цепко захватывавшим Церковь и государство.

С точки зрения истории богословия «Следуя Христу» представляет собой нечто большее, а именно эпохальное, гениальное наступление на интеллектуальное и духовное извращение Реформации, т.е. на послереформаторскую концепцию о благодати и – в тесной связи с этим – на конкретные представления о Церкви, несостоятельность которых приобрела фатальный характер. Поэтому книга не опережает и не отделяется от более поздней теологии Бонхёффера, содержащейся в «Этике» и в письмах. Поэтому «Следуя Христу» и поныне вызывает у молодых теологов критический интерес, подогреваемый преимуществами временной дистанции, как, например, в обзоре 1967 года у Эрнста Ланге «Церковь для других» (статья перепечатана в «Церковь из мира», Мюнхен, 1981, Мюнхен/Гельнхаузен).

Обстоятельства 1937 года не предоставляли возможностей для печатных откликов и дискуссий. Подлинное признание, которого Бонхёффер не имел при жизни, он стал медленно приобретать в послевоенные годы; вот что писал Карл Барт в своей «Церковной догматике» (IV/2, 604):

«Из всего, что было написано на эту тему (спасения. – Э.Б.), книга «Следуя Христу» Дитриха Бонхёффера мне представляется наиболее интересной...»

Критические отзывы 1939 года вынужденно ограничены эпистолярными рамками; например, письма Франца Гильдебранда, с которым у Бонхёффера всегда была полемика о законе и антиномиях (ср. GS VI, 434), или, например, письмо, Герхарда Краузе от февраля 1939 года:

«Вы правы, когда в своих письмах Вы говорите о «фундаментальных богословских расхождениих между нами» (корреспонденты предлагали также противоположные решения в области церковной политики. – О.Б.). Это так, хотя я не могу сформулировать ни одного из них... Я отмечаю моменты, которые я ранее встречал в католическом богословии: это касается и учения об оправдании, и еще более учения о Церкви – особенно в «вопросах-заблуждениях» (см.: «Биография», 695).

В настоящее время критика Бонхёффера в статье Краузе, посвященной ему, выглядит, впрочем, так:

«Желанное автору одоление лютеровских учеников («дорогая» вместо «даровой» благодати. – Э.Б.) при обращении к мистике (уподобление, связь с Личностью Иисуса. – Э.Б.), так же как по крайней мере странное сближение оправдания (искупления) и спасения (освящения) (стр. 215 наст. изд.) едва ли удачно» (VII, 60).

Таким образом, воздействие непривычной для протестантов книги было огромным, хотя до большинства церковной аудитории книга доходила в пересказах – так было, например, с Рут фон Клейст-Рецов в Штеттине, о чьих теологических способностях Бонхёффер отзывался с наивысшей похвалой.

Произошедшая после смерти Бонхёффера его идентификация с книгой «Следуя Христу» сказала и тогда, когда в 1948 году первое произведение Бонхёффера было издано в Англии («The cost of discipleship»), при том что в издании были опущены 5 из 13 глав книги (главы 3,7,8,11,12). К тому же, книга сопровождалась предисловием, которое написал живший тогда в Оксфорде шурина Бонхёффера Герхард Лейбхольц. Последний представил, английской публике Бонхёффера в качестве «мученика следования Христу», описал его финкенвальдское окружение в связи с развитием концепции Бонхёффера и поставил его деятельность в тесную связь с политическим сопротивлением нацизму (тогда Лейбхольцу еще не была известна «Этика», он знал только фрагменты из более позднего сборника писем. «Сопротивление и прощение»). Более всех здесь, однако, постарался Джордж Белл,

епископ Чичестерский, приравнявший в своем прекрасном предисловии тегельского заключенного и автора «Следуя Христу».

В Германии же это долго не удавалось. Большинство исследователей отмечали определенные противоречия трактовки ряда богословских вопросов в настоящей книге по отношению к тегельскому периоду; и лишь Ханфрид Мюллер, а также последовавшие за ним Р.Грегор-Смит из Англии и М.Гамильтон и Джон А.Филипс в США своими основательными работами оживили движение в противоположном направлении.

III

Предыстория создания этой книги относится к 1932 году, когда в берлинском семинаре стали говорить об аскетических упражнениях, о церковности и благочестии. В 1934 году была сформулирована тема «упражнений». Путь между тем пролегал через лондонские проповеди о Нагорной проповеди и через усиленное занятие с ними в Финкенвальде, где на семинаре в 1935 году впервые появляется, солидная рукопись. О том, как путем исправлений и доработок книга отлилась в свою окончательную форму, рассказывается в «Биографии» (с.515 и след.).

Примечательно, что книга «Следуя Христу» совершенно не была результатом событий 1933 года и последовавшей за ними борьбы Церкви. Основополагающий тезис о том, зачем и как обновленная вера находит свое социальное воплощение в следовании, получает словесную формулировку в конспектах семинара 1932 года и в реферате в DCSV, посвященном вопросам о мире («Вера *есть* делание», GS III, с.162 и след.; «даровая благодать», ср. «Биографию», с.253 и след.). В общем виде эта мысль появляется уже в диссертации («Sanctorium Communio», вышедшей в 1930) с ее интересом к социальному облику Церкви Христовой в мире; этому заострению проблемы способствует стремление Бонхёффера к конкретности и усилившаяся в результате его собственного служения критика церковных недостатков.

Таким образом, интеллектуально-академическая его деятельность все более устремлялась к богословско-экзистенциальной конкретизации. Бонхёффер использует каждую счастливую формулу, каждый удачный анализ, обнаруженные при изучении классиков богословия и философии; он использует все, что годится для его целей: от Лютера, Терстегена, Кольбрюгге, Вильмара, Кьеркегора вплоть до Ницше, часто без указания первоисточника. Так, например, Трауготт Фогель во время подготовки своей диссертации в Берлинском университете («Христос как пример и примиритель. Критическое исследование проблемы взаимоотношения закона и Евангелия в творчестве Сёрена Кьеркегора». Берлин, 1968) обнаружил, что Бонхёф-

фер использовал среди прочего опубликованную Кютемейером выборку из дневников Кьеркегора («Одиночка и Церковь. О Лютере и протестантизме», Берлин, 1934); среди прочего он «присвоил» сентенции о «ситуации» обретения веры, о лютеровском открытии «чистой» благодати после 20 лет поста и самобичевания, о замене «результата» предпосылкой. И действительно, в оставшейся от Бонхёффера библиотеке мы находим вышеупомянутую книгу с этими самыми местами, жирно подчеркнутыми.

Эпизод о трех последователях Христа из Лк.9 всегда сопровождал Бонхёффера: уже в 1927 году он говорил «выпускную» проповедь на эту тему; в начале 1934 года он написал памятку в лондонскую общину; наконец, об этом идет речь в данной книге (см. с.27 наст. изд.).

Я так и написал в биографии: «Тема «следования Христу» и ее главные тезисы были сформулированы в 1933 году, исключительно страшном и судьбоносном» (с.523).

В 1932 году существовала уже постановка вопроса и гипотетический ответ. Год 1933-й прекратил систематические изыскания. В 1934-м возникают, одновременно с ныне уже не существующими лондонскими проповедями о Нагорной проповеди, первые обобщающие прикидки. В 1935-1937 годах книга растет из недр финкенвальдского семинара, совершенно по-новому предстает вторая часть, *corpus Paulinum*. Ученики и читатели Бонхёффера восприняли книгу как сильнейший ответ на события, начавшиеся с 1933 года.

Возникает недопонимание Бонхёффера, желание вменить ему «бегство от мира». Гетто «следования» – не благостная духовная выгородка пиетистов и не потустороннее прельщенных; и те и другие изменяют почве. Нет, это призыв к борьбе, это концентрация и ограничение, через которое приобретается все. Используя терминологию позднего Бонхёффера, можно сказать: когда предпоследнее стремится вперед и жаждет прославления, готовое и к чести и к гибели, – и получает легион коленопреклоненных, в частности, и в Церкви, – тогда Бонхёффер обращается и к последнему, но именно ради дела предпоследнего. Он занимается темой, которая была исключительно введении пиетистов. Это происходит в то время, когда преследования усилились донельзя. И это правильно: гонения на Христа становятся с 1933 года действительно главной темой Церкви («Биография», с.526).

IV

Здесь трудно обозреть дискуссии, стремившиеся сузить процесс развития Бонхёффера до книги «Следуя Христу». Этот процесс можно отметить как некоторую паузу, как «интеллектуальное несчастье»,

поскольку дальнейшее развитие имело десятилетний перерыв – десять лет между 1933 и 1943, между концом берлинской доцентуры и возобновлением процесса в Тегеле. В противовес этому мною будут приведены два примера из более позднего времени, которые оспаривают отдельный характер книги «Следуя Христу», настаивая на последовательности.

Тимо Райнер Петерс под программным заголовком «Наличие политического в богословии Дитриха Бонхёффера» (Мюнхен/Майнц, 1976) прежде всего указывает на то, что «критическая теология Бонхёффера и его этические фрагменты против нацизма», как и вообще «его церковные, церковно-политические и политические воззрения», не могут быть отторгнутыми друг от друга (с.44 и след.):

«Царящая в книге «Следуя Христу» атмосфера отвержения мира непосредственно связана с социально-политическими обстоятельствами, сложившимися начиная с 1932 года, способствовавшими обострению и радикализации позиции автора. Однако не стоит преувеличивать политической заостренности книги: намеки на действительность устранены или спрятаны за цитатами, и критика современности происходит внутри критики библейско-теологической, в ориентированной на Лютера, Кьеркегора и Барта интерпретации учения об искуплении» (57).

Петерс прав, когда говорит, что «оппозиционная Церковь последователей» никогда не мыслилась Бонхёффером аполитичной. В своей ранней работе («По ту сторону радикализма и компромисса»; см.: «Растраченное наследие», IBF, изд. Е.Фейль, 1979, с.94 и след.) он обобщает:

«Следование Христу для него... также церковная и политическая программа. Книга не описывает эту политику, но инспирирует и иницирует ее... Слегка затронутый в «Следуя Христу» вопрос о политической ответственности заключен в... мыслях о «превосходящей праведности»...

Тема ненасилия для него не только вопрос христианской ответственности перед лицом тоталитарных обстоятельств; в предвоенные годы он в своем ненасильственном сопротивлении становится собственно христианином» (с.103 и след.).

Райнер Штрук, расставляя другие акценты (см.: «Следование Христу. Воспоминание об одном евангелическом начинании»), выступает за последовательность богословского пути у Бонхёффера, прежде всего именно в «Следуя Христу». На фоне горьких истин 1933 года, на фоне Лондона и Финкенвальде, на фоне распространенных

мечтаний о «настоящей народной Церкви», о теологическом обосновании «действительно немецкой проповеди Евангелия... вхождения Церкви в самые недра немецкой народности» (П.Альтхаус), книга Бонхёффера, по словам Штрунка, явилась первым подробным, принципиальным возражением подобным воззрениям (с.193).

Но помимо того, что «Следуя Христу» является *«церковно-политическим* ответом на создавшееся церковно-политическое положение... еще более важно, что книга стала *богословским* ответом на кризис христианства, который Бонхёффер вывел из данных церковно-исторических обстоятельств» (с.202).

«Там, где Бонхёффер в своей книге «Следуя Христу» говорит о «мире», он отнюдь не становится на позицию аскетически-благочестивого отвержения мира, как считал Фейль в своей книге, посвященной Бонхёфферу. И как иначе он мог бы описать следование Христу, как не, выражаясь словами Лютера, «наступление на существо мира сего»? Следование Христу означает для Бонхёффера не спасение собственной души от обстоятельств этого мира, а скорее «протест» против обстоятельств мира сего, «ближний бой», в котором мир должен быть «положен на лопатки»...»

«Таким образом, «мир» в книге Бонхёффера вовсе не всеобщее, а напротив, почти нейтральное понятие... это пережитое и выстраданное душой человека всемирное зрелище... связанное с обмирщенной Церковью... тоталитарного «германизма» (с.205 и след.).

«Следуя Христу» приносит... разрыв с этим миром, отбрасывая его чары» (с.209).

Штрунк заключает:

«Я вижу достоинство исследований Бонхёффера прежде всего в двух его интенциях. Первая направлена вовнутрь и затрагивает болезненный и неизбежный вопрос о соответствии христианина идеалу христианской личности. Другая мысль направлена, так сказать вовне и затрагивает отношения христианина и Церкви с миром. Обозначая первую как «веру», а вторую как «ответственность», он видит их единство и возможность развития в следовании Христу» (с.211 и след.).

Без обстоятельного рассмотрения истории богословия, религиозного индивидуализма XIX века, последующей редукции исходных принципов Реформации, а также без обнаружения полного извращения этих исходных принципов в мечтаниях и в воздушных замках, немецких богословов и церковных вождей в тридцатые годы –

без представления всего этого дело Бонхёффера теряет в своей значимости.

V

Книге Бонхёффера посвящено в настоящее время большое количество экуменических публикаций. Между тем католические богословы проявили больше интереса к книге, чем богословы евангелические, – это неожиданно подтверждает раннюю догадку Герхарда Краузе, что именно в труде Бонхёффера конфессиональные рамки становятся проницаемыми. Ряд имен подтверждает эту своего рода экуменичность: Хосе Алемани, Альберт Альтенер, М.В. ван ден Берк, Эрнст Фейль, Джеффри Келли, Уильям Кьюн, Итало Манчини, Рене Марле, Раймонд Менгус, И.В.Мёдльхаммер, Анна Моравска, Герхард Мюллер, Тимо Райнёр Петерс, Г.И. ван Шиндель, Серджо Соррентино. Протестанты разных национальностей в англоязычных странах, в Скандинавии, Голландии, Франции, Швейцарии, ЧССР, в Латинской Америке, а также в Японии и Корее переводят, комментируют и используют в своих трудах наследие Бонхёффера. И, конечно, в Германии – Западной и Восточной.

Здесь мы дадим слово междисциплинарному экуменизму. В своем интересном труде «The Sociality of Christ and Humanity» Клиффорд Грин с использованием методов психологии языка показал взаимосвязь биографии Бонхёффера и ключевых идей его творчества: как Бонхёффер с его неповторимой организацией личности отражается в своей христологии и экклезиологии.

«В книге «Следуя Христу» выражается личное освобождение Бонхёффера, случившееся в 1932 году. В основе его экзегетических, церковных и политических интересов живет оригинальное, глубокое богословствование... Установленная связь между ранними работами Бонхёффера и книгой о следовании Христу проливает свет на обстоятельства создания его тюремных записей. Знаменитая похвала человеческой силе и «немолчности» должна быть понята в свете раннего интереса Бонхёффера к сотериологической проблеме власти. В тридцатые годы Бонхёффер еще не совсем четко проводил различие между человеческой силой как благим даром, ясно им утверждаемым, – и той доминирующей, сопряженной с насилием властью, коренящейся в сотериологической проблеме. Кроме того, этому неразрешенному антропологическому противоречию в богословии Бонхёффера соответствует противоречие христологическое: между заимствованным у Лютера представлением о бессилии Христа перед свободой человека и представлении о Христе как о всесильном Хозяине мира» (ааО., с.3).

Социальные аспекты книги Бонхёффера, прослеживаемые среди прочего в его богословии следования на фоне социально-критических перспектив, в числе первых отметили американцы Том Дэй и голландец Х.Д. ван Хоогстратен; а их учитель И.Шперна Вейланд, как, впрочем, и Г.Ротуицен, – каждый на свой манер показывали следы таких представлений.

VI

Обсуждение этого главного произведения Бонхёффера естественно приводит к «провоцирующим» главам его книги. Вопросы истории евангелического богословия, в их неразрывной связи с проблемой «раннего» и «позднего» Бонхёффера, прежде всего его экзегетических, исторических и систематических предшественников и использования источников, а также специфические моменты соответствия или противоречия между «Этикой» и «Противлением и прощением» – такие вопросы занимали исследователей творчества Бонхёффера с содержательной и особенно с методологической стороны.

Бонхёффер сам «провоцировал» жаркие дискуссии вокруг его книги. Широко известны и часто цитируются два места из тегельских писем. Показателен сам по себе тот факт, что Бонхёффер очень сильно изменился в период между написанием «Следуя Христу» и «Этики», которую он так и не смог довести до конца; некоторые исследователи даже ставят вопрос, продолжил бы он свой труд, если бы прожил дольше. Дэвид Хоппер («A Dissent on Bonhoeffer») отвечает на этот вопрос отрицательно, поскольку теория Бонхёффера малоподвижна по существу, а характер мышления у него более построенный на реакции, чем образный. Того же мнения Джордж Казалис и Том Дей, по мнению которых интенция «Этики» неосуществима в условиях мирного буржуазного бытия.

Первое выступление Бонхёффера с собственной критикой (WEN, с.176) страдает недостатками. Например, разница между «последним» и «предпоследним», которая сделалась одной из ведущих идей «Этики», в «Следуя Христу» лишь обозначена в первых главах, и впоследствии он к ней не возвращается. А это, по его словам, «важнейшая вселенская проблема для определения «служения», для правильного пользования Библией, и главная для самой этики». Действительно: обширнейшая программа в области экклезиологии, служения, экзегезы и этики! «Не доведено до конца. Может быть, позже...» – так это звучало 5.12.1943. Было ли для Бонхёффера событием то, что в «Следуя Христу» он опять меняет «последнее» и «предпоследнее» местами и становится на сторону предпоследнего у последней черты, даже переступая ее? Кто из

последующих критиков способен превозмочь такое самоуничтожение? Это место открывает новые возможности!

Другое место тоже часто цитируется и комментируется, благо, оно не столь непосредственно связано с их анализом и к тому же не диктует тяжелых школьных заданий:

«В конце этого пути (т.е. «как вести праведную жизнь») написал я книгу «Следуя Христу». Сегодня, взирая на эту книгу; я отчетливо вижу опасности, исходящие из нее» (WEN. с.401).

Конечно, «взирая на книгу», он стоит перед требованием должного осознания себя всеми принадлежащими ко Христу – в момент фатального разлада, определенного ходом богословской и церковной истории, с наследием Реформации, равно как и в момент начала совершенно определенного новообретения богословских и этических отношений в мире для последователей Христа.

Но это «взирая на книгу... вижу опасности», стало предметом ожесточенной критики. Политически понятое «подвижное гетто» Бонхёффера все более принимало форму гетто абсолютно закрытого, стерильного для внешних влияний. Драгоценное инобытие благодати стало неуловимым, снова «дешевым» («Биография», с.527).

Такая направленная вовнутрь самокритика следовала за критикой, направленной «вовне». Вспоминается бонхёфферовская рекомендация Рёдеру из высшего военно-судебного совета: пусть он для разрешения своих сомнений по поводу лояльности и верности государству прочитает комментарий из «Следуя Христу» к Посланию к Римлянам, гл.13 (с.199 и след. наст, изд.; ср.: WEN, с.75), – чем Бонхёффер, конечно, поставил своего конфиденанта в ложное положение: не является ли подобный совет скрытой критикой того понимания взаимоотношений христианина и государства, которую Бонхёффер сформулировал в этой книге?

Что должно означать то обстоятельство, что в заключении предисловия 1937 года к книге «Следуя Христу» при решении вопроса о том, чем является следование для людей обычных профессий, с его пера буквально срывается: «для рабочего, для делового человека, для сельского хозяина, для солдата» (см. наст, изд., с.9), но не для негров, не для женщин? Это выглядит анахронизмом. Но при этом не надо упускать из виду, что «Следуя Христу» содержит целый ряд конкретных политических требований, к примеру, «ради праведности страждущих» и требований принесения клятвы.

Систематической критике многократно подвергалась тенденция Бонхёффера к почти полной идентификации Церкви и Христа (ср.: Е.Фейль. «Теология Дитриха Бонхёффера», с.186). Но надо все же заметить, что Бонхёффер хорошо понимал обе опасности,

подстерегающие здесь исследователя: полная идентификация и полное отрицание экклезиологического единства.

В экзегетике Бонхёффера встречаются наивности. Он не заботится о различении слов Христа и слов Матфея. Неужели он совсем забыл свои великолепные историко- критические лекции на факультете в Берлине? «Бонхёффер имел мужество оставить эти вопросы без внимания, когда писал книгу, хотя знал, что она будет встречена как ненаучная» (У.Харрельсон. «The place of Bonhoeffer», с.125).

Здесь мы имеем вовсе не просто «откат» к временам до «библейской критики». Ибо ёе-то он изучил.

Наверно, трудность здесь заключается в проблеме отношения к миру или, лучше сказать, в определении понятия «мир».

Альберт Альтенер («Дитрих Бонхёффер – учитель молитвы», с.210) утверждает, что в книге «Следуя Христу» – в противоположность «Этике» – ни разу не встречается слово «Воскресение», и в этом можно увидеть решающий дефект концепции.

Райнер Штрук также описывает затруднения, возникшие у него в связи с неопределенностью понятия «мира» у Бонхёффера:

«[Остается] неясным... что конкретное и что всеобщее, что временное и принципиальное. В понимании следования эта проблема зеркально переворачивается» (с.212).

«...поскольку он (в своей книге, а не в своей жизни) позволяет раствориться конкретно-историческому «миру» в конкретно-историческом следовании, они оба оказываются под угрозой остаться непонятными и абстрактными идеями... И последовавший имеет, в общем, цель, как я понимаю, стать «святым» (что, надо сказать, Бонхёффер не исключал как пожелание и возможность из своего тогдашнего положения)» (с.213).

Разве не это имел в виду Бонхёффер, когда в июле 1944 года в Тегеле он определил следование как лишь одну возможность (отнюдь не единственную) быть христианином:

«Это погружение в спасительные страдания Христа происходит в Новом Завете по-разному: через призвание апостолов, через разделение трапезы с грешниками, через обращение в узком смысле этого слова (Закхей), через деяние великой грешницы (последовавшей без всякого предварительного исповедывания грехов) (Лк.7;), через исцеление больных...» (WEN, с.395).

Райнер Штрук продолжает:

«Если бы Церковь могла существовать без идеи следования, то есть следования, лишенного конкретного, определенного противопоставления Христа определенной действительности, – то она утратила бы свое существо. Если бы Церковь хотела везде и вообще прикрываться следованием... то она сотворила бы некий совершенный закон, который, войди он в силу, оказался бы невыполнимым в тот же самый момент. Распространение следования как дела, неразрывно связанного с Церковью, означало бы лишь упразднение самой идеи следования. Она лишается в этом случае всей своей остроты и исключительности. Она тогда создает из определенного неопределенное. Из особенного общее место. Из животворящего дерзания скучную повседневность» (с.213).

VII

В необычном свете книга «Следуя Христу» высвечивается в связи с теми вопросами, которые и сейчас вызывают острые дискуссии о «богословии после Освенцима». Данная книга помогает отбросить копившиеся столетиями антииудаистские определения христианского вероучения. Нельзя сказать, чтобы Бонхёффер высказал по этому поводу стройную систему взглядов; думать так было бы неисторично. Что же до фактов, то некоторые мысли на счет христианско-еврейских связей содержатся в рукописи «Этики» от 1933 года (ср.: Э.Бетге. «Бонхёффер и евреи», в: «Звенья. Церковные взгляды Дитриха Бонхёффера», IBF 3, изд. Е.Фейль и Ш.Тёдт, Мюнхен, 1980, с.191 и 200). И все же мы встречаем антииудаистские клише в «Следуя Христу» там, где автор пишет о преемственности двух Заветов. Например, такой стереотип еврейства: «для последовавшего за Христом, в отличие от раввинов, богослужение невозможно, если оно отделено от служения брату» (с.89 наст. изд.); из-под пера Бонхёффера излилось то, чему его когда-то учили и что сегодня любой сведущий еврей отвергнет как абсолютно вздорное. И лишь иногда, как в отрывке о крещении, евреи показываются по-братски (с.196, 197 наст. изд.).

И все же «Следуя Христу» близко к тому, чтобы поднести топор к корням теологического антииудаизма, а именно в сфере излюбленной идеи Реформации – учении о двух предельно разъединяемых областях – «Закона и Евангелия». Бонхёффер вносит принципиальную коррективу в традиционное представление об «отмене закона» Иисусом (см., напр, с.81 и след. наст. изд.), чем уличается древнее исхищрение Маркиона, исказившего слова Матфея (5:17): «Я пришел разрушить, а не исполнить». В действительном, неискаженном виде это место выглядит так: «Я пришел исполнить, а не разрушить»; подлинная связь с Иисусом, продолжает Бонхёффер, «может быть дарована только в связи с Законом Божиим» (см. с.85 наст. изд.).

Франк Крюземан отмечает, как это далеко простирается у Бонхёффера, когда он говорит об обнаружении смысла Ветхого Завета в Церкви и богословии.

«Он указывает на следующие традиционные формы противопоставления закона и Евангелия, сослагательное и повелительное наклонение... Это противоположение делает возможным то разделение веры и практической любви, в котором следует искать причину кризиса Церкви. Бонхёффер называет это «обесцененной благодатью». Если сводить Евангелие только к прощению грехов, к одному толкованию о благодати, то целое его станет распадаться... наша проблема не праведность деяния, а несомненная вера...» (в сб.: «Освенцим. Кризис христианского богословия», изд. Р.Рендторф и Э.Штегеман, Мюнхен, 1980, с.164).

Действительно, богословие «следования» привело Бонхёффера к тому, что он, к примеру, бесконечно длинный 119-й псалом рассматривает как вершину богословия (см.: GS IV, с.505 и след.); что в «Этике» он посвящает целые страницы благодетельности закона («Этика», с.297 и след.).

В.И.Пек обнаружил глубокую связь между христианством как «религией» (т.е. принудительной институцией) и антисемитизмом; бонхёфферовское видение нового христианства предполагает «исчезновение ряда характерных для «религии» черт, как, например, ненависть к миру и антисемитизм» («Теология и политика в отношении Бонхёффера к еврейству». См.: EvTh 32, 1972, с.547).

«Следуя Христу» ведет борьбу против последовательного превращения реформационной веры в религию, т.е. против ее извращения через аполитизацию, провинциализацию, индивидуализацию и спиритуализацию; эта книга остается классическим документом на пути обновления христианско-иудейских связей как раз на пороге Катастрофы еврейства.

VIII

Не случайно книга «Следуя Христу» переведена на 14 языков, и даже в тот период, когда публикация тегельских писем произвела сенсацию и поставила все остальное в тень, она не была забыта. Сегодня понятно, что здесь мы имеем дело с гениальной попыткой обновления евангельского богословия и церковности.

Словесные формулы Бонхёффера и поныне находятся в богословском обиходе: о «дорогой» благодати, о соединении веры и послушания, о связи богословского познания с бытием, об опустошительных последствиях обесцененной благодати для Церкви.

Сегодня также стоит подумать и о том, что этот евангелический богослов начал свое первое публичное выступление с рассмотрения Нагорной проповеди, а вовсе не – как классические протестанты Лютер, Карл Барт и др. – с Послания к Римлянам. Как это опасно! И как поныне актуально! Действительно, первые главы, и поныне почти не утратившие в своей словесной вещности ни своей свежести, ни глубины, контрастируют с многообразно скорбной ситуацией Евангелической Церкви сегодня. Исходя из этого обстоятельства идентификация Бонхёффера и «Следования» не представляется безусловно неправильной.

Эберхард Бетге

Вахтберг-Виллипротт, июль 1981